

го [Разума] с ним соединяются светы Первого, становится подобным Первому, действующим в собственной самости, устремляя мысль в искомое, и тогда знание его о том умножается так, что ему необходимо разделить его с другими, следовательно, тот участок расположен по ходу Луны так, что, когда она с ним встречается, с ним соединяются ее светы, которые сияют, зажженные Солнцем, и тогда она становится причиной кипения и прибывания вод на том участке, так что тому необходимо для них вместилище большее, нежели то, которым он обладает; это воздействие схоже с воздействием вогнутого зажигающего зеркала: установленное против Солнца, оно полностью принимает его свет и истечение и, перенося его на то, что встретится на его пути, сжигает оное.

Таково, вкратце, соответствие, устанавливаемое весами вероисповедными для воды.

Воздадим хвалу Богу в покорности и смирении, почтительности и благоговении. Да пребудет благословение Божье с господином рода человеческого, печатью предвестников — с пророком Его Мухаммедом и чистым родом его.

КВАРТАЛ СЕДЬМОЙ

*О трех порождениях: минералах, растениях
и животных, происходящих от тел небесных
и тел земных — огня, воздуха, воды и земли*

с четырнадцатью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О той второй материи, от которой происходят порождения, как о смеси (*мизъдж*)

В [разделе] о способе бытия столпов мы говорили о первой материи и показали, исходя из пророческих законоустановлений, какова она и какие превращения претерпевает. Сейчас же скажем: в самостях столпов нет противоположения; имеющееся в целокупном теле каждого из них противоположение вызывается изменением и превращением их самостей, однако превращение приводит к ним извне, когда каждый из двух в зависимости от своей силы воздействует на другого присущим ему качеством — теплый на холодного, сухой на влажного, и наоборот, а также когда одни подвергаются воздействию других. Так все они, превращаясь, находятся во взаимодействии, от которого происходит их смешивание (*имтизъдж*) и получают порождения, форма которых не происходит от воплощенности ни одного из столпов. Так благодаря второму стяжанию (*иктисаб сâнин*) столпы суть вторая материя для бытия сущего.

С точки зрения образования из них сущего столпы

находятся в двух состояниях: во-первых, одни воздействуют на других своими качествами и благодаря принятию небесных сил; и во-вторых, одни претерпевают воздействие других из-за недостаточности того, что преобладает в другом. Образовывающееся от сих двух состояний сущее заслуживает носить соответствующие имена: во-первых, то, что от воздействия одних на другие путем проникновения и перенесения, имя смеси (*мизадж*); во-вторых, то, что от претерпевания воздействия и превращения и перехода во второе состояние, когда оно не может быть ни одним из тех двух (участвовавших в смешении.— *А. С.*),— имя смешанного (*мумтазидж*). Так оно, с одной стороны, смесь, а с другой стороны, смешанное. Как смесь оно — поддерживающая причина, а как смешанное — поддерживаемое следствие.

Коль скоро четыре столпа, семь влияющих [планет] и круговращающиеся небесные сферы все суть поддерживающая причина сущего под лунной сферой, бытие коего с ними связано, и поскольку поддерживающие причины обусловливают в своих следствиях множественность большую, нежели имеющаяся в их самостях, то та множественность, которая присутствует, во-первых, в каждой из небесных сфер, звезд и столпов (из коих каждый и каждая суть сами по себе поддерживающие причины), во-вторых, в их множественных состояниях, и в-третьих, в том, что самости всех их становятся как бы единой самостью и единой поддерживающей причиной,— эта множественность является той поддерживающей причиной, что обусловливает неисчислимую множественность смесей, от которых происходит сущее. Ведь в мире превращений нет ничего, кроме сущего от четырех столпов и их сил, столпы же превращаются друг в друга, воздействуют один на другого и преобладают один над другим так, как то бывает обусловлено. Так от них благодаря их взаимодействию возникают многочисленные смеси, еще более возрастающие в числе, когда тела совершают формальное движение к стяжанию всего, что они могут принять и в чем состоит их совершенство как таковых, и подвергаются формальному воздействию небесных тел в каждом из их состояний, ввиду множественности возникающих от оных движущихся [небесных тел] движений и передаваемых их излучением воздействий в каждом из их состояний, когда они восходят, закатываются или стоят над

ними в зените, когда удаляются от них, поднявшись в апогей, или приближаются, спускаясь в перигей, когда смешаются их состояния в попятном и прямом движениях и их первом и втором стояниях, когда они бывают северными или южными, когда становятся везирем, когда находятся в своих домах, границах либо гранях, в экзальтации, падении либо ущербе, в своих треугольниках, нимбахрах или дреканах, в восточной либо западной элонгациях, когда в каждый момент времени занимают особое положение относительно острий угловых домов, когда овладевают ассендантом, вышшаются или опускаются относительно него, когда находятся в аспектах: секстиле, тригоне, квадрате, оппозиции или соединении, или когда большинство их собирается в том или ином знаке Зодиака;¹ и таковы они всегда и везде.

По мере того, как сии смеси удаляются от природ столпов, их число увеличивается, множась само на себя, так что они увеличивают свою множественность (так же, как возрастает множественность чисел соответственно их близости к единице), каковая возрастает до такой степени, что становится неисчислимой. Посему порядок сущего от них таков, что смесь первоначально происходящего от столпов ближе к ним и менее сложна, нежели у того, что происходит во вторую очередь; так же и смесь происходящего во вторую очередь ближе к ним и менее сложна, нежели происходящего в третью очередь; и так до тех пор, пока множественность смесей (благодаря коим складывается сложное [сущее]) не достигнет той степени, что ничто из того, чему мудростью назначено быть, не будет упущено, и не дойдет до того предела, который и является искомой конечной целью всего и за которым уже нет никакой цели. Например, смесь происходящих от них облаков и прочих метеоявлений более с ними схожа, ближе к ним в порядке бытия и менее сложна, нежели смесь сущих от них минералов, каковые от них дальше, более сложны и более многочисленны по своим видам; или же смесь сущих от них минералов ближе к ним, менее сложна и менее многочисленна по видам, нежели смесь растений, каковые дальше от них, более сложны и более многочисленны по видам; или же смесь растений ближе к ним и менее сложна, а виды ее менее многочисленны, нежели [смесь] животных, каковые дальше от них, более сложны и более многочисленны по видам; или же смесь животных ближе к ним и менее сложна, нежели [смесь]

человека, который дальше от них и более сложен, нежели все, что ему в бытии предшествует.

Все эти многочисленные смеси распадаются на две: первую и вторую смесь. Первая смесь — та, от которой образуются метеоявления: облака, туман, метеориты и прочее, что, хоть и рождается от нее, однако же [лишь] помогает Природе в ее действиях и [служит] как бы орудиями. Вторая смесь — та, от которой происходит самость трех порождений, каковые существуют только посредством первой [смеси]. Сие распадается на двадцать четыре начала (*ялбу*'), из коих составляются многочисленные смеси, благодаря которым и существуют представители видов, подпадающих под родовое членение порождений (как о том будет подробно сказано в разделе о смешанном).

Истинность и правильность сказанного подтверждается божественным устроением мира религии — равновесным мерилем знаний. А именно: из того, что границы мира религии взаимодействуют, научая и научаясь, обсуждая и дискутируя, вытекает, что между столпами существует взаимодействие через перемешивание (*мумазаджа*). Поскольку в мире религии исполнение душами обрядов обоих поклонений, обучение у границ и привязанность к ним чрез послушание и есть религия, следовательно, принятие частицами земли сил огня, воздуха, воды и высших тел и есть смесь, то есть перемешивание. Из того, что высшие и низшие границы, отдавая и получая, служат поддерживающей причиной принятия душами от них исходящего, вытекает, что небесные сферы, звезды и столпы, воздействуя и претерпевая воздействие, служат поддерживающей причиной бытия смеси. Поскольку поддерживающей причиной множественности исповеданий служит то, что принесенные пророком (да благословит Бог его и род его!) установления, будучи символами и подобиями, могут истолковываться многоразлично, следовательно, множественность столпов и выше оных стоящего (а они суть поддерживающая причина) служит поддерживающей причиной множественности смесей. Из того, что существование духовных порождений связано с осуществлением поклонения знанием и деянием (чем обретается добродетель), следует, что существование природных порождений связано с существованием смеси. Коль скоро в мире религии правильной, достохвальной и вызывающей довольство Бога и Его наместников религией

является такое сочетание двух поклонений, в котором нет отхода в сторону одного в ущерб другому, следовательно, умеренной, достохвальной и правильной смесью является такое соединение сил при воздействии одних столпов на другие, в котором ни один из них не преобладает.

Из того, что в мире религии души распадаются на шиитов и мурджиитов, вытекает, что смеси во всей своей множественности распадаются на умеренные и неумеренные. Из того, что в мире религии поклонение того, кто соединяет оба поклонения, знанием и действием, выше, нежели поклонение того, кто одно из них предаст забвению, следует, что в мире Природы смесь порождения с умеренным сочетанием частиц столпов выше, нежели смесь порождения с недостатком каких-либо столпов. Поскольку множественность взглядов, исповеданий, обрядов поклонения и наук в мире религии, а также множественность каждого обряда и каждой из наук в себе самих неисчислима, следовательно, множественность смеси порождений в мире Природы и множественность смеси каждой порожденной особи неисчислима. Коль скоро благодаря своей вере верующий имеет две вещи: во-первых, соединение (*мува́сала*) с теми, кто выше его в Боге, и принятие изливаемого границами, а во-вторых, собственное действие, следование вышестоящим, подчинение и восхождение по рангам, значит, столпы воздействуют, соединяясь одни с другими и принимая силы вышестоящих тел, и претерпевают воздействия, превращаясь в порождения. Из того, что границы мира религии являются и дающими, поскольку отдают, и получающими, поскольку получают, вытекает, что столпы суть смесь как активное и смешанное как претерпевающее. Так как одни порождения в мире религии суть помощники в научении, другие же — научающиеся и получающие, значит, смесь двояка: во-первых, та, что является материей для помогающего воздействию Природы, и во-вторых, та, что является материей для порождений.

Поскольку сущие мира религии распределены по рядам с точки зрения научения и знания, так что каждый наделен знанием сущего более, нежели ему предшествующие, близостью же обладает большей, чем после него идущие, а занимающий последний ранг узнает столь многое, что большей множественности уж нет, зная всех границ и все, связанное с религией, то есть больше, нежели ему в

бытии предшествующие, следовательно, столпы мира Природы и их порождения распределены в бытии с точки зрения воздействия одних на другие и смесь каждого порождения ближе к предшествующему в бытии, нежели [смесь] после него идущего, а оно более подготовлено к сложности строения и более готово обладать множественными органами и силами, нежели ему в бытии предшествующее. Поскольку в мире религии наиболее близки ко всей совокупности знаний пророков и имамов (мир им!), от оных источников всех рангов явного и скрытого поклонения происходят, двадцать четыре врата, от научения и обучения коих идет бытие духовных порождений, следовательно, прежде всего существующее от небесных и земных тел, от их воздействия и претерпевания, а именно смесь, распадается на двадцать четыре смеси, от коих идет бытие природных порождений.

Вот что благодаря равновесности и взаимному соответствию поведали весы мира религии о смеси.

Вознесем же хвалу Богу и возблагодарим Его. Да пребудет благословение Его с Его посланником, господином нашим Мухаммедом — печатью пророков, и с чистым родом его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ВТОРАЯ

О сущем, образуемом в месте воздуха благодаря влияниям, как о смешанном, и каково оно

Коль скоро сущее под лунной сферой происходит только от материи, материя же является материей первой принятой формы, затем с этой принятой формой становится материей для другой, второй формы, и поскольку столпы благодаря взаимному воздействию и влиянию влияющего уже имеют первую форму, а именно смесь, следовательно, смесь со своей формой является материей для другой, второй формы, а именно смешанного. Действительно, та материя, которая именуется смесью, благодаря взаимодействию четырех столпов с их четырьмя качествами и влиянию вышестоящих тел приобрела то состояние, в котором она не может быть воплощенностью ни одного из тех столпов, от коих произошла, будучи образована их взаимным сопряжением чрез перемешивание и превращение, в котором они уклоня-

ются от своих воплощенностей, — то состояние, в котором она не может быть также причислена и к тем сущим, кои образуются из нее (ибо для этого она должна нечто претерпеть и получить вторую форму). Так же, к примеру, пережаренные хлеб, мясо, овощи, финики и вода, оказавшись в желудке, не похожи ни на что из того, что образовало содержимое желудка благодаря взаимному сопряжению, не причисляется это и к тому, чем оно станет и форму чего примет, как-то: кровь, плоть, кости, волосы, ногти, кожа, нервы и прочее.

Раз так, то в этом состоянии она имеет иной ранг, которым не обладала первоначально (хотя по воплощенности она и есть то, что произойдет из нее), и она ближе к существам (*мутакаввин*), нежели столпы; она — вторая материя для существ, готовая принять свои формы в соответствии с подготовленностью и преобладанием в ней одного из четырех [столпов], от которых она произошла.

Итак, поскольку смесь является второй материей для образующихся существ, разговор же о ней идет как о смеси постольку, поскольку она относится к воздействию и как о смешанном постольку, поскольку она является претерпевающей, и притом как о смеси мы о ней уже говорили, то о ней как о смешанном скажем следующее: раз смесь распадается на первую и вторую, то и сущее от нее двояко: первичное и вторичное. Первичное — это то, о чем мы будем говорить здесь, а именно находящиеся в месте воздуха облака, которые не суть ни огонь, ни вода, ни земля и ни одно из четырех качеств, но нечто сродни им всем; происходят же они от постоянного нагрева, достигающего двух нижних тел при содействии двух вышестоящих¹, распадается на различные виды и являются причиной бытия порождений и большинства или даже всего из того, что случается в воздухе, почему мы и говорим, что они — первичное [сущее].

Поскольку доказательство бытия всего того, что мы стремимся познать, добывается весами вероисповедными, кои для приверженцев религии служат мерилем истинности, то мы скажем, что раз в мире религии причиной бытия извещающего проповедника, причиной того, что из людей призыва именно он взшел на ступень приведения доказательств, служит истечение знаний имамов, свершающееся через худжжу путем научения, приняв которые оный [про-

поведник] восходит на высшие из вершин, следовательно, в мире Природы причина бытия облаков состоит в том, что сила нагрева проникает от высших тел в нижние и принявшие ее частицы оных тел поднимаются ввысь. Из того, что в мире религии бытие границ в порядке бытия предшествует бытию прочих [людей], ибо они суть причина существования оных в этом мире, вытекает, что в мире Природы бытие облаков предшествует бытию прочего, ибо они суть причина сущих в этом мире порождений. Поскольку извещающий проповедник, кладезь религиозных наук, умеющий находить «в землях и душах» доказательства, дабы представить их как образец (*мисъл*) и парадигму (*вази*) вопрошающему о религии,— поскольку сей извещающий проповедник обладает истечением и [способностью] разъяснять и доказывать, благодаря чему теплится жизнь верующих, узнающих о божественном и получающих тайно-скрытое знание, и поскольку благодаря ему множатся духовные порождения и из невежд превращаются в знающих, следовательно, из облаков выделяется вода (ибо они влажны) и выпадает дождем, благодаря чему множатся природные порождения, а мертвая земля оживает.

Поскольку не все извещающие проповедники одинаковы в научении и приведении доказательств, но одни достигли предельной цели в снискании знания и научении, другие обладают знанием, не говоря и не научая, третьи и того ниже, и так до тех, кто лишь зовется [проповедником], но не знает и не научает,— следовательно, среди облаков одни имеют всемерную влажность и истечение, другие менее того, и так до тех облаков, что суть как дым, в которых отсутствует влажность и из которых не выпадает дождь. Поскольку неспособность извещающего проповедника приводить доказательства так, как то требуется его рангом, и отсутствие истечения от него знания становятся причиной неверия людей призыва и гибели духовных порождений, следовательно, если облако недостаточно влажно и не принесит дождя, то это становится причиной засыхания растений и животных и гибели природных порождений. Если извещающие проповедники соберутся при худжде и тот начнет экзаменовать их, задавая каждому в соответствии с мерой его знания те вопросы, что стоят перед худждами, то умножится их речь и доказательства и явятся в том истинны о божественном, что и станет истечением для людей призыва,

кое они примут и коим будут живы,— следовательно, и облака, когда скапливаются в месте воздуха, между ними пронесется ветер, который, в них проникая, вызывает грохот грома и вспышку молнии, а затем от великого движения в них ветра выпадает дождь, который принимают и которым живут частицы земли: воздух истолковывается как худжда, наличие в воздухе облаков — как собрание извещающих проповедников при худжде, ветер же — это движущийся воздух, а течение ветра среди облаков — испытание извещающих проповедников вопросами худжды. Все приводимые ими разъяснения и доказательства суть прославление и восхваление Бога, утверждение единобожия и поклонение Ему; как говорит Всевышний: «Ему воссылают хвалу гром и ангелы, от страха пред Ним»².

Поскольку в мире религии худжда, увидев неверность извещающего проповедника и желая обратить то во благо людей призыва, относит сие к явному смыслу речей пророка и имамов (мир им!), следовательно, воздух, относя дождевое облако к холодному северу, превращает сей дождь в град и снег. Поскольку врата, изливая [знания], как то предписано его совершенством, и ниже его стоящие худжды, приемлющие сие, являются причиной распространения божественных наук среди людей призыва, а поэтому сие есть дело всеобщее, служащее благу разумных порождений, следовательно, небесные тела, двигаясь, приводят нижестоящие тела в движение таким образом, что это движение нисходит по их частицам в воздух и становится дующим на благо природных порождений ветром, а именно северным ветром, случающимся от движения движущихся [тел]. Поскольку к людям призыва от вышестоящих проповедников и худждей идет научение и знание о толковании, что является делом частным, служащим благу духовных порождений, следовательно, испарения, поднимаясь от земли на место воздуха, производят в оном дополнительное движение, которое превращается в дующий на благо природных порождений ветер, а именно южный ветер, возникающий при восхождении испарений от рубежей земли. Поскольку научение границами нижестоящих и поучение нижестоящих у вышестоящих, встречаясь, становятся причиной выведения много-различных явных и скрытых сторон ответа, следовательно, движение поднимающихся от земли к месту воздуха частиц и движение воздуха, низводимое в него движением небес-

ных тел, встречаясь, производят в зависимости от своей силы различные ветра.

Поскольку в мире религии извещающие проповедники благодаря распространению сил имамов и приходу оных [сил] к ним от разрядов границ мира Творения, как о тех силах сказано Им Самим: «Он был от него на расстоянии двух луков или еще ближе»³, являют нечто восхитительное для разума, чувств и религиозного рвения того, кто им внемлет, следовательно, облака, принимая распространяющиеся лучи солнца, расцветаются радугой⁴ красных, желтых и зеленых цветов, появляющихся пред восхищенными знатоками. Поскольку в начале и конце малых циклов знания о чем-то особом бывают явлены извещающими проповедниками от имамов (мир им!), а в конце шестого цикла, когда он проходит, и в начале седьмого — обо всем от воздвигнутого и его преемников, следовательно, сии радужные цвета появляются в конце года, когда кончаются холодные дни, и в начале нового года, когда расцветает весна.

Из того, что в начале циклов некоторые из людей призыва благодаря своей искренности и принятию света веры поднимаются в мире религии до ранга врат, отличаясь в этом восхождении от себе подобных, так то что их слушают и поминают и им следуют, они же предвещают о том, что случится в мире религии (например, Иоанн, сын Захарии), вытекает, что некоторые из поднявшихся на место воздуха испарений могут иметь смесь, подготовленную к принятию влияний, и принять [их] так, что будут в том отличаться от всего прочего, став как бы хвостатой планетой, предвещающей происшествия в мире Природы. Некоторые из людей призыва поднимаются до ранга худджи, а затем занимают ранг врат, не будучи в том ранге стойки, ибо сомневаются в исповедуемом, а потому низвергаются и возвращаются в первоначальный свой ранг, а те, кто принимал там их поучение, гибнут. Из этого следует, что в месте воздуха может возникнуть некая смесь, затем подняться на верхний край воздуха, оказавшись вблизи огня, где она вспыхивает, но не удерживается ввиду обилия своих земляных частиц, а потому разрушается и возвращается, падая, на землю (ибо из нее вышла) и становится молнией, губительной для всех, кого настигает. Поскольку поднявшийся на ступень худджи, примыкающую к рангу врат, может, не стоя твердо на

сей ступени призыва, остаться вместе с тем искренним, уверенным и твердым в законах исповедания и потому не пасть со своей ступени религии и веры, но, напротив, путешествовать по земле, освещая везде, куда прибывает, путь поклонения, возвещая законы исповедания и символизируемый Законом смысл, как он тому научился от вышестоящих границ, следовательно, смесь, которой случилось быть в месте воздуха, подняться к верхнему краю сопредельного с огнем [тела] (т. е. воздуха.— *A. C.*) и загореться, может не низвергнуться и не возвратиться на землю, но стать вытянувшимся по небу метеором, овевающим мрак ночи, дабы явить глазу форму вещей. В мире религии некоторые из людей призыва могут подняться на ступень проповедников и благодаря обилию знания и силы худджи обучать знаниям об истолковании и разрядам земных границ тех, кто оным знаниям внемлет, так что будут они объяты изливаемой худджей благодатью, из чего следует, что поднимающиеся от земли испарения могут образовать такую смесь, которая не поднимется к верхнему краю воздуха, но благодаря влажности воздуха останется у нижнего его края, и тогда из нее образуется туман, увлажняющий растения и дарящий им благо.

Вот что поведали весы, коими чрез равновесность и взаимное соответствие улавливаются в мире религии знания, те весы, что суть пробный камень речения Всевышнего: «Мы покажем им Наши знаки в [дальних] землях и душах их, дабы, стало ясно им, что сие — истина»⁵. Слава Богу, приведшему нас к благу и устранившему сомнения и колебания, возжегши свету мира религии и воздвигнув путеводящие ковчеги спасения — Мухаммеда и чистый род его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О трех порождениях: минералах, растениях и животных; сначала о минералах как телах

В предыдущем разделе мы говорили о сущем от столпов как о смеси и как о смешанном, показали, что с распадением смеси на первичную и вторичную распадается и смешан-

ное, пояснили, что именно, связанное с первой из сих двух, имеется в месте воздуха. Всего этого достаточно нашим подлинным братьям, чтобы, опираясь на пророческое произведение, продвинуться дальше в выведении знания о природном сущем. В целом же из сказанного в пятом квартале ясно, что разговор о минералах как о телах пойдет в пределах второй части (т. е. вторичной смеси.— А. С.), каковая существует лишь благодаря первой. А посему скажем: поскольку с распадением смеси смешанное также распадается на первичное и вторичное, о первом же, а именно — об облаках и метеоявлениях мы вкратце уже говорили на пути исповедном, то сейчас добавим, что вторая из тех двух частей — это три порождения в порядке их следования: минералы, растения и животные¹, причем ни одна особь ни одного из видов их не существует иначе как от смеси, происходящей от четырех столпов благодаря взаимодействию их четырех качеств (теплоты, холода, влажности и сухости) и влиянию влияющих, над ними расположенных [небесных тел], как мы о том ранее говорили.

Коль скоро три [вида] порождений существуют таким образом, мы скажем следующее: из того, что четыре столпа воздействуют одни на других, так что в зависимости от струящейся в них мудрости силы одних преобладают над силами других, вытекает, что в каждом от них сущем эти четыре [столпа] должны быть упорядочены в соответствии с преобладанием и силой каждого и актуальностью того, который преобладает, так, чтобы слабый, потенциально-скрытый [столп] был под пятой преобладающего, ему предшествующего и актуального, как то предписано Всевышним. Например, в ковких телах явной в их смеси является сухость, в то время как три прочие [качества] (теплота, холод и влажность) скрыты в них, упорядоченные по преобладанию и силе, по истине же подчиненной среди них является влажность: она в них скрыта и является только благодаря преобладанию в них теплоты огня, и когда та достигает своего предела, выявляется влажность, и они становятся текучей жидкостью.

Таким образом, от четырех [столпов] должно существовать двадцать четыре [вида] смешанного, кои суть источники всего образованного, из оных же восемь умеренных, каковая умеренность дает жизнь растениям и животным и плавкость минералам, прочие — отклоняющиеся от умерен-

ности из-за избыточности или недостаточности. Сии двадцать четыре состава (*мураккаб*) могут быть представлены так, чтобы они были постигнуты умом; для этого каждое из четырех качеств — теплоту, холод, сухость и влажность — мы обозначим надлежащей буквой, записав для теплоты *а*, для холода — *б*, для сухости — *в* и для влажности — *г*, а затем будем комбинировать их; преобладающим в составе четырех [качеств] будет то из них, чья буква идет первой, затем — следующая за ней, и так до четвертого, которое окажется всецело подчиненным. Первым составом будет *аввг*, вторым — *авбг*, третьим — *авгв*, четвертым — *абгв*, пятым — *авгб*, шестым — *авгб*, седьмым — *бвга*, восьмым — *бгва*, девятым — *бавг*, десятым — *бгав*, одиннадцатым — *бваг*, двенадцатым — *бавг*, тринадцатым — *вгаб*, четырнадцатым — *вагб*, пятнадцатым — *вбга*, шестнадцатым — *вгба*, семнадцатым — *вбаг*, восемнадцатым — *вабг*, девятнадцатым — *габв*, двадцатым — *гбав*, двадцать первым — *гавб*, двадцать вторым — *гваб*, двадцать третьим — *гбва* и двадцать четвертым — *гвба*.

Далее, порожденные (*мутаваллидāt*) (то есть виды родов порождений) множатся необозримо благодаря небесным силам, нисходящим на смесь от совершающих относительно нее различные движения тел, и соответственно множественности оных, а также благодаря пронизывающему ее их излучению и соответственно их многочисленным соотношениям, ранее упомянутым. Каждое из сих качеств занимает в каждом сущем свой ранг бытия и преобладания, один из четырех: одно в ней (смеси.— А. С.) занимает первый ранг, другое — второй и так до четвертого — в соответствии с то обуславливающими поддерживающими причинами; в связи с этим она (смесь.— А. С.) и отклоняется от умеренности. Подобным же образом неисчислимо множится и сущее.

Поскольку сущее мира Природы в своем бытии упорядочено от высшего сущего до земли, находящейся в наибольшем удалении от первоначала (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), таким образом, что одно с другим соединено, что противоположности охранены друг от друга и каждому сущему свойственно ему соответствующее, так что одно лучше другого, следовательно, порожденные из четырех столпов, находящихся на земле (которая наиболее удалена от первоначала), также упорядочены таким образом, что сущее от них и составленное из них

оказывается благодаря наличию в нем того, чего нет в ней (земле.— А. С.), ближе к первоначалу, нежели она, ибо из той предельной [удаленности] оно поднимается на ранг, более близкий к первоначалу, нежели ее. Так же точно обстоит дело с сущим от сущего от них, и с сущим от сущего от сущего от них, и так до тех пор, пока сущее, умножая свою сложность, удаляясь от сего конца, наиудаленнейшего от первоначала, и поднимаясь ввысь по рангам, не достигнет той предельной цели, за которой уж нет другой, и не станет вторым пределом сущего, стоящим против Первого [Сущего]. Сей [второй предел] ближе к нему (Первому Сущему.— А. С.), нежели все прочие [пределы], ибо подходит прямо к нему, подобен ему, схож с ним, соответствен ему и с ним однороден (*муджāнис*). Он — второй предел, как и тот — предел; он стоит на ступени воскрешения (*инби'ās*) и воссоединения (*люхūk*), как и тот стоит на ступени предшествования в бытии.

Вот каковы порождения, как мы о том говорили в нашем трактате «Приметы веры»: распределены по ступеням и соединены одни с другими единением близости, благодаря коему они схожи с тем, от чего проистекает их бытие и что стоит выше их в рангах бытия. Дело в том, что роды порожденного имеют виды, упорядоченные по своему благородству таким образом, что первый из тех видов ниже всех остальных, последний же вид выше всех рангом, а притом они между собой соединены чрез взаимное сходство и однородность, ибо первый вид любого рода схож со стоящим ниже по рангу благодаря той их однородности, которая их соединяет, а с другой стороны, схож с тем, что выше его рангом (причем это их соответствие, которое их соединяет, отличается от того, что делает его схожим с нижестоящим): например, высшая небесная сфера, будучи телом, имеет соответствие с телами, а обладая двигателем, относящимся к роду выше ее стоящего, она имеет соответствие с миром Разумов. Таким образом, они (порождения.— А. С.) внутренне связаны, одни с другими соединены и упорядочены; всего же их три [рода]: минералы, растения и животные — не более и не менее того.

Первым среди них является то, чье бытие предшествует прочим, а именно минералы; затем идут растения, и потом — животные. В этом они схожи с миром религии, в котором [также] есть три [рода] порождений: порождение,

которое принимает поддержку мира Творения и потому становится причиной жизни других, например, пророки и их замещающие границы, бытие коих в мире религии предшествует бытию прочих, за ними следующих; это порождение занимает то же положение, что и золото среди минералов, опережая всех в бытии и благородстве; следующее за сим в бытии порождение, приемлющее первое поклонение, то есть явную сторону Закона и установлений; его положение то же, что и у растений, чье бытие следует за бытием минералов; и следующее за оным порождение, которое приемлет оба поклонения, то есть явную и скрытую стороны Закона вкупе; его положение то же, что и у животных, следующих в бытии за бытием растений.

Итак, минералы — первые среди них. Они стоят в порядке бытия ближе [других] к земле. Первым видом минералов являются нековкие, такие как гипс. Этот вид, как никакие прочие, схож с землей, из которой произошел. В нем имеется общность (*шитифāk*): он схож с землей, ибо подобен земному праху (*турāб*), а с точки зрения приобретенного смысла, благодаря коему оказался растерт в порошок и тем отличен от праха, он схож со своими побратимами, кои прахом не являются и встречаются только в некоторых местах. За ним следуют более высокие виды. Поднимаясь в порядке бытия, они заканчиваются также имеющим общность видом, который с одной стороны является камнем, а с другой — растением. Примером здесь служит морское растение коралл, которое окаменеваает, оказавшись в воздухе, а также схожие с ним виды этого рода. Сей вид благодаря той силе роста, которой наделен, выше прочих видов и вместе с тем ниже видов растений.

Коль скоро бытие порождений проистекает от столбов и происходят они от их смеси и нисходящих к ним небесных сил, и коль скоро каждое порождение, таким образом, двойко: с одной стороны, в нем есть то, на чем основано его бытие как тела, чем и конституируется его самость, а с другой стороны, то, с чем связана его жизнь, то о минералах как о телах мы скажем, что они распадаются на ковкие и нековкие. Нековкие (а они идут в бытии раньше, ибо схожи с землей и ближе к ней) распадаются на серу, мышьяк, соль, купорос, квасцы, ртуть, тальк², а также другие, такие как марказит³, сурьма, магнезия, известь и прочие неисчислимые виды минералов. Ковкие распадаются на свинец,

олово, железо, медь, серебро и золото. Все они происходят от испарений, образующихся в земле от взаимодействия столпов; к ним притекают сила и излучение движущихся относительно них небесных тел, они застаиваются и оказываются запертыми без всякой возможности выхода; материи наличествуют, нагрет постоянным, и вот среди сих частиц те, что могут превращаться, превращаются благодаря этим собравшимся вместе силам, и в соответствии с поддерживающими причинами, обуславливающими преобладание того или иного в смеси, возникают образования. Если силы были умеренны, то получается золото, если же были близки к умеренности, или далеки от нее, или предельно от нее удалены, то получают другие тела, плавкие и неплавкие. Плавкое обладает жизнью, а то, что не плавится в связи с избытком качеств, обладает силами, коими и воздействует. Так происходит потому, что все это близко к столпам, из коих произошло, а потому и сложность его невелика. Из-за небольшой сложности невелика и взаимная противоположность его частиц, а из-за малой противоположности в своей самости оно пребывает неизменным долгое время, а если и разрушается, то только от воздействия извне. Предельная цель для этих тел — стать носителем тех форм, бытие которых связано с ремеслами людей, как, например, для меди — стать узкогорлым сосудом, а для золота — украшением, и так далее. Сии тела суть потенциальные в сопряжении с мастерами, и совершенство их привносится оными.

Поскольку у нас для желаемого познания сущего имеются и весы вероисповедные, и сокровищница божественного призыва и его последователей, к ним мы и обратимся, дабы обрести дополнительную уверенность и знания. Тот факт, что в мире религии душа людского рода является той целью, к которой устремляются светлые границы, изливающих истечение и научающих, дабы произвести из нее духовные порождения, доказывает, что светлые движущиеся тел сходятся на земле, дабы произвести из нее природные порождения. Тот факт, что границы соединены друг с другом в своем бытии и упорядочены от высшего из существ до природных душ, своей искомой цели, являясь, как сказал пророк (да благословит Бог его и род его!), «как бы натянутым вервием, один конец которого у Бога, а другой — у вас», доказывает, что природные существа упорядочены и соединены друг с другом от высшего сущего до земли и ее порожде-

ний и что благодаря объединяющему их божественному устройению они суть как-бы нечто единое: один край этого единого — сотворенный, получивший бытие от Всевышнего, а другой — второй воскрешаемый, что у нас.

Тот факт, что людская душа, будучи пределом духовного сущего, лишена знаний (коиными возвышено ей предшествующее сущее) и не может пребывать до тех пор, пока не стяжает [их] от преемников Божьих (мир им!) в поклонении знанием и действием, и находится в наибольшем удалении от высшего первоначала (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), а потому является неподлейшим сущим, доказывает, что земля, будучи пределом телесного сущего, лишена всего того, чем возвышено прочее телесное сущее, и безжизненна до тех пор, пока не стяжает [это], приняв по приказанию Божьему влияния движущихся относительно нее тел, и находится в наибольшем удалении от первоначала, а потому является неподлейшим сущим. Тот факт, что принявший и стяжавший [знания] от предержавителей поддержки благодаря обоим поклонениям, возвысившийся благодаря поучению над рангом чувственности стоит ближе к первоначалу, нежели тот, кто занимает наиудаленнейший от ононого ранг, доказывает, что возникшее из земли, приняв и стяжав осияющие ее силы и поднявшись над ее рангом, стоит ближе к первоначалу, нежели то, что в ней занимает свой ранг наибольшей удаленности [от ононого].

Тот факт, что природные души благодаря стяжаемым ими светам истечения становятся душами, поддерживаемыми небесами в поклонении своему Господу, научении и водительство других, душами, приемлющими только явное поклонение действием, покорными своему Господу и научающимися, и душами, приемлющими совокупно явное и скрытое поклонение действием и знанием, покорными своему Господу, научающимися и стяжающими загробную жизнь, и каждый из сих рангов благодаря подпадающим под него видам различных исповеданий (например, у поддерживаемых душ различаются законы, нормы, установления, правители, по-разному осуществляющие власть и наследующие ее; среди душ, приемлющих явное поклонение действием, различаются исповедания, так что каждая группа имеет свое исповедание и свою форму исповедываемого; среди душ, приемлющих явное и скрытое поклонения, различаются ранги и исповедуемые в зависимости от знания

представления о спасении) становится как бы упорядочивающим виды [родом], а каждый вид упорядочивает многочисленных особей,— доказывает, что сущее от столпов, стяжая влияния, является порождением, приемлющим душу и силу (как минералы), порождением, приемлющим только растительную душу (как растения), и порождением, совокупно приемлющим растительную и чувственную душу (как животные), и что каждый из сих благодаря подпадающим под него различным по формам сущим (как, например, ковкие и нековкие разновидности минералов, травянистые и древоподобные разновидности растений, летающие и нелетающие разновидности животных) является родом, упорядочивающим виды, а каждый вид упорядочивает неисчислимое множество сущих.

Тот факт, что каждый из видов духовных порождений, занимающих свои ранги, имеет, с одной стороны, соответствие с низестоящими, благодаря чему они соединены, а с другой стороны, сходство с вышестоящим, их соединяющее (например, тот, кто приемлет повиновение в явном поклонении действием, занимает первый ранг стяжания, чем отличается и стоит выше неповинующихся душ, каковые души находятся в наибольшем удалении от духа Всевышнего: он соотносен и связан с низестоящими постольку, поскольку имеет общую с ними природу, и с вышестоящими постольку, поскольку продвинулся, приняв повиновение, вверх),— доказывает, что первый вид всякого рода соотносен как с низестоящим, так и с вышестоящим (например, среди минералов таковым является гипс: он, с одной стороны, соотносится с землей, будучи ее рода и имея одну с ней природу, а с другой стороны, приобретает ту силу, благодаря которой он перестал быть прахом, гипс соотносится и со [всеми] видами минералов). Поскольку все виды каждого из [родов] духовных порождений упорядочены, так что одни стоят выше других, и поскольку первый их вид стоит ниже всех прочих, вышестоящих, каковые заканчиваются таким видом, который имеет общность и сходен как с низестоящими своими побратимами, коих он всех выше, так и с вышестоящими видами другого [рода духовных] порождений, коих он всех ниже (например, приемлющий повиновение ниже всех в явном поклонении действием, ибо не имеет того знания, коим обладают вышестоящие, располагаясь на ступенях повиновения и действия вплоть до той, что рангом

выше всех их ступеней, ибо ее обладатель приемлет повиновение в скрытом поклонении знанием — он схож в повиновении и действии с теми, кто ниже его, сам же стоит выше их всех, ибо приобрел во втором поклонении то, чего они не имеют, и соотносен благодаря принятию скрытого поклонения знанием с теми, кто отправляет совокупно оба поклонения, хотя и стоит в том [втором] поклонении ниже их всех), следовательно, первый вид каждого рода стоит ниже всех вышестоящих его видов, кончающихся промежуточным видом, который, с одной стороны, схож со всеми низестоящими видами своего рода (ибо сам к этому роду относится), находясь выше их, а с другой стороны, соотносится с вышестоящими видами другого рода, помещаясь тем самым ниже их (например, коралл, будучи одним из видов минералов, схож с сородственными ему их видами, а будучи растением, схож со [всеми] видами растений: он, таким образом, выше минералов и ниже растений).

Поскольку все, к кому религия имеет отношение, распадается на тех, кто ею совершенно не интересуется и не имеет намерения и убеждения твердо ее придерживаться (например, невежды и большинство людей в «дальних землях», интересующиеся [только] едой, питьем и блудом, тщеславные, высокомерные, спесивые хитрецы, обуреваемые алчностью во всех ее видах), и тех, кого она заботит и кто имеет намерение и убеждение твердо ее придерживаться (например, добропорядочные и добродетельные люди и их попечители, соблюдающие в делах и поступках религиозные установления и нормы), следовательно, минералы распадутся на такие, частицы которых не объединены и которые не обладают силой сохранить свое бытие, например, гипс, соль и тому подобное, и такие, частицы которых объединены, которые внутренне связаны и обладают силой сохранить свое бытие, такие, как золото, серебро и другие тела с объединенными частицами, сохраняющие свое бытие.

Коль скоро [люди], входящие в религиозный круг, занимают всевозможные ранги, так что одни из них годны для того великого дела, с которым связано их бытие, другие же годятся лишь для самого малого дела, но от всех в том бывает польза, то и минералы по полезности своей распадутся на разряды: одни из них приносят великую пользу, от других же польза незначительна,— но при этом все они полезны. Поскольку невежды, заносчивые гордецы и алч-

ные стяжатели, не знающие блага религии и не имеющие приобретенного разума (*'ақль иктисāбий*), хоть и полезны кое в чем, все же суть безбожные злодеи и общение с ними наносит вред вечной жизни, следовательно, серы, мышьяки, купоросы и [другие] виды минералов, хотя и приносят кое в чем пользу, все суть яды, а глотать их и питаться ими значит вредить природной жизни. Поскольку такие общины, не имеющие ни религии, ни благой природы, существуют потому, что удалены от умеренности, в связи с чем достигающие их влияния светил и природных сил они приемлют так, что приобретают в этом соответствующее их смеси, следовательно, все эти виды купоросов, мышьяков, сер и тому подобное имеют такую природу и такую форму потому, что явления светил достигают их, когда они далеки от умеренности, а потому эти влияния воздействуют на них так же, как огонь, воздействуя на одно, связывает его, а [воздействуя] на другое, разлагает — в зависимости от природы того, на что он воздействует.

Поскольку добродетели, коими достигается совершенство, упорядочены в Законах так, что заканчиваются таким Законом, который собирает все Законы, следовательно, упорядоченные минералы заканчиваются таким телом, которое собирает их все и заключает в себе, будучи всех их выше, как, например, золото, которое стоит выше всех минералов. Поскольку причиной существования Закона и прочего, что принес пророк (да благословит его Бог!) — а сей Закон полон по своему рангу и выше прочих Законов и установленных — является то, что в душе его (да благословит Бог его и род его!) струилась божественная сила, а истечение Первого Разума он принимал столь [полно], что стал вместилищем сего истечения, и столь предельно, что стал, как и тот, так же высок и совершенен, — следовательно, золото среди прочих минералов, над которыми оно возвышается, стало золотом потому, что его материя достигла в принятии силы солнца такого предела, когда истечение солнца на нее было полным, и потому, что силы солнца настолько проникли в нее, что придали ей такой же, как у солнца, цвет и блеск.

Поскольку божественные материи воздействуют на природные души людского рода, а сии души приемлют их в зависимости от своих смесей и того, каковы они, и по этой причине приемлющий умеренно становится исполненным и глаголящим, тогда как незначительно отклоняющиеся от

умеренности, а затем все больше и больше вплоть до далекого от умеренности становятся границами, у каждого из которых в том соответствующий ранг, следовательно, небесные движения и влияния воздействуют на землю и ее частицы, кои приемлют сии воздействия в зависимости от своей смеси и того, каковы они, так что если влияния принимаются умеренно, то частицы собираются вместе и получается золото, а если принимаются менее и менее, все удаляясь от умеренности, то частицы собираются и получают другие тела с соответствующими рангами и смесями, например: серебро, медь, свинец, тальк и другие. Поскольку истекающими воздействующими божественными материями наделены исключительно пророки и предержатели больших циклов, ибо они находятся в горизонте этих сил и именно они среди всех видов людей имеют с ними связь, следовательно, истекающими от высших тел к земным частицам силами наделаются исключительно минералы, в горизонте тех сил находящиеся, причем одни из них предельно, другие же — менее того, как, например, золото и другие минеральные тела. Поскольку в своей непогрешимости границы различаются по рангам, так что одни безгрешны и тверды в религии и ее установлениях (например, глаголящие и те, кто их замещает в сохранении законов и норм вероисповедной общины), другие же, нижестоящие; той твердостью не обладают, следовательно, минералы различаются рангами по огнестойкости и долговечности, так что одни из них устойчивы в огне, переживают вечность и не терпят никакого ущерба (как золото), другие же ущербляются и не выдерживают огня (как другие тела).

Поскольку дело границ, заключающееся в установлении религии и произведении ее порождений, исполняется после многих больших и малых циклов, следовательно, минеральные тела, образующиеся в своих месторождениях, достигают полноты своего бытия по прошествии вечности (*дахр*), по истечении многих эпох и лет. Поскольку всего Законов, отменивших и отмененных, шесть: первый — Адама (мир ему!), а последний — Мухаммеда (да благословит Бог его и род его!), значит, ковкие металлы распадаются на шесть частей: свинец, олово, медь, железо, серебро и золото. Поскольку именно шестой Закон пребудет до Судного дня неотмененным, следовательно, золото пребывает вечно, не претерпевая ущерба. Поскольку Законы теряют свою силу

из-за вводимых в них порочных узакониваемых нововведений, следовательно, минеральные тела могут претерпеть порчу от привхождения других тел своего вида, например, серебро — от серы или золото и алмаз — от свинца ⁴.

Таковы результаты поиска знаний и достижения истин, данные весами вероисповедными, коими пользуются в исследовании вещей. Восславим же Бога, приведшего нас к сему пределу: без Его водительства не найти бы нам пути. Да благословит и приветствует Бог Своего посланника, господина нашего пророка Мухаммеда, господина нашего, заветника Али бен Аби Талеба и чистых имамов, из их чресел вышедших. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О минералах как о природной душе; о том, что они обладают воздействием и знанием и каково это знание и каково это воздействие

Поведав вкратце о минералах как о телах, о них как о природной силе скажем следующее. В пятом квартале, говоря о чтойности Природы, мы показали, что эманлирующая из мира Разума жизнь, будучи одной из тех двух частей, что составляют воплощенность мира Природы, струится во всех сущих, даруя каждому то совершенство, которого должен он достичь в зависимости от своей смеси, и что сия жизнь и та другая часть, благодаря которой жизнь существует, суть нечто единое, имеющее две соотношенности, по каждой из которых полагается ему то, что составляет совершенство его бытия.

Коль скоро, как мы сказали, сущее в мире Природы существует благодаря струящейся [в нем] жизни, то и каждое сущее из [рода] минералов обладает тем же, чем является душа для движущегося; этим данное сущее живо, и этим воздействует на прочее [сущее]. Существуя там, где оно есть, это сущее (любое из рода минералов.— А. С.) не нуждается в большей, нежели обладает, силе для сохранения своей самости, захлопывая свои створки перед тем, что ему противно и может нанести порчу, и раскрывая объятия

тому, что с ним согласно и ему соответствует. Дело в том, что оно не полно, но в то же время и не потенциально, когда бы ему требовалось простираться в разные стороны (а для сего необходимы многие силы), как, например, это требуется человеку в снискании того предела, в котором заключено его совершенство; обладая предназначенной ему в творении природой, оно и в том, в чем оно есть, достигает в своем акте всего, что требуется его смесью. Таковы явные его действия, когда одни из них (минералов.— А. С.) друг другу рады, другие же при виде друг друга уходят в себя, одни друг с другом связываются, а другие испытывают неприятие. Например, между железом и ртутью — неприятие: она с ним не связывается, не раскрывает ему своих объятий и не дает в себя погрузиться, не связывается с ним так, как связывается с золотом и серебром ¹ (разве что посредством обработки). Вражда также и между золотом и свинцом: ничто так не вредит золоту, как свинец, причиняющий ему порчу; или, скажем, вражда между свинцом и прочими телами, такими как серебро и медь: он наносит им порчу и губит. По этой причине свинец используют для очистки тел. Вражда также и между свинцом и алмазом: ничто не может повредить алмазу или расколоть его, кроме свинца. А вот между золотом и ртутью — любовь, любовь также и между серой и золотом, между мышьяком и серебром, между железом и медью (этих двух, смешайся они, уже не разделить), между магнитным камнем и железом (в силу этой любви железо тянется к магниту и ему не изменяет). И тому есть много других примеров, что не скрыты от людей [пророческого] произведения, познавших минералы, по выражению Зу-н-Нуна аль-Мисри ², как «обусловленное чрез причины»; все они имеют корень и исток, а это значит, что есть нечто действующее, с которым такие вещи связаны: они бы не могли происходить от тех [как таковых], ибо телесность предполагает не действие, а претерпевание. И вот, сей особый смысл (*ма'нан*), благодаря коему такие вещи случаются, именуется душой того сущего (хотя он и заслуживал бы специального имени), которая обладает ведением (*ма'риффа*) (подобным тому, о котором говорилось в разделе о чтойности Природы), каковое для нее то же, что и знание (*'ильм*) для наделенного чувством, она же (душа.— А. С.) есть сила, воздействующая (по приказа-

нию Бога, Господа миров) соответственно имеющимся превращениям и влиянию струящейся жизни, в стремлении сохранить свой сосуд.

Истинность нами сказанного поддержат весы вероисповедные, установив соотношенность и взаимное соответствие. Поскольку принесенные пророком (да благословит Бог его и род его!) Писание и Закон воедино связаны с сохраняющимися их имамами (мир им!), пророка замечающими, так что одни от других неотделимы, и если бы не имамы, то Писание и Закон были бы подменены и заменены, следовательно, минеральные тела обладают самостными силами, кои Всевышний связал с ними воедино, дабы те их сохраняли, и не будь их, сии тела погибли бы, а частицы их рассыпались. Поскольку установления отменяющего Закона лишают силы большинство норм отменяемого Закона, так что они друг с другом несовместимы, следовательно, находящиеся в минеральных телах силы одна другой противоположны и одна другую уничтожают. Поскольку некоторые установления и нормы отменяющих Законов иногда согласны с отменяемыми Законами, следовательно, некоторые из имеющихся в минеральных телах сил согласны друг с другом. Поскольку те обряды и установления, что от Бога, многочисленны, следовательно, многочисленны и минералы помимо тех шести, которые обладают силой и от которых зависят блага мира.

Вот что чрез равновесность и соответствие устанавливаются весы вероисповедные для сил, имеющихся в минеральных телах.

Восславим же Бога с благодарностью; да благословит Он и приветствует посланника Своего, господина нашего Мухаммеда — печать пророков и чистых имамов.

УЛИЦА ПЯТАЯ

О растениях как телах и о том, что они сложнее минералов и имеют больше орудий

Мы уже говорили о смеси, какова она, о том, что столпы, друг на друга воздействуя, перемешиваются, что множатся сложные их сочетания вследствие тех различий, что происходят от множества постоянных движений небес-

ных тел относительно них, а также под влиянием излучения, струящегося от каждого из возвышенных тел, которые, как ранее разъяснялось, в каждый момент времени занимают каждое свое положение. Поскольку мы уже вкратце говорили о минералах и их делении, за оными же в порядке бытия следуют растения, то мы скажем: именно всевышний божественный промысл, о сущем пекущийся, хранит его в строгом порядке, не знаящем исключений, и именно с сим промыслом связано бытие всего; он, прибегая к помощи одного посредника или большего их числа, устанавливает каждое сущее в помощь каждому, дабы привести каждое к его конечной цели, к его совершенству и пределу. И вот сей промысл премудро воздвиг причины для нисхождения воды на все выступающие части земли, дабы, неспешно увлажняясь ею, то нагреваясь, то охлаждаясь, она могла испытать превращение, отойти от своей природы и перейти в такое состояние, в котором смогла бы стать растением. Над сими частицами, таящимися в глубинах земли, дал он власть природной теплоте, дабы влекла она их вовне, к воздуху, каковой воздух сделал он в помощь возникающей в них растительной душе сотоварищем; сим облегчался им доступ туда, где могли они уловить свою долю воздействующих причин и где солнце благодаря силе, внедренной в него Всевышним, доставило бы им полагающуюся полноту.

Поскольку сия первичная смесь образовалась из вещей, в чьих самостях имелась противоположность, и сил, прошедших от различных по качествам движущихся тел, а потому сложность ее больше, нежели у той смеси, из которой произошли минералы, и противоположностей в ее самости больше, нежели у той, и поскольку имеющиеся в ней противоположности суть причины того, что частицы ее время от времени, потихоньку, полегоньку да помаленьку распадаются, то всевышний божественный промысл дал ей орудия (кои для нее суть то же, что органы для животного), дабы сохранить ее пребывающей (ибо не могла бы она пребывать, имея в самости противоположности, да прибавить к тому же все новые и новые внешние причины — первейшие пособники ее порчи), когда посредством их могла бы она получать замену подвергнувшегося порче или отпавшего, а также и для того, чтобы сие растение благодаря таким орудиям походило на животных, что стоят выше

его рангом. И вот, из числа сего есть у него корни, извлекающие [нужные] материи, как рот у животного; стебель или ствол, как тело животного; внутренние мягкие ткани (такие, как сердцевина у пальмы, мягкая светлая ткань в полостях ветвей, например, граната и виноградной лозы, и тому подобное), как его желудок и живот; ветви, как все, что у того прикреплено к телу; места выделения смолы и клея, как отверстия для выделения мочи и экскрементов и поры; кора, как его кожа; узлы, как его суставы; листья, как его шерсть; питательные протоки, по коим устремляются материи к различным частям его, а также прожилки на задней стороне листьев, как его жилы и сосуды; плоды, как его дела: вкусные плоды, как добрые дела, а отвратительные, как злые. Благодаря сему растений имеется неисчислимое множество видов; все они, будучи таковыми, менее предшествующего им в бытии схожи со столпами, выше одного рангом, более похожи на вышестоящее и ближе, как мы показали, к Первоначалу.

Виды растений упорядочены так же, как и виды минералов. Первый их вид является, как мы уже говорили, и минералом, и растением: он, таким образом, высший вид минералов и низший вид растений; тем самым минералы соединяются с растениями. Далее виды растений упорядочены соответственно своим качествам, располагаясь все выше и выше вплоть до вида, являющегося одновременно и растением, и животным, как, например, дерево ваквак: ¹ оно является растением, а по своей форме, то есть плодам, и по голосу оно — животное; или же ракушечная улитка, встречающаяся на [морских] побережьях: как ракушка она похожа на растения, а поскольку то, что живет в ракушке, движется, она — животное; или же взять финиковую пальму, каковая является растением, но во многом напоминает и животное, в частности, тем, что завязь плодов ее образуется от оплодотворения мужской особью, а потому она благородней растений и выше их рангом, но ниже животных. Таким образом, растения соединяются с животными.

Поскольку среди сущего, выступающего в качестве причин в бытии порождений, одно является как бы мужским, другое — как бы женским (а есть и такие, что и то, и другое), и порождения появляются в результате воздействия одного на другое, а значит, ни одного из них двоих (муж-

ского и женского.— А. С.) недостаточно для бытия от них сущего, но нужно, чтобы были оба вместе, значит, это же мы встретим и среди растений и животных. Одним из них нет нужды прибегать к помощи мужских особей, ибо у таких видов каждая особь равно обладает орудиями производства и, оные имея, в том самодостаточна, как, например, финиковая косточка: она в своей самости обладает такой силой, что, встретив необходимое для явления своего акта, становится пальмой; или же пшеница, каждое зерно которой несет в своей самости все, что избавляет его от нужды в мужской силе. Другие же (например, финиковая пальма) могут плодоносить лишь благодаря мужской силе; этим они походят на причины своего бытия и соотносятся с тем, что стоит выше их рангом, а именно с животными, одной из причин бытия которых они являются.

Скажем также, что все растения и минералы, рассматриваемые как тела, оказываются предметом (*мавдӯ'*) для человеческих ремесел: дерево, например, принимает от плотника форму ложа, бронза принимает от литейщика форму котла или кастрюли, а железо от кузнеца — форму наковальни. Все эти тела потенциальны в сопряжении со своими искусственными формами, и совершенство их состоит в актуальном их обретении.

Истинность всего этого подтверждается весами вероисповедными, устанавливающими взаимное равновесие и соответствие. Поскольку ближайшей причиной бытия людей явного поклонения является то, что их достигли пробудившие их интерес разъяснения, научение и доказательства худджей, кои суть замещающие пророка (да благословит Бог его и род его!) в научении и призыве, следовательно, ближайшей причиной бытия растений является то, что вода достигает частиц земли, ниспадая дождем из устроенных по приказу Всевышнего облаков, и поит их. Поскольку откликнувшиеся на призыв переходят под сень поклонения, переставая быть такими, какими были прежде, значит, принявшие водяную влагу частицы земли испытывают превращение и уходят от той формы, что имели прежде. Поскольку пророк (мир ему!), благодаря излитой Всевышним благодати и повинуваясь Ему, получил власть над всеми людьми и повелел творить справедливость и добро, запретил же им прегрешения, излишества и несправедливость, дабы вывести

их из тьмы к свету, следовательно, Солнце благодаря внедренной в него Всевышним силе имеет власть над всем, что ниже его, дабы привлечь таящиеся в глубинах тел частицы к воздуху. Поскольку границы религии научают их (людей.— А. С.) религиозным вопросам, восполняя то, что те забыли и не удержали в памяти, дабы благодаря тому и самим сохраниться, следовательно, ветви и корни растения являются причиной доставки того, что восполняет подвергнувшиеся порче и отпавшие от растения частицы его, дабы тем сохранилась его самость. Поскольку отправляющий явное поклонение свершает больше действий, в храме религиозного поклонения стоит к границам ближе и занимает ранг более высокий, нежели неверные и лицемеры, следовательно, растение более сложно, ближе к возвышенному мира Природы и более с ним схоже, нежели земля, и более одной отошло от того, в чем состоит их сходство. Поскольку все люди явного распределены по рангам с точки зрения исполнения обязательных действий (одни из них выше прочих, ибо усердно выполняют все предписания, другие ниже оных, ибо небрежны во всем предписанном, третьи выполняют одни предписания, забывая другие, и так далее) в зависимости от количества и качества каждого действия, следовательно, виды растений упорядочены: одни из них выше прочих, есть такие, что схожи с вышестоящими видами рода животных, другие ниже того, третьи же, что ниже наинижайшего, суть наиподлейшие, схожие с нижестоящими видами минералов. Поскольку достигший предела [явного] поклонения и благочестия уже отправляет и поклонение знанием, так что собирает оба поклонения (знанием и действием), и черты их обоих в нем являются, следовательно, пределом растений служит то, что совмещает характерное как для растений, так и для животных, будучи общим и тем, и другим и являя их черты.

Таковы свидетельства взаимного соответствия и равновесия творения и уложения, выверенные на весах вероисповедных.

Слава Богу, воздвигнувшему имамов наших столпами Своей религии и знаменем для руководствующихся. Да благословит и приветствует Бог послаика Своего, светом зари коего они светят и от источника славы коего питаются, пророка Своего Мухаммеда, его заветника владыки нашего Али бен Аби Талеба и владык наших имамов из рода их.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О растениях как о растительной душе, о том, каково ее бытие, как она связана с телом и какова ее чтойность

Поскольку, как о том уже говорилось, согласно божественной мудрости предполагается возможным, если следовать проложенными [божественным] могуществом путями сотворения и упорядочивания [сущего], образование от высших и низших тел и их воздействий всех видов порождений с их родами, следовательно, то, в чем частицы тел принимают различные состояния и превращаются, переходя одни в другие и воздействуя друг на друга в силу перемежающихся влияний на них и движений относительно них, в силу того, что воздвигнутые блистательным могуществом удивительнейшие вещи влещут непрестанную смену их состояний,— а именно смесь,— должно достичь такой степени легкости и перемешанности, чтобы совпасть с сияющей силой небесных тел. Этим облегчится воздействие на смесь оной силы, благодаря чему проявится в ней ее влияние, и по Божьему велению возникнет в ней тот дух, что именуется душой, известной под именем растительной, [дух], подобный тому, что существует в обретших легкость и тонкость частицах земных тел и сияющих светом небесных телах, подобный тому, что образуется при соединении мужчины и женщины, подобный тому огню, что возникает от трения палочек марха и земляничника¹, подобный высекаемым кресалом искрам огня, подобный тем чернилам, что возникают при добавлении воды в чернильный орех или купорос, если придать им, измельчив и растерев, тонкость — чернил не было ни в них (орехе и купоросе), ни в воде, возникли же они благодаря сей процедуре (*тадбёр*). Здесь вода — как сияющая сила природных тел, истонченный толчением порошок — как претерпевающие превращения частицы земли, а чернила — как возникающий дух.

Сей дух есть природная жизнь, возникающая в телах; она существует, пока существуют тела, и исчезает с их исчезновением. Эта жизнь и именуется душой растений, известна же она как растительная. Она существует благодаря, во-первых, тонкости тех телесных частиц, что оную

тонкость обрели, и во-вторых, благодаря излучению воздействующих на них небесных тел.

По отношению к сияющим светам мира Творения (о коих говорилось в главе о Природе и сверхприродных Разумах) она есть то же, что сии тонкие частицы по отношению к излучению воздействующих небесных тел: как оно излучение воздействует на тонкие частицы так, что возникает жизнь, так и сии световые воздействия на оную жизнь так, что у нее возникает то, что в отношении животного зовется знанием полезного себе. Ведь сложносоставные природные тела (с угнезденными в них Богом действующими душами) готовятся (как мы то показали), по приказанию Божьему, из оставшихся после сотворения небесных тел много-различных материй в ходе многочисленных воздействий и влияний как столпов одних на другие снизу, так и небесных тел на них всех сверху, так что оные воздействия доводят те тела до того предела, который является для них первым совершенством. Теперь они могут встретиться со сверхприродными Разумами, с их светом, струящимися в сущем, и стать для них как бы установленной Всевышним материей, так что теперь сии Разумы будут заботиться о них, воздействуя на них и даря (соответственно внедренным Всевышним в природные тела силам) способность достичь своего второго предела. Здесь дело обстоит таким же образом, что и с теми вещами, которые не могут быть исполнены или совершенны, пока, во-первых, один мастер не создаст их самость и пока, во-вторых, другой умелец не доведет их до второго совершенства, далее которого они уже не могут ничего обрести. Например, для одежды первое совершенство ее в бытии связано с ткачом, а второе — с портным, каковой портной не есть то же, что и ткач, и пока ткач не закончил свое дело, портной не может приступить к работе и придать одежде ту форму, после которой уже другой не будет; или, например, для дирхемов и динаров первое совершенство их в бытии связано прежде с действительным чеканщиком, а уж затем второе их совершенство, то есть нанесение необходимых надписей, связано с работой штамповщика, и пока чеканщик не придал им нужный вид и фигуру, штамповщик не приступает к работе; или же, скажем, первое совершенство астролябии в ее бытии связано с бронзовых дел мастером, который придает бронзе необходимый вид, далее, второе ее совершенство, [закрывающе-

еся] в гравировке, связано с ученым, геометром и астрономом, и пока бронзовых дел мастер не придаст ей сперва нужный вид, гравировщик не может расчерчивать и гравировать ее.

Итак, она (сущая в царстве Природы жизнь, явившаяся в растениях) благодаря возникшим в ней отпечаткам влияния царства Творения становится знающей: в ней наблюдаются такие вещи, которые, случись они в животном, не вызвали бы удивления. Так, она посылает свои корни туда, где может найти влагу, обходя камни и прочие препятствия на своем пути; она выпрастывает свои ветви из-под дерева или тени, заслоняющих от нее солнечный свет и стесняющих ее доступ к открытому воздуху, и стремится освободиться от них, ища встречи с солнцем.

Поскольку ее тело происходит от различающегося (так же, как и то, из чего оно происходит), так что, будучи сложено, оно в своей самости не свободно от противоположностей, что влечет его распад и превращение из одного состояния в другое, совершающиеся понемногу как изнутри, так и извне, то она должна искать материи, которые заменили бы распадающееся. Для этого она совершает четыре действия, замыкает же их пятое: она привлекает (*джазб*) материи, то есть извлекает и притягивает их; она переваривает (*хадм*) привлеченную материю, благодаря чему та может стать схожа с ее природой; она доставляет (*даф'*) уподобленную [своей] природе [материю], то есть рассылет ее порциями в отдаленнейшие уголки своей самости, дабы строить ту из оной материи согласно своим интересам, предохраняясь от порчи и вреда, и отправляет ее во всех направлениях, вверх и вниз, дабы найти ей место и во внешних частях своих, и во внутренних, в своих глубинах и на самой верхушке, в ветках, листьях и плодах, а также там, где тело ее претерпело ущерб из-за распада; она растет, то есть увеличивается, благодаря посланному во все уголки свои, в листья и плоды.

Поскольку отдельные [растения] в силу имеющихся в них противоположностей и того, что привносит в них порчу, не могут быть [вечно] пребывающими, то по свершении сих четырех действий в ней возникает пятое — воспроизводство (*интадж*). Оно является плодом их действий в поиске пребывания, дабы, хотя и исчезнет самость их, осталось бы их подобие и сохранилась бы форма их.

Сии пять сил разлиты по всему их телу и всем их частям. Поэтому ветки, высаженные в землю, принимаются, если только не слишком слабы и недееспособны; в животном же дело обстоит противоположным образом в силу множественности его сил и отнесенности каждой из них только к некоторым органам. Сия же пятая, обладая всеми теми силами и таким образом завершая ей предшествующее в бытии, является фундаментом для бытия прочего, что выше ее и всех оных сил, или как бы матерью, благодаря которой существует другое, или же вратами, ведущими к более великим в бытии, нежели они сами, душам (о чем с Божьей помощью еще пойдет разговор).

Свидетельство сему — весы вероисповедные, верная опора в выведении истинного знания. А именно, поскольку в храме поклонения границы упорядочены для отправления обрядов религии, для призыва к единобожию и научения готовых к принятию душ, дабы все это дало вечную жизнь, следовательно, Всевышним в мире Природы тела упорядочены так, чтобы влиять на частицы земли, дабы из тех возникли растения и была бы природная жизнь. Поскольку стоящие ниже границ [люди], внявшие призыву единобожия, обращаются друг к другу с речами и воздействуют друг на друга в спорах и диспутах, следовательно, силы в тех телах, что находятся под небесными высшими телами, воздействуют одни на другие. Из того, что на души внявших [призыву] влияет научение и водительство выше их стоящих границ, вытекает, что излучение небесных тел воздействует на превращающиеся частицы земли. Поскольку души, прозревая в явном поклонении действием свет водительства, становятся вместилищем открывающихся им толковательных наук и могут отправлять поклонение знанием и так соединяют в себе оба поклонения, следовательно, растительная жизнь приемлет светы царства Творения и в ней возникают влияния оных светов, так что благодаря возникшим в ней воздействиям сия возникшая жизнь становится вместилищем воздействия светов, льющихся из мира Творения, чрез каковые свету она приобретает то, благодаря чему соединяет в себе две души: растительную и чувственную.

Поскольку порядок научения таков, что сначала внявший уполномоченный узнает относящееся к поклонению действием, а затем проповедник научает его тому, что относится к поклонению знанием, дабы сие доброе поуче-

ние стало для него как бы формой того, что он ранее знал, и тем свершилось бы его счастье, следовательно, порядок тварного мира таков, что Природа и небесные тела подготавливаются благодаря вложенной в них Всевышним силе сущего к тому, чтобы воспринять влияние сверхприродных Разумов, дабы свету оных, льющихся из мира Творения, воздействовали на них благодаря предварительной подготовленности и они достигли бы своего совершенства.

Поскольку в явном поклонении действие обязательно для всех, так что в этом поклонении все — как один, и действие может и наименее знающему среди них подходить так же, и будет он к нему способен столь же, как и сколь самый знающий, учившийся поклонению с благоговением, за страх и за совесть, и может быть ему [в действии] подобным, следовательно, силы души растения разлиты во всех его частях, ибо все они (части.— А. С.) схожи одна с другой, и даже малый отросток, высаженный в землю, может приняться и стать таким же, как материнское растение. Поскольку [любой], кто знает явное поклонение и наставляет в нем, может считаться непревзойденным знатком его, и любое действие в нем ему доступно, поскольку он способен совершать их все, в отличие от научающего и ведущего путями скрытого поклонения знанием, ибо науки распределены по рангам и нельзя постичь в них ничего, пока не постигнуто нижестоящее, следовательно, у растения высаженный отросток может приняться и стать таким же, как материнское растение, так как большинство его частей схожи, у животного же такое невозможно, ибо части его различны и с разными частями связаны разные силы. Поскольку существование явного поклонения действием и отправляющих его людей является как бы основой существования скрытого поклонения знанием и его приверженцев, следовательно, существование растительной души с ее силами является как бы основой существования чувственной души. Поскольку люди явного поклонения, свершая его обряды и так почитая Бога, совершают пять действий: во-первых, научаются; во-вторых, запечатлевают узнанное; в-третьих, высказывают узнанное; в-четвертых, являют узнанное в действии, и в-пятых, научают узнанному других, следовательно, растительная душа совершает пять действий: привлечение, выступающее здесь как научение, переадресование, выступающее как запечатление, доставление, вы-

ступающее как высказывание [узнанного], рост, выступающий как его проявление, и воспроизводство, выступающее как научение других запечатленному.

Таковы результаты расследования скрытых сторон сотворенного мира весами вероисповедными, давшие свидетельство правильности нами сказанного. Слава Богу, Творцу и Формодарителю, Распорядителю и Водителю; да благословит и приветствует Бог непогрешимых обитателей рая, за собой своих последователей ведущих,— Мухаммеда и чистый род его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О животных как телах, о начале, из коего они появились, о том, что они сложнее растений и более оных имеют орудий и что они суть тот предел сущего, за которым нет никакого сущего

Ранее мы уже показали, что божественный промысл, стремясь к созданию происходящего от небесных тел сущего (и сначала создав оные), а именно упорядоченных порождений, коих конечной целью являются животные, виды же их восходят к человеку — второму пределу сущего, за которым нет в бытии ничего, положил, что одни тела будут (как уже говорилось) воздействующими, другие же — претерпевающими, чтобы оттого, что претерпевающее подвергнется воздействию воздействующего и под тем воздействием приобретет силы, благодаря коим станет также воздействующим, так что одно будет воздействовать на другое, увеличилось число воздействий, возросла сложность и умножились движения, возвещающие о существовании всего того, чему мудростью положено быть. Таким образом, возникшее благодаря различию состояний и движений небесных тел и в силу переменчивости самостей и превращения частиц земных тел сущее оказалось таким, что всякое тело, удаленное в бытии от Первоначала, оказывается более сложным, нежели близкое к оному, а то телесное сущее, что к оному Первоначалу ближе — менее сложным. Поскольку уже говорилось и о смеси и ее делении, и о бытийствующем: во-первых, о небесных телах,

и во-вторых, в минералах и растениях, то сейчас мы поговорим о животных.

Животное происходит от смеси, что возникает от перемешивания частиц столпов при влиянии их друг на друга и проникновении в них сил движущихся тел, подобной той, от которой происходит и растение, да с ней еще смешиваются и частицы видов растений, одни с другими перемешанные, так что все вместе превращается в нечто единое и становится другой смесью, с большим числом частей и более сложной; посему животное идет в порядке бытия после растения. Сложность животных превышает сложность всех порождений; пребывает же животное потому, что подкрепляется, питаясь растениями, от чего проистекает его второе бытие, то есть порождение потомства (*танъсуль*). Что ж до его первого бытия, то оно происходит от земли: когда силы собираются вместе в тех частицах земли, что суть квинтэссенция (*сулля*)¹, они набухают, беременеют, и из них выходит животное. Так зарождаются из земли многие животные и в наше время: мыши, или, скажем, сверчки, забеременев которыми набухает земля, а затем лопается и из нее вылетает их матка, или же образующаяся в земле саранча, или же те, к людскому роду относящиеся, особи, что появляются на свет в месте, известном как гора Баракат. Что же до размножения, то оно происходит так: когда в напитавшемся животном умножатся силы, а орудия [размножения] уже готовы, оно двинется в поисках наслаждения, от чего, как мы сказали, и возникают приплод и потомство,— так же, как, к примеру, в случае с водяной мельницей: когда подготовлены и установлены все орудия, движущаяся вода приводит и их в движение, и тогда достигается искомая цель и перемалывается зерно.

Первая из людских особей возникла, как и другие особи однородных с ней видов, из земли и ее квинтэссенции, как рек о том Всевышний: «Бог возрастил вас из земли, как злачные растения»². Форма в сем бытии не такая же, как во втором бытии, что зиждется на размножении, и знания людей в том бытии не таковы же, как в этом. Второе же бытие — через размножение. Поскольку мудрость предполагала возможным для животного — я здесь имею в виду человека,— после того как он появился из земли, существовать путем размножения, дабы такое его бытие привело к искомому осуществлению второго конечного предела, со-

ответствующего первому, то божественный промысл устроил необходимые для того орудия, дабы посредством их осуществилось то, чему мудростью предписано быть. И здесь повел он дело так же, как и ранее, когда разделены были (о чем мы уже говорили) тела на воздействующие (небесные сферы и звезды, например) и подвергающиеся воздействию (как-то: четыре столпа), и от них возникли порождения. Так и здесь, сей вид (т. е. человек.— А. С.) был разделен на женщин и мужчин, и положено было женщинам иметь матку, в которой и образуется плод, и лишнюю кровь, из коей его тело строится, мужчинам же — семя, туда влагаемое, дабы та кровь и семя, собравшись, дали полноту его физического строения и формы. Семя и кровь — одной природы (также как небесные и земные тела принадлежат одному роду), однако же семя из-за приобретенной теплоты оказалось воздействующим на однородную с ним кровь и отличным от нее (также как небесные тела отличны от земных). Воздействует же оно на кровь так же, как сыворотка на молоко: смешавшись с ней, оно ее связывает и свертывает и так превращает в плоть, приемлющую воздействие к ней направленного и в ней струящегося излучения небесных светил. Так из двух вещей получается складное творение — велик и славен Всевышний, искуснейший Творец!

Таким образом, плоду, чтобы существовать, необходимы семь вещей, без любой из которых быть ему невозможно: прежде всего мужчина и женщина; далее, место, где они соединяются в совокуплении; затем материя, образующаяся благодаря эрекции отца; затем время, за которое влияния планет достигнут плода; затем покой, сохраняющий равновесие матери и хранящий зародыш, и наконец благополучные роды.

Человек — последний из [всех] видов, после него нет никакого другого вида. Поэтому его и называют «видом видов». Он выше всех видов и благородней любого из них благодаря всему тому, что ему присуще и чего в нем больше, нежели во всех предшествующих ему видах. Его сложение выше и благородней всех прочих, у него больше орудий и частей, ибо он и есть то творение, что требуется мудростью. Все, что есть в макрокосме, — все это в соответствующем и достойном человека виде есть и в человеке, а потому человек — подобие макрокосма (как говорится, дитя его), так

что всякому в одном соответствует нечто в другом. Ведь человек — второй предел и завершенность всего, что было искомым в творении, как то бывает в любом произведении, исполненность которого достигается благодаря второму пределу; за этим пределом прерывается бытие телесного сущего. А посему человек — сливки всего, что произведено в творении Величайшего Мастерского.

Его физическое строение включает разные органы, среди которых главные и подчиненные, обслуживающие и обслуживаемые, идущие раньше и идущие позже в бытии. Первым, что сотворил Всевышний, опираясь на воздвигнутое Им, было то, что возникает в связавшейся материи (то есть образовавшейся из крови и семени сыворотке) благодаря проникающему влиянию светил, а именно сердце. Сердце — пристанище тончайшего из всего, что включает физическое строение человека, а именно ярко-алой крови (*дам қирмизий*)³, той, от которой возгорается пламень жизни, от которой просыпается врожденная (*қарғизийя*) теплота во всех частях тела и которая властвует над всеми распределенными по ступеням благородства органами. Так подобные ей материи оказываются соединены и слиты со всей [телесной] совокупностью, из которой произошло и сердце: легкие и тонкие материи направляются в те органы, что должны быть тонкими и легкими, плотные же — в те, что должны быть грубыми и прочными. Так в свое время образуются органы и орудия в своей искомой полноте. Затем отделяются те органы, что должны быть отделенными, а в тех, где должны быть отверстия, таковые возникают. И вот, когда влияние всего, что влияет, свершилось, является наконец сия форма, в коей присутствуют силы одного [влияющего], как им случилось быть. После сего, когда творение исполнено, остается лишь нацелить подготовленные ему Всевышним орудия на сенсительные вещи, дабы стали они для души (бытие коей и было здесь искомым) материей в ее оформлении и превращении в «новое творение».

Итак, сердце стоит в бытии на ступени раньше всех прочих органов. Оно — первое обслуживаемое, ибо все именно с ним связано, и оно же — первый слуга всем органам, ибо снабжает их той врожденной теплотой, которая дает жизнь. Сердце охраняет и властвует, как главенствующий в своем княжестве князь, и им живы все органы, ибо

оно — пристанище той ярко-алой крови, благодаря коей существует жизнь, несущая в себе чувственные и растительные силы.

Следующую после сердца ступень главенства занимает мозг. Благодаря холодности своей он служит сердцу, умеряя сей холодностью распространившуюся во всех частях тела теплоту, дабы выровнять тем самым положение дел.

Так же и печень, желчный пузырь, селезенка, легкое, почки, мочевой пузырь и кишечник занимают каждый свое место в служебной лестнице. Печень служит сердцу, доставляя ему свою материю, и всему телу, рассылая ко всем его органам по устроенным для сей цели питающим сосудам кровь, и обслуживается желудком, который, дабы легче было печени им доставляемое превратить в кровь, переваривает поступающую от рта, зубов, языка, челюстей и пищевода [пищу]. Легкое служит сердцу, освежая его дыханием, удаляя горячий пар и доставляя ему взамен хранящий его воздух, дабы не угасла его изначальная теплота, и обслуживается другими органами. Селезенка обслуживает желудок и печень (сие — служение всем); желудку и печени также служат почки, мочевой пузырь и кишечник, принимая то, что оные отбрасывают. Зубы, рот, язык и челюсти служат желудку и легкому, а также другим органам. Каждый из этих органов, даже занимая [в бытии] последующие ступени, и сам служит, и обслуживается другими, причем не только этими внутренними, но также и внешними органами. Все эти органы созданы для того, чтобы сохранить всю совокупность, дабы каждый помогал другому и всё всем, как мы показали, сохранялось.

Поскольку та смесь, из которой происходит животное, имеет больше частей и является более сложной, то сильнее и ее внутренняя противоположность, ведущая к ее порче (ибо смесь происходит от различающихся противоположных вещей). Коль скоро в ней больше частей и выше сложность и противоположность, то божественный промысел больше печется о сохранении ее. Потому он дал разным видам животных то, чем они могут сохранить себя, и упорядочил их в соответствии с этим. Первый вид животных является одновременно и растением, и животным; [далее] виды животных упорядочены таким же образом, как и виды растений.

Тело животного разделяется на доли (*аб'ад*), а доли — на части, части же составляются в соответствии с подготовленной небесными и земными телами смесью. Животные разделяются на две группы: летающие при помощи крыльев и передвигающиеся по земле. Передвигающиеся по земле разделяются на многоногих (имеющих больше четырех ног), четвероногих, двуногих и вовсе лишенных ног (как змеи). Крылья и ноги для этих животных служат орудиями для поиска полезного и избегания вредного; что же до змеи, то части ее тела в силу причин, разъясненных нашими предшественниками, благоприятствуют исполнению любого ее порыва. Передвигающиеся же в воде суть рыбы; у тех животных, что находятся в воде, есть орудия для передвижения.

Первый вид животных имеет общность как с видами нижестоящего рода, так и с видами своего рода. Это, к примеру, дерево ваквак и ему подобное; они занимают высшую ступень растительных тел и низшую ступень животных тел. Далее виды животных упорядочены по степени благородства, восходя к виду, имеющему общность как с животным, так и с человеком, каковы, к примеру, обезьяны, натурой своей в чем-то схожие с человеком, а обликом — с животными, или же пчелы, кои суть животные с точки зрения телесного строения, а с точки зрения распространенного среди них искусства управления схожи с человеком.

Тела разных видов животных, упорядоченные по степеням благородства, упорядочены так именно в соответствии с наличием у них органов чувств. Поскольку мудростью предусмотрено, чтобы мир и сущее разделились на пять видов: осязаемое, вкушаемое, обоняемое, слышимое и видимое, и поскольку совершенство животных заключается в постижении всего оно, то божественный промысел дал им пять органов чувств, каждый соответственно каждому из оных видов, для их постижения. Потому тела различных видов [животных] упорядочены по обладанию сими органами чувств.

Одни имеют только то, что чувствует осязаемое, а именно кожу; в этом они схожи с телами всех видов [животных] и расходятся с ними в обладании прочим, ибо не имеют ни органа вкуса, ни обоняния, ни слуха, ни зрения, как, например, земляной червь и ракушечная улитка. Этот вид выше [дерева] ваквак и ниже тех, что имеют большее число чувств; он сложнее растений и проще других видов

своего рода. В этом отношении, в смысле осязания кожей, все части тела животного схожи, ибо все они обладают силой этого чувства, за исключением тех, природа которых отклоняется от умеренности, каковы волосы, ногти, копыта, рога и тому подобное, что служит животному либо украшением, либо орудием для преодоления внешней опасности и поиска пользы. А схожи осязающие части тела в любом из обладающих жизнью порождений для того, чтобы это чувство охватывало его со всех сторон и служило бы в минуты душевных затмений бдительным сторожем, охраняющим его от всего, что может принести извне в него порчу, дабы сохранить его тело поелику возможно.

Другие имеют также орган вкуса наряду с осязанием, не обладая при этом ни обонянием, ни слухом, ни зрением, как, например, пиявки и гусеницы. Особи этого вида сложнее (соответственно [своей] приемлющей сложение смеси) и выше рангом, нежели земляной червь и улитка, которые, питаясь, не ощущают вкуса подкрепляющей их материи. Из-за этого они сильнее тянутся к пище и старательнее собирают то, что должны доставить своему телу, ибо их потребность, вызываемая распадом в их телах, выше, нежели у менее сложного.

Другие обладают [также] и обонянием, то есть чувствуют запахи, будучи лишены слуха и зрения. Таковы, к примеру, навозный жук и муравей. Особи этих видов сложнее (соответственно смеси, подготовленной к принятию воздействий и отпечатков) и выше рангом, чем те, что имеют [только] органы осязания и вкуса. Так устроено для того, чтобы они могли найти в большем количестве все необходимое для возмещения своего тела и чтобы собираемые ими материи, кои они превращают в силу для своего тела, были обильнее соответственно их возросшей сложности и увеличившемуся распадению их частиц.

Иные же имеют и орган слуха, коим чувствуют звуки, не обладая зрением, как, например, крот (сей вид во всем таков же, как и другие), а иные, как, например, мухи, имеют [орган] зрения, коим ощущают цвета и фигуры, но лишены слуха. Особи этого вида в соответствии со своей приемлющей [сложность] смесью сложнее и выше рангом, чем те, что имеют органы осязания, вкуса и обоняния, ибо им в поиске необходимого нужен широкий простор: не найдя пищи в одном месте, они устремляются в другое,

дабы найти искомое и сполна обеспечить свое пропитание, дабы никогда не отсутствовало то, что своим отсутствием повлекло бы их гибель.

Некоторые же имеют органы всех пяти чувств; сии сложнее всех, хитрее всех и наиболее алчные, ибо у них есть все те органы, что обеспечивают совершенство в поиске наслаждений; они к оным и устремляются, дабы, по распоряжению Всезнающего Мудреца, породить таким образом потомство и произвести свое подобие. Оные, далее, упорядочены с точки зрения тех орудий, что обеспечивают им благо и пользу и даруют наслаждения, предаваясь коим они и производят себе подобных. А именно, одни из них самодостаточны и в мужской особи нужды не имеют, как, например, курица, несущая яйца без совокупления с петухом; другие же нуждаются в мужской особи, случаясь и совокупляясь, чему примеры всем известны: лошади, ослы, овцы, коровы или люди. Упорядочены они, далее, по [способу] деторождения: одни [живо]родящи, другие же откладывают яйца, причем откладывают яйца те, у которых уши скрыты и не видны, а рожают те, чьи уши открыты и выдаются наружу. Упорядочены они и в том, что одни собираются вместе с особями своего вида, как, например, журавли в полете или вороны на гнездовье, или же скворцы, всегда совершающие перелет вместе, или гуси, или человек, образующий сообщество в поиске средств существования; другие же вместе не собираются, как соколы, ястребы и им подобные.

Все это мы сказали, дабы установить для оного весы вероисповедные чрез равновесие и взаимное соответствие. Так вот, поскольку разъясненный Закон (а это и есть истинная вера), последний из всех Законов, блистательней и выше рангом, чем все предшествующие Законы, следовательно, человек как телесное существо (то есть вид видов) выше всех видов животных. Поскольку число установлений и предписаний в истинном вероисповедании, посредством коих приближаются ко Всевышнему, больше, чем во всех прежних верах, следовательно, сложность человеческого вида и число его частей и орудий больше, нежели у прочих видов животных. Поскольку истинное исповедание является тем пределом, за коим нет другого предела и Закона, который отменил и заменил бы его, и он полон, так что не нуждается ни в приращении, ни в умалении, следовательно,

человеческий вид есть тот предел творения, на котором прерывается бытие телесных сущих.

Поскольку речение «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед — посланник Бога» является для мира религии началом и той основой, на которой построены все прочие нормы, установления и обряды, изначальность же его связана с существованием глаголящего, который и есть основа полноты установлений, обрядов и границ, следовательно, сердце в теле человека является началом его бытия, и эта его изначальность связана с существованием растительной души, являющейся основой для бытия прочих органов. Поскольку религия имеет шесть долей, то есть явных обрядов: соблюдение чистоты, молитва, очистительная милостыня, пост, паломничество и джихад, — кои все связаны с седьмой, с причиной своего бытия, а именно с глаголящим, не будь которого, и их не было бы, следовательно, физическое строение [человека] включает шесть долей: две ноги, две руки, голова и корпус, кои все связаны с седьмой, благодаря коей они все существуют, а именно с растительной душой, не будь которой, и их не было бы. Поскольку религия с ее установлениями, обрядами и ритуальными действиями происходит от пророка, который для всех них причина в их бытии и их блюститель, и он же — дитя Разумного мира, как мы то ранее разъяснили, следовательно, человеческий вид с его [телесными] долями и душой — дитя Природного макрокосма: как в макрокосме есть объемлющие небесные сферы, светозарные звезды и планеты, четыре столпа, заоблачные горы, текущие реки, разные растения, всякие минералы и многое другое, о чем долго было бы говорить, так же в микрокосме есть оному подобно правильно распределенные орудия, светоносные постигающие органы чувств, четыре природы, прочные кости, текущая по жилам кровь, растущие волосы, наружные ногти и прочее, что уже объяснялось, когда мы уравнивали мир на вероисповедных весах.

Коль скоро пророк (да благословит и приветствует его Бог!) выше рангом заветника, а имам — хунджа, то ранг сердца предшествует рангу мозга. Раз заветник зависим и следует пророку (мир ему!), следовательно, мозг зависим и следует сердцу. Раз материя знаний притекает к границам от хунджи, замещающего заветника, значит, печень распределяет питание тела, и от нее кровь течет ко всем

органам. Поскольку хунджа зависим и следует пророку, помогая ему, распространяя и утверждая его Закон, устанавливая равновесность между его действиями и его Законом и между творением Всевышнего, научая границ и верующих мира религии, следовательно, печень своими материями служит сердцу. Поскольку извещающий проповедник размышляет о явных и скрытых вопросах призыва и религии и формулирует свои объяснения по поводу затруднительных религиозных вопросов (из тех, что ему задают и что он находит сам) так, что когда представляет их хундже, тот принимает их как допустимые, отделяет в них то, что вызывает сомнение и неуверенность, отбирает чистое и подлинное и делает это питанием для духов, различных по ступеням в мире религии, следовательно, желудок, служа печени, переваривает поступающую в него [пищу], дабы превратить ее в кровь, отделяет от нее содержащуюся в ней влагу и отправляет оную как мочу в мочевого пузырь, выделяет из нее чистую кровь для питания тела и рассылет ту к органам в соответствии со степенью их тонкости или плотности. Поскольку все проповедники служат проповеднику извещающему, ибо доводят до него свои вопросы, тем самым делая их причиной тех польз, что изойдут от него к ним (также как кусок пищи, бесполезный для пережевывающих его рта и зубов, поступив в желудок, будучи переварен и направлен к печени, которая выделит из него чистую кровь, становится их питанием и силой), следовательно, рот, зубы, челюсти и язык перемалывают пищу, помогая и служа желудку, к ним же от печени, обслуживаемой желудком, возвращается то, что для них полезно.

Поскольку те, кто связан с обоими поклонениями (знанием и действием), имеет в вопросах религии больше знаний и суждений, нежели связанные с одним только явным поклонением действием, следовательно, животное, обладая орудиями, обеспечивающими рост и доставляющими ощущения, сложнее [растения] и имеет больше частей и орудий. Из того, что в животном противоположностей больше, чем в растении, вытекает, что различающихся знаний и исповеданий среди отправляющих оба поклонения больше, нежели среди отправляющих только явное поклонение. Поскольку небесные границы больше пекутся о людях обоих поклонений ввиду возникающих в душе в силу зависимости ее от смеси своего тела многочисленных представлений, пагуб-

ных исповеданий и гибельных заблуждений и, желая сохранить ее, сущую, от погибели, наиправдивейшим образом воздвигли ей предшествующих пять границ: законополагающего глаголящего, разъясняющего истока, сохраняющего имама, научающего хууджу, призывающего и пробуждающего проповедника, кои оберегают их от гибельных представлений и пагубных заблуждений и направляют туда, где их ждет правильное руководство, следовательно, животному ввиду большей противоположности его частей Бог даровал шесть чувств, чтобы те служили ему для его охранения и поиска полезного. Поскольку люди второго поклонения имеют науки, а каждая наука — свои разделы и положения, и все оно таково, как получилось от научения наставников, следовательно, тела животных имеют доли, доли имеют части, а каждая часть сложена в зависимости от влияния влияющих [небесных тел].

Поскольку вступающий в храм поклонения близок к знанию, коим обладают ему подобные из числа людей скрытого поклонения, ибо у него наряду с ними есть что-то от того знания, и он, будучи ниже всех рангом, имеет общность со всеми ими, следовательно, первый вид животных схож как с растениями, так и с животными, которых он всех по природе ниже. Поскольку в храм поклонения входят люди обоих поклонений, происходящие как из людей подзащитных, так и людей явного поклонения⁴, следовательно, животные происходят от смеси, образованной как четырьмя столпами, так и смешавшимися с одной частью растений.

Поскольку пророческий призыв является началом бытия духовных форм в мире Разумов, следовательно, в мире Природы формы людских тел появились из земли, которая есть их начало. Поскольку знания, [полученные] путем [небесной] поддержки и откровения, не таковы, как [полученные] путем научения, следовательно, форма людей в начальном их бытии, когда они произошли из земли, была не такой, как сейчас, когда они существуют благодаря размножению. Поскольку [небесной] поддержкой и откровением знание дается сначала сразу и в общем, а затем подробно и раздельно, следовательно, людская форма сначала произошла из земли сразу, а затем, разделившись, существует путем размножения. Поскольку [небесная] поддержка и откровение делают душу более твердой, сильной и

верной, нежели научение через подобное и сходное, следовательно, в начале их бытия из земли сила людей была крепче, нежели потом у тех, что появляются путем размножения.

Поскольку все границы упорядочены по рангам поклонения, так что одни стоят лишь на первой ступени благородства, как, например, проповедник, имеющий один лишь ранг призыва и обладающий только теми связанными со скрытым поклонением знаниями, о которых уже говорилось, другие же стоят выше, третьи еще выше, и так вплоть до той границы, который обладает всеми рангами, каковая граница — пророк, собравший все добродетели и ранги, следовательно, животные упорядочены по обладанию пятью органами чувств: одни имеют одно чувство, другие два, иные же три, и так вплоть до того, кто имеет их все и является из всех наилучшим, а именно человек.

Поскольку границы в храме поклонения вкушают блаженство и усладу разговоров и диспутов, от чего происходит научение, следовательно, животное ищет чувственных угод, от чего происходит деторождение. Поскольку некоторые из людей обоих поклонений, довольствуясь разговором между собой, не нуждаются в проповеднике для [обретения] некоторых знаний скрытого поклонения, следовательно, некоторые животные не нуждаются в мужских особях для произведения потомства, как, например, курица. Поскольку некоторые из людей обоих поклонений не могут обойтись без научения от вышестоящих [границ] в том, что связано с вопросами разума, а также без того, чтоб ускользающее от чувств уподобить (облегчая душе познание оно-го) тому, что делает их в царстве животных животными, следовательно, некоторые животные, как четвероногие (коровы, овцы и им подобные), так и птицы (голуби, павлины и так далее), не могут в деторождении обойтись без мужских особей. Поскольку явное поклонение является причиной, обеспечивающей душе силу в религиозных знаниях, правильные нравы и суждения, и побуждает ее искать радость в научении других, ниже ее рангом в знании стоящих, следовательно, растение, давая животному свою легкость и тонкость, является причиной его силы, подвигающей его к поиску наслаждений в совокуплении, благодаря чему оно производит себе подобных. Поскольку получившие под-

держку благодаря истекающей на них благодати единства возвышаются в храме поклонения, превосходят прочих сынов своего рода, имеющих в бытии меньший ранг, и первенствуют в сравнении с ними, так что являются превосходящими (*фудалья*'), а те в сопряжении с ними — превзойденными (*мафдүүлди*), следовательно, те люди, что имеют в смеси своего тела избыток (*фадль*) тепловой силы, каковую силу Всевышний сделал орудием существования добродетели (*фадбля*), превосходят в том прочих сынов своего рода, что стоят ниже их рангом, и они суть мужчины, а те — женщины.

Вот какое равновесие устанавливают весы вероисповедные, свидетельствуя о правильности нами сказанного. Слава Богу, Чье могущество неколебимо, Чье доказательство неоспоримо, Чья благодать неиссякаема; да благословит и приветствует Бог Мухаммеда, великого делами, вознесенного положением, и чистых имамов из рода его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ВОСЬМАЯ

О животном как о чувственной душе и что она есть и как она есть; о тех знаниях, которыми она обладает для сохранения своего тела; какова она в своем совершенстве и силе и каково ее первоначало; о том, в чем она совпадает с человеческим видом и чем различается

Сказанное доселе послужит нам достаточным основанием, чтобы подняться до познания той злом запятнанной души, что зовется душой чувственной. И прежде всего мы скажем, что поскольку то, самость чего не познается [чувствами] (*ля тудрак*) и не ощущается (когда бы так можно было узнать, есть ли она [*халийя* ¹]), [тем не менее] должно обязательно существовать по свидетельству своих действий, ибо оные действия явлены чувству скорее, нежели сам действитель (как, например, ощущение, кое есть действие, явленное нам скорее, нежели самость ощущающего), так что можно руководствоваться сим, облегчая путь к искомому, и поскольку такое облегчение пути к искомому и познание

оного означает, что суждение по действиям служит основой заключения о необходимости бытия того, о чем по свидетельству чувств нельзя сказать, есть ли оно, следовательно, те видимые действия и движения, кои совершает животное благодаря своим орудиям и кои не влекутся самостью тех орудий и не входят в их определения (благодаря каковым определениям они суть то, что они суть), составляют вернейший показатель бытия души, и существование оных [действий] есть величайшее для нее доказательство. Сие достаточно разъяснено в нашей книге «Светозарное доказательство имамата».

Мы уже говорили, что растительная душа возникает из тонких частиц земли, претерпевающих превращения (как было разъяснено) от проникающих в них влияний воздвигнутых для оного вещей, и из излучения небесных светил, сияющего в нижестоящих телах и на оные влияющего, возникает так, как мы показали на примере возникновения чернил из чернильного ореха и купороса, или возникновения огня в железе под влиянием осыпающих его ударов молота. Теперь же, стремясь к поставленной цели, скажем: сии истонченные, чтоб быть растением, частицы земли, смешавшись с частицами растений, становятся новой смесью с многократно умноженными силами, которую Всевышний назвал «квинтэссенцией праха» ². Соединение того сияющего излучения светил, благодаря коему возникла растительная душа, с оной смесью, подготовленной и образованной из частиц земли и частиц растений, то есть квинтэссенцией, есть причина бытия той души, возникновение коей напоминает возникновение огненного пламени в куче каменного угля, когда в него помещены горящие угли, или же покраснение и возгорание железа под ударами молота.

Сия душа не есть растительная. Она — самость, что благороднее и выше оной рангом. Она имеет то, чего лишена растительная душа, и обладает действием и растительной, и чувственной [души] совокупно. Она в своем бытии такая же, как среди чисел сотня, собирающая и разряды десятков, и разряд сотни, или же как лекарства, среди коих есть такие, что воздействуют только на один из органов тела (как, например, таблетки, воздействующие на одну лишь печень и оную, если их выпить, выправляющие, или же пилюли, что воздействуют на мозг), а есть и универ-

сального действия, совмещающие оба действия (например, укрепляющие отвары и прочее). Для сей души вне[природные] Разумы и их струящиеся во всех телах светы суть то же, что для тех истонченных частиц излучение влияющих на них тел, благодаря коему возникла растительная душа: они (светы Разумов.— А. С.) воздействуют на нее, и в ней, подготовленной и принявшей от них многожды более, чем принимает душа растительная, появляется знание своих выгод и благ, каковое знание и есть для сей души совершенство и благодаря коему она ищет все для себя подходящее и бежит от всего себе противоположного и с собой несовместимого,— так же в сухих фруктах возникают цвета, желтый и красный, от [воздействия] солнца, когда оно их достигает и когда они приходят к своему совершенству.

Сия душа, в соответствии со своей природой и смесью, имеет свои особые привычки и совершает свои особые действия, от коих не отклоняется ни по выбору, ни по размышлению, ни по мнению. В действиях своих она схожа с огнем, сжигающим и нагревающим, и с водой, что увлажняет и течет, не размышляя и не выбирая. Всему этому ей не нужно учиться, ибо самости ее достаточно тех [знаний], что получились в ней благодаря вне[природным] вещам, придав ей совершенство. Она постигает сенсительные вещи в границах своего постижения уготованными ей орудиями, не утверждая в своей самости их форм, когда могла бы размышлять об оных вещах. А не приемлет и не утверждает форм животная (*бахъмийя* — т. е. всех животных, кроме человека.— А. С.) душа потому, что по натуре (*джибилля*) своей происходит из смеси, сходной со смесью растительной жизни; хотя ее смесь и сильнее, и выше рангом, однако же ближе к столпам, нежели удаленная от них смесь человека. Посему та смесь, не имея того, чего она не имеет, лишена и того, что от одного происходит и благодаря чему она бы самостно принимала и сохраняла [формы], ибо стоит ниже ранга того, что способно принимать устраняющие его ущербность [формы]. В силу этого предельная цель бытия сей души — чтобы ее ранг был над рангом растительной жизни; а иметь ранг над рангом растительной [души] она может лишь тогда, когда стоит выше оной во всех смыслах, что делают растущего растущим. И

вот, если произрастающий ищет материю для сохранения своего тела в глубинах земли, то сия [душа] — на земле; если тот посылает свои корни вправо и влево, а также в недра земли, будучи сам недвижим, то сия [душа] движется во всех направлениях, перемещаясь над землей; если для него возможность поиска необходимой материи сужена, ибо в его распоряжении только один участок земли, то для нее открыт простор благодаря многочисленным орудиям поиска оной материи и передвижению по многим участкам земли; если тот не имеет некоторых вещей, что доставляли бы ему материю и сохраняли его тело от порчи извне, то эта имеет чувства, что, как стражники, хранят ее тело.

И вот, будучи так сложена, она не принимает от сущего форм в их (форм.— А. С.) виде, как они есть, и не фиксирует их, как та бумага, что выделяется из специально подготовленных частей особым образом и получает первое бытие от мастера, ее изготовляющего. Она не имеет ничего, чем могла бы сохранять доверяемые ей письма и формы в их виде — ни придающих ей стойкость рисовой воды и крахмала, ни помогающей сохранять вверяемое ей полировки, сглаживающей выступающие части и не дающей формам написанного расплываться и утрачиваться (когда бы письма расплывались и утрачивали свою суть). И вот на этой ступени, когда она — бумага, цель ее бытия — быть пригодной к тому, что в ней будет устроено, сохранять собранными свои частицы и не давать им распадаться, а не принимать письма. Итак, сия душа занимает в бытии такой ранг, что не способна и не в силах зафиксировать формы; она существует для того, чтобы быть совершенством для своего тела, обходясь в его сохранении врожденным знанием.

Находясь в живом, сопровождая тело и помогая ему (а это ей более пристало, нежели быть самосушей, ибо она столь невежественна и самость ее столь пуста, что такой она быть не может), эта душа обладает индивидуальным бытием, в силу чего она и [делится] на виды. Посему ученые, определяя душу (то есть животную душу, к каковым животным относится и человеческий вид), говорят, что она есть совершенство природного обладающего орудиями тела. Это определение общее, даваемое для разных видов души. Такова душа животных (*бахъ'им* — т. е. исключая человека.—

А. С.): зверей, птиц и прочих, о каковой душе мы говорим, что она — не потенциальная, когда бы, обретая актуальность, она обретала и дополнительное благородство. Нет, она в этом своем качестве является предельной целью, а доставленное ей вне[природными] вещами (что мы сравнили с краснотой и желтизной плодов, доставляемой им солнцем) есть ее второе совершенство, благодаря коему она актуальна. Поэтому действия ее постоянны и неизменны, а издаваемые ей звуки одинаковы и не меняются. Так же среди видов растений каждый обладает своим индивидуальным неизменным действием и дает свой особый постоянный плод, и так среди видов [минеральных] тел каждый имеет особое действие, от коего не отклоняется, ибо оно для него — предел, ставший его вторым совершенством.

Что ж до человеческой души, то она, хоть и относится к животным душам, но, будучи потенциальной, а не актуальной, не подобна им. Она такова потому, что существует не только для своего тела (подобно душам животных), но и для себя самой, ведь она есть тот предел, к которому восходит вся сотворенная природа. Когда пришло в движение колесо размножения (о чем мы говорили), она в своем бытии вобрала в себя силы растений и силы животных, напитавшись оными, и, имея уготовленные ей орудия и доставляемое ей питание, стала как та земля, из частиц которой вместе с частицами растений возник дух растений и животных; так бытие ее простекло от тех двух тонких [родов], растения и животного, что произведены Природой. Она максимально удалилась от природной грубости и темени, и подготовленность ее превзошла ту, что имелась у нее прежде, в ее первом бытии. Силы ее приумножились столь же, сколь, как мы писали, приумножились силы растений и животных, вместе взятые; и вот она стала высшим видом, побратавшись со всеми родами, видом, соседним с видами того рода, что стоит выше и есть для него предел, видом, собравшим все, что соотносит его с обоими родами (т. е. собственным и высшим.— А. С.). Так же гипс имеет то, что соотносит его и с землей, и с минералами, так коралл имеет то, что соотносит его и с растениями, и с минералами, так дерево ваквак, ракушки и финиковая пальма обладают тем, что соотносит их и с растениями, и с

животными, о чем уже шла речь. Посему и говорят, что она (душа человека.— А. С.) — вид видов и что существует она не для того только, чтоб быть совершенством для своего тела, ибо в таком случае она, подобно однородным с ней душам, переставала бы существовать с прекращением бытия ее тела, и тогда приращение орудий и сложности оказалось бы бессмысленным, тогда знания, коими обладает человеческая душа, были бы не более чем знание о выгодах своего тела (как то имеет место у однородных с ней душ), ибо в прочем она и не нуждалась бы как в излишке (*фадль*); тогда мудрость была бы ущербной, ибо не существовало бы то, что могло быть. Но коль скоро не это, а обратное верно, то тем установлено, что бытие ее — не только для ее тела, но и ради того, чем она обладает сама для себя.

Она, таким образом, занимает положение ниже, нежели положение вышестоящего, но и отделена от однородных с ней душ, кои все актуальны, ибо совершенство ее не в том приличествующем душам сохранении своих тел, но в тех вещах, что суть для ее собственной самости, а не для ее тела, а они — не те природные живые знания, коими обладает и она, и однородные с ней души. Будучи такой, она в сопряженности с вышестоящим, вне[природным] потенциальной, и для обретения второго совершенства в акте нуждается в упражнении, труде и стяжании под руководством поддерживаемых небесами. Ее действия изменчивы, а привычки переменчивы (ведь потенциальное именно таково), поскольку душа сия своего совершенства еще не обрела и не достигла, и она не актуальна, в отличие от душ прочих видов животных, каковые души в своих действиях всегда одинаковы. Будь она актуальна и достигни уже своего совершенства, действия ее, влекомые добродетелью, чистотой и святостью, были бы всегда единообразны. Поскольку же эти действия — ради ее самости, а не ради ее тела, то, будучи в чистом виде пределом всех видов животного рода и результатом всего, что Природа (как движущая, так и движимая) вывела в бытие, эта душа как самость есть то же, что виды прочих родов суть как тела (а не как души) с той точки зрения, что в сопряжении с мастерами и умельцами они потенциальны, так что переход сей души в акт — от вне[природных] Разумов, так же как даваемая растительным миром древесина потенциальна, а в акт переходит

благодаря плотнику, наделяющему ее формами своего ремесла, и так же как тела минералов потенциальны, совершенство же их проистекает от мастеров — ювелиров, литейщиков и кузнецов — и дается формами их ремесла. О ее бытии (то есть ее первом совершенстве) и о том, что для достижения своего второго совершенства она нуждается не в том же, благодаря чему существует (то есть имеет первое совершенство), а в ином, — должно быть сказано то же, что было сказано в главе о растениях, когда был приведен пример произведенных умельцами вещей, коих первое бытие связано с одним мастером, а второе — с другим, не с тем, с которым связано первое.

Итак, будучи потенциальной, человеческая душа отличается от прочих душ, кои актуальны; она существует ради себя самой, а не ради иного; ее совершенство заключено в разумном и чувственном вместе, совершенство же тех [душ] — в чувственном, а не разумном; ее действия изменчивы и претерпевают превращения, а действия тех не изменяются и не знают превращений; она мыслит и фиксирует в своей самости формы вещей, а те не мыслят и не фиксируют формы вещей в своих самостях; она пребывает после распада своего физического носителя (*шахс*), а те погибают и исчезают, подобно акциденциям; ее определение — совершенство своей самости, а определение тех — совершенство своего тела.

Отличаясь от них вышеперечисленным по своей самости, она совпадает с ними по своей смеси в действиях, кои свершает только посредством своего тела, гневаясь, мстя и производя иные действия ради своего блага, отыскивая питание, стремясь к подходящему и уходя от неприятного, — например, уходя в тень, когда ей жарко, и взыскуя солнца и тепла, когда холодно, стремясь к соитию и наслаждению, кое служит причиной воспроизводства и порождения подобия, ища побед, прибегая к предательству и хитрости и свершая тому подобные, обусловленные природностью ее смеси действия ради все больших выгод и усад для своего тела.

Что до начала ее (животной души. — *А. С.*) бытия, то в этом между ней и людской душой различий нет: растительная душа со своими силами служит и ей, и прочим видам животных основной (*асль*) и ближней поддерживающей причиной, не будь которой, и их бы не было. Она (рас-

тительная душа. — *А. С.*) для нее (души животных, в том числе человека. — *А. С.*), как тройка для чисел, ибо тройка — поддерживающая причина бытия четверки, или как четверка — поддерживающая причина бытия пятерки, или как десятки — [поддерживающие причины] бытия сотни. В этом плане она (душа человека. — *А. С.*) с ней (душой животных. — *А. С.*) соотносится и схожа. Однако подготовленность смеси у человеческой души такова, что она выше и благородней, чем та изначальная подготовленность. А именно: находящаяся в матке восприимлющая материя столь подготовлена и утончена, что среди сенсительных вещей ее можно сравнить с бальзамом, готовым, под воздействием теплоты солнца, к возникновению в нем огня. Так вот, тело зародыша в матке, подготовленное изнутри растительной силой, — как извлеченный из бальзамового дерева бальзам, наполняющие воздух и мир светы движущихся [небесных] тел для него — как солнце для бальзама, а возникновение в нем жизни — как возникновение огня в бальзаме под воздействием солнца. Все это потому, что человеческая душа есть тот предел, за которым уже нет предела в бытии иного сущего.

О правильности нами сказанного свидетельствуют законы пророческого произведения и весы его, кои суть весы вероисповедные. Коль скоро входящий в храм поклонения, соединяющий оба поклонения, поклоняющийся Всевышнему верующий имеет душу людскую³, а не душу скотов, и не только одна людская душа нужна тут, но также и благодать и сила явного поклонения, следовательно, бытие чувственной души проистекает не от земли, собравшей силы всех прочих тел, и не от одних собственных сил, но от них и сил растения совокупно. Поскольку отправляющая явное поклонение людская душа бывает побуждаема к высотам скрытого поклонения, так что получает знания, полезные для себя в своем явном поклонении, следовательно, происходящие из земли и частиц растений силы, то есть [животная] душа, приемля влияние влияющих [небесных тел], благодаря какому влиянию прежде получились растения, приобретает знания на благо своего тела.

Поскольку в храме обоих поклонений среди людских душ есть как лицемеры, вроде «вновь обращенных»⁴, которым религиозные деяния служат только для того, чтобы ради одних мирских благ сохранить свое положение, богат-

ство и могущество, так и праведные верующие, взыскующие в поступках своих и мира дольного, и мира загробного, следовательно, в царстве Природы среди животных душ есть как души скотов, зверей, птиц и прочих созданий, каждое со своим рангом, и все их действия — только ради их тела, так и души людские, чьи действия — и для тела, и для души. Поскольку людские души, не связанные с законоустановленными поклонениями и божественными законами, будучи заняты борьбой за власть и корысть, стяжая богатства и убивая, взаказав, подобно диким зверям и скотам, удовлетворения похотей и страстей, желая безраздельно царить, притеснять и чинить произвол, — поскольку такие души далеки от блага, никогда не стяжают вечного блаженства и исчезнут (*душр*) с арены бытия после смерти, следовательно, та чувственная душа, коей обладают дикие звери и скоты, заботясь лишь о сохранении их тел и удовлетворении, в соответствии с их смесью, всех их страстей и вожделений, далека от блаженства, даруемого божественным знанием, не может существовать после разрушения своего тела и должна исчезнуть. Поскольку действия того, кто праведен в явном поклонении Господу и отправлении обрядов своей религии, неизменны, так что, свершив одно из них (омовение, молитву, коленопреклонение, простираание ниц, пожертвование, пост, паломничество, джихад и прочие обязательные и узаконенные действия, связанные с явным поклонением), он это же действие свершит и в другой раз так же, ни в чем первое не превысив, следовательно, привычки и действия чувственной души скотов неизменны и единообразны, так что, издавая звуки или свершая иное действие, она всегда поступает так же, как раньше.

Вот что, чрез взаимное равновесие и соответствие, поведали нам весы вероисповедные, извлеки на свет скрытое, к чему правильнее, вернее, скорее и лучше всего прийти, опираясь на свидетельство пророческих уложений, рангов призыва и божественных знаний. Слава Богу, Создателю небес и земли, Вседержителю; да благословит и приветствует Бог велеречивого и сладкоустого пророка нашего Мухаммеда, перла посланничества, заветника его Али и чистых имамов из рода их.

УЛИЦА ДЕВЯТАЯ

О человеческой душе как чувственной; о том, что возникает в ней в ее бытии — первом совершенстве и чем стяжает она свое второе совершенство, и какова поддерживающая причина оногo; о том, какую конечную цель она достигает в своих действиях; о том, что в ней играет роль материи и что — формы; о том, каковы возникающие в ней отпечатки стяжания; о месте ее среди сущего; и о том, что она и едина, и множественна

После того, что мы сказали о бытии души, и какова она, мы приблизились к познанию ее, так что не трудно будет нам постичь оногo. В ней есть такое, чего нет у природных вещей и небесных светил, от коих произошла она, например, питание, рост и способность выбирать (*ихтийр*). А такова она не благодаря тем небесным светилам, но благодаря тому, что есть в ней как бы восприимлющее. А как сие существует для нее и в ней, поясним на примере солнца, которое чернит кожу, тогда как в лучах своих черноты не содержит; или на примере гнева, от коего тело бросает в жар, тогда как сам гнев жаром не обладает; или на примере точильного камня, заостряющего железо, хоть сам остроты и не содержит. Итак, она в самости своей воспринимающая и в бытии своем форм и знаний не имеет (также как тело ее в своем бытии не имеет одежды) и нуждается в том, чтоб воспитать себя (также как тело нуждается в одежде, питании и уходе); счастье же ее — в обретении форм и стяжании, как то ей удастся (также как счастье ее тела — в достатке и обновлении, как то ему удастся).

Изначально в своем бытии душа невежественна. Невежество — это отсутствие истинных знаний в самости. В сем она бывает двояка, причем в одном случае она лучше и выше, чем в другом. Более высокое состояние — ее невежество, когда не имеет она форм познаваемого; более низкое — когда обретенные ею формы познаваемого противоречат и не совпадают с познаваемым. Это и есть несчастье и величайшее испытание. Посему простонародье и подлый люд, подчиняясь велению своей смеси, дьявольские наущения и советы, портящие и ведущие их к гибели, приемлют

скорее, нежели наставления добродетельных старцев, ради их благополучия даваемые. Итак, она свободна от форм сенсительного и умопостигаемого, оных не имея так же, как белый лист бумаги или незаполненная дощечка для письма, или же чувства, когда им нечего постигать; и знания она лишена, имея из одного лишь природно-обусловленное своей смесью и связанное с ее телом. Так потому, что она потенциальна; в таком состоянии она — как материя, потенциальная субстанция, готовая принять то, что исполнит ее самость.

Поскольку она такова и знания не имеет, то и сказал Всевышний: «Бог изводит вас из утроб матерей ваших, тогда как вы ничего не знаете»; ¹ и пророк (да благословит Бог его и род его!) сказал: «Всякий новорожденный рождается в лоне ислама, родители же делают его иудеем, христианином или огнепоклонником». Это означает, что всякая обретшая бытие душа чиста, индивидуальна и свободна, не имеет ни формы, ни знания, ни исповедания, ни мысли, а обретает исповедание и знание благодаря научению наставников, из коих ей всех ближе родители. Они, как знают, учат ее, и если они огнепоклонники, то и она становится огнепоклонницей; если они христиане, то и она становится христианкой; если они иудеи, то и она становится иудейкой; а если они мусульмане, то и она становится мусульманкой. А если бы душа изначально имела в своей самости форму — в смысле знания, не связанного естественным образом с интересами ее тела, то, обладая оной, она бы приводящее (т. е. новые формы знаний. — *А. С.*) не могла принять. Ведь принимающий форму не должен иметь в своей самости никакой другой, а иначе то воспрепятствует ему принять приводящее. Например, как известно, слух уже занят каким-то звуком; или же гемма не может принять другое изображение, пока не стерто первое; или же вода, принявшая красный цвет, не может принять другой цвет как таковой. Итак, душа свободна [от форм] в своей самости; она, как мы сказали, — природно-возникшая жизнь.

Хоть и говорят о ней, что она душа или же дух, но тот смысл, благодаря которому она есть то, что она есть, — это жизнь. Оба эти названия верны и за пределы жизни не выходят: душа живая и есть душа, и то же относится к духу. Если живого, могущего и знающего человека мысленно

лишить знания, то с устранением одного не исчезнет ни могущество его, ни жизнь; если же отнять от него жизнь, уйдут и знание, и могущество, и вообще все, что с жизнью связано и благодаря ей существует. Поскольку она собирает все эти атрибуты, будучи таким образом воспринимающей их, то она и есть основа существования всего прочего, и ничто другое ей не предшествует. Итак, она — сущая в мире Природы жизнь с воздвигнутыми для нее божественной мудростью предустановленными орудиями, воспринимающая все, что должно ей воспринять из форм, схожих с той изначальной, сотворенной жизнью, о которой говорилось во введении сей книги. Занимая этот свой ранг, она может быть актуальной субстанцией, ибо субстанция есть нечто самостоятельное, она же становится ² благодаря стяжанию того, что делает ее иной, то есть не такой, какова она. Нельзя о ней сказать и того, что она — актуальный разум (хоть о людях и говорится, что они разумны), ибо в сем своем ранге она потенциальна, но, практикуя обязательные в вероисповедной общине обряды, ритуалы и божественные установления, она станет актуальным разумом, и тогда будет поистине разумной.

А говорится о ней, что она — душа, потому что от нее исходят действия в соответствии с ее смесью и изначальной природой. Если же исходящие от нее действия обусловлены волей к стяжанию счастья и удалению причин страдания, тогда она — разум для душ, тогда она получает все то, что переместит ее с ее ранга на ее конечный предел. Потому она — последнее из сущего и его второй предел, также как та сотворенная жизнь (то есть Первый Разум) есть первое из сущего и его первый предел; поэтому она — завершение круга творения. Все осуществленное мудростью ведет к ее совершенству; и вот, поскольку она в бытии своем восходит к тому пределу, что в основе и местоположении своем соответствует той изначальной основе (т. е. Первому Разуму. — *А. С.*), на сию жизнь оказалось изливаемо истечение; сия жизнь воспримет, а та (т. е. Первый Разум. — *А. С.*) сопрягается и с ней совокупляется — и вот они соединяются воедино (о чем мы еще будем говорить). В ней возникает то, что образует ее совершенство и направляет ее самость к достижению второго совершенства, а именно те действия, что происходят от поддерживающей их причины, ее самости присущей, благодаря коей они выходят на арену бытия

и поднимаются к стремлению (*шавк*). Стремление — их универсальное имя, а по каждому предмету стремления (*муштāk*) они получают индивидуальное, определяемое тем предметом имя. Итак, стремление является поддерживающей причиной того, что возникает в ней (душе. — А. С.).

Поскольку по своей самости душа потенциальна, ущербна и нуждается в тех дарующих ей счастье знаниях, в которых заключено ее совершенство, и поскольку в ее самости в силу ее ущербности и того, что она чувственная, имеется потребность, влекущая ее к тому, что удовлетворило бы ее, и поскольку сия потребность и есть стремление, то она, таким образом, обладает стремлением, однако это стремление, как и она сама, потенциально. Когда же ее чувства встречаются с ощущаемым, она крепнет, огонь ее разгорается и вспыхивает, и благодаря стремлению она актуализируется, толкаемая им на осуществление тех действий, что сим стремлением обусловлены в каждом из состояний ее самости. Посему стремление по рангу предшествует тому, что возникает в душе и что стремлением не является, тому, благодаря чему обретается совершенство (хотя вместе с тем актуализация стремления и зависит от актуальности ощущения). Стремление в зависимости от своего предмета может иметь различные названия (как и душа именуется по-разному в зависимости от своих действий).

Если предметом стремления служат наслаждения, тогда оно является страстью (*шахва*). Таковое относится и к растительной, и к чувственной душе и связано с телом, ибо способствует обретению материй для его сохранения. Страсть распадается на разновидности, из коих каждая имеет особое название. Так, страсть к еде — это голод, к воде — жажда, к совокуплению — похоть, и так далее.

Если же предметом стремления служит возмездие, то это — негодование. Негодования лишены многие животные (например, черви и другие, с ними схожие), у которых тело защищено извне благоприятной для них средой; оно свойственно тем животным, что стоят выше по своей смеси, тонкости и умеренности. Восприятие негодования характерно для действий той смеси, что отличает чувственную душу, действий, направленных на сохранение и ее тела, и ее самости. Тело охраняется от того, что может так или иначе навлечь на него порчу извне, будучи ему враждебно и противоположно; либо таковое изгоняется, либо душа от него отстраня-

ется. Тому есть много названий, смотря по тому, каково негодование и проистекающее от него действие, как-то: жалоба, порицание, злоба, вражда, ненависть; если проистекающие от того действия сопровождается могущество, то они суть оскорбление, избиение, заточение в узилище, умерщвление, беспощадная расправа и тому подобное; если же могущество их не сопровождает, то — бегство, отстранение, враждебность и тому подобное. А самость ее охраняется от того, что может ее погубить; тому есть много названий, смотря по тому, каково негодование и проистекающее от него действие. Если оно относится к гнусным безобразиям, коим противится и от коих бежит душа, то это — гордость (*'анафа*); если — к порицаемому, то это презрение (*хамийя*); если — к связанному с низостью и подлостью, то это возмущение; если — к скверным и греховным делам, вредным и постыдным для самости, влекущим недовольство, то это порицание, джихад и свершение [необходимых] действий, и тому подобное.

Если же предметом стремления служит завоевание счастья благодаря познанию предшествующих поддерживающих причин и исполнение предписываемого поклонения и послушания, то такое стремление есть воля (*ирāда*). От нее проистекают действия, каждое из которых носит свое имя. Когда душа, почитая то за благо, стремится не допустить обмана и всякую вещь вернуть ее хозяину, то это честность (*'амāна*); когда стремится исполнять божественные приказания, во всем им следуя, это вероисповедание; когда стремится обрести близость к Всевышнему — о чем сказал пророк (да благословит и приветствует Бог его и род его!): «Ближе всего бывает раб к Богу, простираясь ниц», — занять душу тихой беседой с Господом и благоговейно смириться пред Ним, это молитва; когда искренне и не по обязанности стремится к благу исполнения должного во имя Божьей милости, это очистительная милостыня; когда стремится обуздать похоть души, это целомудрие; когда стремится укрепить душу в следовании божественным установлениям и нормам, закалить ее в горниле божественных предписаний и запретов, это пост; когда стремится уподобиться Божьим границам, пророкам, посланникам и приближенным ангелам в свидетельствовании храма поклонения и отправлении его обрядов, это паломничество; когда стремится получить от Бога блага, это мольба; когда стремится к

утверждению правды, это правосудие (*'адль*); когда стремится помочь притесняемому, это милосердие; когда стремится уравнять обе стороны и удержать с притеснителя в пользу притесняемого, это справедливость (*инсāф*); и прочее, сему подобное и ему противоположное, для чего всего есть у воли свое название. Все эти воли появляются в душе как завершающие, по прошествии им предшествующего в ее бытии; они направлены на благо ее самости, завершая и выправляя ее. Сии воли суть характернейшие из действий ее ради самой себя, а не ради своего тела. Что ж до их противоположностей, то они определяются смесью, качеством которой и обуславливает проявление их в сущей от оной смеси душе, которая не придерживалась законоустановлений вероисповедной общины и не соблюдала их.

Таким образом, стремление, кое есть иное выражение для потребности души, распадается на страсть, негодование и волю. Сими тремя усиливается и становится совершенной душа для исполнения действий в согласии или неприязни, ища и убегая, привечая и отворачиваясь, любя и ненавидя, в дружбе или вражде, в страхе или спокойствии, в довольстве и негодовании; из оных возникают в ней нравы, определяющие ее действия, как мы о том писали в «Приметах веры» и «Короне разумов».

Все вышеперечисленное возникает постепенно, одно за другим; совершенство же [достигается] при достижении предела, благодаря которому исчезает все, что должно исчезнуть (ведь известно, что поскольку стремление проистекает от нужды и ущербности, а с достижением совершенства исчезают нужда и ущербность, то с их исчезновением исчезает и стремление, от оных проистекающее), кроме связанного с ее самостью стремления к объятию неподвластного. Сие стремление для нее, стремящейся, выливается в восхваление, прославление, превознесение и возвеличивание. Сие стремление — величайшая конечная цель; бывает же оно, когда ее ранг — тот же, что ранг Разумов, разумющих собственные самости, кои суть разумеющие, разумеемые и разумы.

Когда оказывается в душе это стремление, она, побуждаемая теми формами, в коих нуждается, взывает исполненности своей самости; тогда в ней возникает ощущение сенсительных вещей, что вне ее и одной с ней природы. Первой полноты своей достигает она, обретая их формы

уготованными ей и в ее тело внедренными орудиями, при посредстве коих она пополняется и стяжает, будучи в своей самости, как мы ранее говорили, подобна белой бумаге, обработанной рисовым отваром и крахмалом, свободной от письмен, готовой принять все, что ей встретится. Душа принимает формы сенсительного благодаря некоторым внешним посредникам, кои воздвигнуты потому, что ни ее, ни сенсительных вещей самих по себе недостаточно для ее совершенства, но необходимы еще и подобные [посредники]. Так, восприятие форм через глаз совершается при посредстве воздуха и света: отпечатывающиеся в нем формы, цвета и качества передаются силе зрения в глаз, когда свет оказывается напротив и соприкасается с поверхностью зрачка. Тогда глаз ощущает их и окрашивается их цветами; а не будь света, глаз не смог бы с ними соединиться. Глаз — лишь один из органов чувств, коими душа воспринимает; сие восприятие именуется улавливанием вовнутрь. Для воспринимаемого ухом посредником служит только воздух, соприкасающийся с ухом и соединяющий его с тем местом, откуда исходит слышимый звук: когда частицы его приходят в движение, душа ощущает, не нуждаясь при этом в свете. Что ж до расстояния, на котором воспринимается звук, то это зависит от силы звука, приводящего частицы воздуха в движение. Для постигаемого обонянием посредником служит воздух (однако запахи воздух переносит, только если есть обоняние); обоняние зависит от силы запахов и от того, насколько они распространяются в воздухе. Что же до вкуса и осязания, то тут не требуется посредство воздуха, и они осуществляются при непосредственном соприкосновении.

Все это — улавливание вовнутрь. В этом состоянии душа не схожа с теми формами сенсительного, кои может случиться ей обрести, как и формы сенсительного не схожи с ней, но не потому, что их субстанции друг другу противоположны, а потому, что они ущербны, и потому, что, будучи потенциальны, они нуждаются друг в друге, чтобы стать актуальными. Когда благодаря органам чувств ощущающий встречается с ощущаемым и чувство постигает предмет своего ощущения, принимая его форму, они, став схожими, соединяются и становятся актуальными; этот — актуально-ощущающим, а то — актуально-ощущаемым. Так же качественно не схожи железо и огонь, но железо,

принимая форму огня, становится подобным огню, а огонь, воздействуя на железо — подобным железу: здесь не сам огонь оказался в железе, но именно его воздействие, благодаря коему железо стало таким же, как огонь. Так же не схожи одно с другим белое полотно и шафран, но если полотно примет шафрановую краску при посредстве влаги, доносящей ее в глубины полотна, то оно станет желтым подобно шафрану: здесь не сам шафран оказался в полотне, но его воздействие, то есть краска, оказалось в нем, так что полотно стало таким же, как шафран. Итак, чувственная душа принимает сенсительные формы, и те становятся в ней актуальными и (благодаря сходству с душой и связанности с ней воедино) такими же, как она. Эти формы, принятые и хранимые в самости [души], не таковы же, как были вначале в ощущаемом, но здесь они отделены от материи и имеют сами по себе. Так достигается первое совершенство души.

Достигнув сей ступени, когда самость ее единолично обладает этими формами, душа поднимается над соотносительностью со скотами и зверями и подходит на пути достижения сродства и соотносительности с вышестоящим к тому порогу, преодолев который благодаря получению [знаний] (*истиғāда*) она превращается в приобретенный полученный (*муқтааб мустағād*) разум. Роль материи в ней выполняет то, что, как мы говорили, происходит от природной смеси, а роль формы — приобретенные чувствами знания и благодать исполнения законов поклонения, кои суть причины ее выправления и превращения в пребывающую субстанцию в силу соединения ее с пребывающим.

Благодаря этому в душе возникает действие, именуемое представлением (*тахайюль*). А именно: когда чувство устремляется к тому, чтобы принять извне формы сенсительного, принятие их становится поддерживающей причиной существования представления, кое есть воздействие на формы и качества их, воспринятые и хранимые как таковые (т. е. без их материи.— А. С.). Уловленные чувствами и оказавшиеся в самости души формы (каковые формы стали с душой едины и суть для нее первое совершенство) становятся предметом действия души, которая их комбинирует и уравнивает. Исполненность и свершенность этого действия проистекают от объятия сих принятых форм; так же точно исполненность и свершенность ощущения проистекают от

ощущаемого. Поскольку сии сенсительные формы — первое совершенство души (также как для тел длина, ширина и глубина — первое совершенство) и поскольку формы интеллигибельного как таковые для нее — второе совершенство (также как все искусственные формы и качества — второе совершенство для тел), то они, эти оказавшиеся внутри [души] формы сенсительного, являются для нее предметом воздействия, принадлежащим ее самости, на который она самолично воздействует, представляя и уподобляя.

Ощущение и представление суть два действия души. Когда она воздействует на сенсительное и постигает его вне себя, это ощущение; когда она воздействует на эти полученные от сенсительного формы как на то, что для нее является сенсительным (даже если само сенсительное для нее уже не наличествует), это представление. Одно из этих двух действий внешнее, а другое внутреннее. Ее состояние и занимаемая ею ступень выше, когда она совершает одно из них: воздействуя на сенсительное, являющееся материей и формой и находящееся вне души, она воздействует на телесное и материальное, а когда воздействует на то же, отдельное от своей первоматерии и материи, то есть на форму сенсительного, имеющегося внутри [души], то совершает духовное, отстраненное от первоматерии действие; она высока тем, что в этом действии не нуждается ни в помощи чувств, ни в своем теле, в то время как в том действии ей без такой помощи не обойтись. Оба этих действия суть единое действие, однако различие предметов делает их двумя действиями. При этом представление, то есть воздействие на отделенную [от материи] форму, практически всегда сопутствует тому, кто обладает чувством, ибо чувство производит представление, как только встречает сенсительное. Поэтому представление действует вместе с чувством: как чувство действует вовне, так представление — внутри. Ведь известно, что производит эти два действия одна и та же самость, и когда наличествуют постижение (*идрāк*) и понимание (*фахм*), производимые ощущением (кое есть действие извне), почти всегда есть и память и мысль (*фикр*), производимые представлением (кое есть действие изнутри): потребность в одном такова же, как потребность в другом, и действие это со всех сторон является утвержденным, и одно другому (ощущение представлению.— А. С.) предшествует только по рангу. Здесь дело обстоит так же, как с воском,

принимающим и сохраняющим отпечаток: ни сохранение [отпечатка] не предшествует [его] принятию, ни принятие не предшествует сохранению, но то и другое происходят сразу. Так же и ощущение, но при распределении по рангам одно предшествует другому.

Запечатление сенсительных форм не означает, что эти формы как таковые оказываются в самости души, когда, пожелай она исторгнуть их наружу и прилепить к своему месту, это оказалось бы возможно для всех них, но это означает, что душа получает формы и чуждость сенсительных вещей вкупе. Что до тех форм, что не духовны, а суть качества, то они оказываются в душе сразу же, как только чувство сталкивается с ощущаемым, причем они могут угнездиться и остаться в нем (чувстве.— А. С.), а могут и не остаться; что же до чуждости их, то именно ее получает душа, и она остается в ней навсегда. Так же и количество, возникающее от представления, то есть внутреннего воздействия на отпечатки сенсительных вещей. Именно это укрепляет и поддерживает врожденную натуру (*джибилля*) души. Вот тому пример: если известна чуждость тела, а именно, что оно имеет длину, ширину и глубину, то это не значит, что известно, квадратное ли оно, или треугольное, или имеет форму истукана; или же чуждость человека, которая состоит в том, чтобы быть совершенным, разумным, нормным вероисповедной общины, добродетельным, в целом же — живым, глаголящим, воскрешаемым, а не в том, чтобы быть белым или негром, долговязым или коротышкой, мужчиной или женщиной, старцем или юнцом, остряком или занудой. То же относится и к определениям. Все это дает душе представление; однако в совершении сего действия, именуемого представлением, душа различна: может быть так, что представление, то есть действие ее, когда она сравнивает формы, устанавливает их сходство, комбинирует и противопоставляет их, было ложным, ибо сама она была в сомнении и нуждалась в дополнительном запечатлении форм (как то бывает во сне, где мы сталкиваемся с тем, чего не существует вне души); а может быть так, что оно было верным, ибо это действие (обретение, упорядочение, установление и уравнивание ею форм) соответствовало тому, что есть вне души, утверждено, но неизвестно.

Если производится это действие изнутри ее самости и имеются те орудия и все то, чем душа стяжает и различает

[формы], и она благодаря им способна это сделать, то первым результатом этих действий оказывается постепенно выходящий в душе стыд. Это случается тогда, когда мальчик уже начинает скрывать свои порочные и дурные поступки, не желая, чтобы об этом позоре стало известно, а душа его еще не в силах предотвратить наступление сих своих безобразных действий, о которых она не хочет, чтобы они стали известны, ведь в начале она еще немощна и пуста. В этот момент ее необходимо направить на путь добра, нравия и исполнения законопредписанных действий, дабы окрепла в ней эта врожденная черта (*джибилля*), этот стыд, возрастание и усиление которого указывает на то, что субстанция ее происходит от умеренной смеси, и подсказывает, что пришло ей время устремиться к добропорядочности и без остатка отдаться исполнению божественных предписаний и познанию сенсительных вещей, кои суть материя и форма (как, например, исполнение обязательных и предписанных религиозных деяний и их истолкование), чем будет поправлено дело и устранены имеющиеся дурные привычки ее и порицаемые склонности. И если привыкнет она исполнять божественные приказания и во всем их держаться, то повысится ранг ее, и начнет она размышлять о тех причинах, что обуславливают то сущее, которое является интеллигентным, отделенным от материй (как, например, ангелы), а также о поддерживающих причинах практикуемого ею поклонения. И тогда, заняв сию ступень, то есть запечатлев формы сенсительных вещей, сделав их предметом своего представления, будучи в силах исполнять и истолковывать Законоустановленные действия (кои суть исток благодати и основа всех благ), практикуя оное и тем стяжая свое совершенство, она станет как бы материей для принятия разумных форм; сие и есть та предельная цель, коей достигает она на сей ступени путем стяжания.

Итак, по порядку прежде ставится бытие души как самости и присущее этому бытию стремление во всех его разновидностях, затем — ощущение, затем, благодаря этому, представление, каковое действие ведет к избиранию (*ихтийр*), так что имеет место воля. Воля — это сопутствующее ощущение стремление к знаниям, а избирание бывает при представлении и различении и завершении раздумий и размышлений. Душа, являющаяся потенциальным разумом, становится таким образом сама совершающей все дей-

ствия: она принимает разумные и искусственные формы, различает добрые и дурные поступки и нравы, задумывается о том, что надлежит и чего не следует делать. Все ее знания двойки: знание сенсительного и знание интеллигентного. Сенсительное — это то, что постигается чувством на небесах и земле и между ними, знание чего собрано в Законоустановленных действиях; интеллигентное же — это то, что обусловлено и познано самой душой, что также собрано как смысл обрядов, исполненных истолкований и высоких соотношений. Благо души разделяется соответственно на влекомое действием и влекомое знанием, а затем каждое из оных разделяется далее так, как мы о том говорили.

Итак, душа по самости едина, по своим формам и знаниям множественна, а будучи душой того или иного сущего, занимает соответствующие ранги — совсем как тот верующий, исполнивший все в религии и поклонении, поднявшийся в знании своем над всем, что связано с телесным миром и миром уложения, так что осталось ему познать [лишь] приближенные бестелесные Разумы, — и вот он подобен грозди того незрелого винограда, меняющего свою кислоту на сладость, которому остается только одно, чтобы та сладость стала действительной, или же готовому полотну, которое приняло все формы и которому остается принять лишь форму выкройки и шитья, каковая форма — последняя из форм и тот предел, за которым уже нет другого предела.

Всего сказанного правильность подтверждается источником доказательств и равновесности, делами религиозными и рангами закрепленными, кои суть весы вероисповедные. Поскольку отдавшийся делам поклонения и учащийся у проповедника образам религии верующий всецело поглощен соблюдением норм явного поклонения и познанием его обязательных установлений, законов и обрядов, того, что наносит сему поклонению ущерб и что делает его действительным, беря на веру предписания пророков и посланников, откровенные Писания и все приказания, причем отдается исключительно этому, ни о чем другом не думая, следовательно, душа скотов имеет только те знания, что связаны с интересами тела; ибо Закон и им предписываемые действия и ритуалы суть для души как бы тело: к их помощи она прибегает для стяжания добродетелей, и если у нее нет знания об установлениях и предписаниях Закона, то она не

может и действовать, а если она не может действовать, то не может ни стяжать добродетель, ни отойти от гнусных низостей и обрести благое добронравие. Сие знание души есть знание «о том, как»: ³ опираясь на него, поддерживает она чистоту, молится и вершит прочие деяния. Итак, знание душой Законоустановленного есть то же, что знание душой скотов полезного для своего тела, благодаря коему она есть.

Поскольку после сего знания, благодаря коему свершаются деяния (то есть первое поклонение, поклонение действием), верующий научается другому, что связано со вторым поклонением, поклонением знанием, и получает знание благодаря истолкованию тех Законоположенных вещей, коими узнает он Сотворенное Богом, что и мы узнать стремимся (о том речение Божье: «Не видят ли они, как Мы устроили над ним небо и украшали его так, что нет в нем щелей» ⁴, а также: «Да обратит человек взор на то, из чего творится он» ⁵, а также: «Скажи: идите по земле и посмотрите, как Он начал творение» ⁶), и в этом втором поклонении он собирает и первое, следовательно, чувственная душа совершает как свойственные растительной душе действия, разыскивая материи для сохранения тела, так и собственные, обретая формы сенсительных вещей, кои она познает благодаря целительным истолкованиям (как мы о том говорили в нашей «Короне разумов»); сие знание есть для нее как бы форма, на которую воздействует она своей мыслью, а если мысли у нее не будет, не сможет она возвыситься, и не приобретет добродетель, и не будет ее самости достаточно для того, чтобы ей стать могущей и бес[телесной] (*муджаррада*). Сие есть знание количеств, коим познается телесное сущее и число границ Божьей религии; приобретение такого знания полезно для объятия оно.

Поскольку верующему лучше вовсе быть лишенным знаний второго поклонения, чем исповедовать в нем то, что истине противоположно, следовательно, состояние чувственной души, когда она вовсе лишена знаний, выше, чем когда запечатлела она такие формы, что противны истине. Поскольку отдавшийся поклонению верующий слово всякого притязавшего на знание обольстителя, вводящего его в заблуждение и обольщение, примет скорее, нежели слово истинного наставника и учителя (ибо столь слаб верующий, что подобен и схож с обольстителем и близок с ним, а потому слово его, исторгаемое по прихоти и капризу (*ха-*

ван), ближе, предпочтительнее и дороже сему верующему, нежели слово ученого наставника, указующего на истину, коя есть устранение прихотливых влияний), следовательно, душа угнездена в шумных глупцах и невеждах, когда она скорее принимает слово людей испорченных, нежели добродетельных и добронравных, ибо те малоопытны и тянутся к тому, что им сродни. Поскольку обладатель доктрины и знания не принимает другого знания, пока не убедится в неверности первого, следовательно, душа, запечатлевшая формы и объявляя их, не приемлет других, пока те остаются для нее формой. Поскольку верующий, вступивший на путь второго поклонения Господу, в начале пути своего не имеет знаний сего поклонения, следовательно, душа не имеет форм и знаний, что связаны с благом ее самости. Коль скоро верующий, поскольку он есть чистый верующий, приемлет знания, возвышается в рангах и в поклонении Господу поднимается до ступени добродетельных и благонравных, следовательно, душа, будучи субстанцией, приемлет формы и достигает в том предельных рангов благородства и совершенства.

Поскольку верующий является таковым благодаря слову, деянию и намерению (*нийя*), коим выправляет свои деяния и мысли⁷, следовательно, душа является таковой благодаря трем вещам: страсти, негодованию и воле, кои дают бытие телесным и душевным действиям. Поскольку вступающий на путь второго поклонения не имеет сходства с добродетелями оного, не обладает ими, и они не подобны ему, пока он не обрел формы знаний сего поклонения, а когда верующий и сии знания встретятся, душа его станет носителем сих знаний, они же — несомыи ею, и тем достигнуто будет их сходство и обретена добродетель, значит, до того, как она запечатлеет формы сенсительного (то есть сущего, собираемого деяниями поклонения с его законами, предписаниями и деяниями), самость чувственной души с оными не схожа, а когда обретет сии формы, то станет схожа с ними и благодаря им полна. Поскольку верующий, научаясь и запечатлевая формы, становится таким же, как тот, от кого он получил сии формы и благодаря кому стал обладающим формой, следовательно, душа, обретая формы сенсительного, становится такой же, как это сенсительное.

Поскольку ранг веры является основой для получения степени границ, так что сей ранг есть как бы материя для

принятия другого ранга, а другой, принимаемый ранг — как бы форма, следовательно, в душе есть нечто, играющее роль материи, и нечто, играющее роль формы, а именно приобретенное (*муктасаб*), будь оно благом или злом. Поскольку внявший [призыву] верующий внутренне, душой своей размышляет о том, чему в поклонении Богу научили его вышестоящие границы, а вовне, телом своим вершит деяния поклонения, и поскольку сие и есть стяжание, то есть — благочестие, построенное на соединении обоих поклонений, следовательно, когда душа воздействует на отделенную [от материи] форму, данную чувствами и известную благодаря [религиозным] законам, обязательным нормам и обрядам, сие действие внутри и вовне есть представление, то есть стяжание. Поскольку у верующего, воздвигнувшего столп веры своей чрез явное поклонение в слове, деянии и цели и тем внявшего зову скрытого поклонения, прежде прочего возникают благоговение и опасение допустить порочность в своей религии и поклонении, а потому он сего избегает и являет только добропорядочность и поклонение, следовательно, первое, что возникает в душе от вероисповедных деяний, — это стыд, заставляющий скрывать дурное и являть достойное.

Поскольку научающийся и обретающий знания верующий поднимается к познанию приближенных ангелов и загробного мира и различает, каковы наиболее полные и достойные поклонения обряды, законы и обязательные нормы, следовательно, на совершеннейшем из рангов запечатления форм сенсительного и интеллигительного, влекущем обязательные деяния и религиозные законы, душа обретает познание Сотворенных Разумов (благодаря коему пребывает) и высших ангелов и различает добро и зло, преходящее и пребывающее. Поскольку именно тот верующий, который держится обоих поклонений: явного — Законоустановленными деяниями, приносящими благонравие и устраняющими низкие, дурные и порочные нравы, и скрытого — знанием, то есть познанием сущего, границ Всевышнего, Его ангелов, Писаний, пророков и посланников, а также исполнением предписаний и запретов, что приносит познание всего предшествующего и последующего в бытии, — поскольку именно такой собирает оба поклонения и заслуживает пребывать при Господе миров, следовательно, именно та душа, которая ощущает и познает формы и думает, — имен-

но она собирает действия растительной и чувственной души и заслуживает воспринять свет Царства. Поскольку верующий переходит от истолкования знания [религиозных] законов и обязательных норм к познанию больших циклов, а от познания оных — к познанию выше их стоящих ангелов, следовательно, от познания сенсительных форм, даваемых Законоустановленными деяниями, предписанными обрядами и пророческими божественными приказами, душа переходит к познанию Разумов, кои суть ангелы. Поскольку после стяжания религиозных знаний верующий поднимается к познанию загробной жизни, следовательно, после познания сенсительного и интеллигибельного благодаря принятию Закона и его норм душа направляется к познанию своей самости и уразумевает ее, так что разумеющее в ней становится разумеемым, а разумеемое — разумеющим; сие достигается на конечном ее ранге.

Вот какие знания уловлены весами вероисповедными благодаря установлению взаимного равновесия, соответствия и сходства. Слава Богу, Могущественному, Всевластному, Величайшему и Вседоказующему; да благословит и приветствует Бог пророка Мухаммеда, лучшего из посланных с разъяснением и доказательством к духам и людям, а также заветника его и чистейших имамов.

УЛИЦА ДЕСЯТАЯ

О человеческой душе как глаголящей и какова она на сей ступени; о том, является ли она чувственной душой, повысившей свою степень, или же у человека три души, растительная, чувственная и глаголящая, как то утверждают некоторые; о том, субстанция она или акциденция, и если субстанция, то присущи ли ей те же акциденции, что и телам, или ее акциденции — особые; о том, что в ней играет роль материи и что — формы

Из сказанного прежде ясно, что человеческая душа как чувственная является не актуальной, когда она была бы пределом и стала тем самым такой же, как прочие души животных, которые для взыскующих своего блага тел суть

совершенство, но потенциальна и представляет собой ту конечную цель, совершенство коей для самой себя, а не для своего тела достигается благодаря тому, что стоит рангом выше ее, и тогда она становится актуальным разумом, и что она не определена той чертой, но, запечатлевая формы, оную переступает. Здесь же скажем, что под «глаголящей» мы разумеем душу, действующую так, как то определено ее совершенством, придерживающуюся установлений и законов вероисповедной общины, в стяжании поднявшейся над сенсительным и не нуждающуюся в оном, такую, для которой место сенсительного заняли в стяжании интеллигибельные сущности, сами себя разумеющие и сверхприродные, ибо для сей души интеллигибельное — то же, что для чувственной — сенсительное. В этом отношении она такова же, как и чувственная. А именно, если чувственная душа не воздействует на сенсительное (кое есть потенциально интеллигибельное) и тем не укрепляется и не стяжает блистательной актуальности, то остается потенциальной (как питательная сила, если не воздействует на пищу, остается бесполезной, а когда воздействует на нее и она становится ей подобна и с ней схожа, то она уже — такая же, как и та, и проникают в нее ее силы, и они становятся чем-то единым); так же и душа глаголящая, если не уразумевает интеллигибельное, разумеющее само себя, и тем не достигает с оным сходства и не становится актуальной, то остается потенциальной, занимающей ранг чувственной души.

Как мы уже говорили, для чувственной души сенсительное, благодаря коему эта душа обретает актуальность, то же, что для души глаголящей — интеллигибельное, и как с точки зрения акта сенсительное и чувство не схожи, так же [не схожи] разумеемое и глаголящая душа. А когда она его (разумеемое, т. е. Разумы.— А. С.) уразумевает, они становятся схожими и соединяются, и она, как и те, обретает актуальность и так же отвлечена от всего, что связано с первоматерией, разумеет свою самость и разумеема своей самостью, отлична от тех форм, что принадлежат первоматерии, где разумеющее — одно, а разумеемое — другое, и в отвлеченности [от материи] ее самость достигает такой черты, когда действует в самой себе и не нуждается в первоматериальном сенсительном. Одним словом, как искусственные формы придают материям актуальность (на-

пример, делают дерево ложем), так и разумные формы делают потенциальный разум актуальным.

А посему конечная цель чувственной души (коя есть первоматериальный разум) и благородство ее воздействия на вне ее сущее сенсительное (кое есть сенсительное потенциально¹) чрез имеющиеся у нее [орудия] состоят в том, чтобы воздействовать на отпечатки сих сенсительных форм, которые благодаря чувству имеются в ее самости отвлеченными [от материи], так что приемлющая их самость становится единой и актуальной — сие актуальным чувством, а то актуальным сенсительным, — и так стать представляющей; а конечная цель сей представляющей [души] (как представляющей, воздействующей на актуально сущие в ее самости отпечатки сенсительного) — стать такой, чтобы запечатлеть формы изначально нематериального и актуального интеллигибельного. Это и есть ее совершенство.

Однако когда душа еще находится на ступени представляющей души и не достигла соединения с вышестоящим (а этот ранг является первичным рангом глаголящей души), она считается одной из природных форм, имея притом некоторое сходство с внеприродными Разумами (кои суть небесные буквы). Так же точно имеют сходство с обоими родами те виды, что общи им, однако же виды сходны с вышестоящим смыслами, а душа — чрез свою самость, в зависимости от того, насколько подготовлена она к достижению полного сходства с вышестоящим и полному отделению от ниже ее стоящих природных сущностей. И пока имеет она указанный ранг, этой ее степени не устраняет сие сходство, но лишь то, что может ее с этого ранга переместить, благодаря чему она станет актуальным разумом, схожим с внеприродными Разумами, с коими соединится. Оно же, что перемещает ее на сей ранг (после которого нет никакого предела), не есть одни только связанные со скрытым поклонением божественные науки, но они вкупе со связанными с явным поклонением пророческими Законоустановленными деяниями, каковая совокупность названа в Священном Писании (т. е. Коране. — А. С.) благочестием (*тақван*); оно — запас души², ее основа, благородство, красота и венец.

Итак, потенциальная чувственная душа становится благодаря ощущаемому актуальной, представляющей душой, а в сопряжении с вышестоящим — потенциальной; она

же, запечатлевая формы интеллигибельного, саморазумеющего, становится, подобно тому, актуальной и разумеющей. Здесь светы отделенных [от материи] Разумов (кои суть приближенные ангелы) играют роль закваски, положенной в тесто и делающей его себе подобным в силу их взаимной соотнесенности и сходства, не будь коих, не было бы одно из них приемлющим, а другое — воздействующим (как в силу утери сходства не схожи меж собой закваска и пальмовое вино, а потому в нем при добавлении закваски не возникает того, что возникает в тесте). А сходство сие возникает в душе потому, что каждым из действий своих, относящихся к ощущению и представлению (кои оба собирают включаемое в два поклонения), она приобретает нечто, придающее ей похожесть, согласность и совершенство. Так же, к примеру, чеканный дирхем и динар достигают предела в восприятии действий мастера (определение пробы, взвешивание, литье,ковка, придание округлой формы и нагрев), и в каждом из них они приобретают и подготавливаются так, что принятие ими наносимых на них надписей (благодаря чему они суть динар и дирхем) является последним из всего ими принимаемого и придает им завершенность и сходство, не оставляя после себя ничего, что дирхем и динар могли бы принять. Так же и чувственная душа (то есть потенциальный разум) достигает предела в принятии светов влияний небесных тел и научения границ Божьей религии, кои воздействуют и влияют на нее, устраняя обязательными деяниями ее дурные черты и наделая ее знаниями, даваемыми пророческими Законоустановлениями благодаря представлению. Во всем этом есть свои ранги, на которые поднимается душа, и благодаря этому становится она схожей с вышестоящим до такой степени, что формы выше ее стоящих актуальных отделенных [от материи] Разумов (а запечатлев формы оных, достигает она своего совершенства и охватывает свою самость и уразумевает ее) являются последним, что запечатлевает она, исполняясь и становясь подобной им и схожей с ними, и после сего не остается никаких других форм, которые она должна была бы обрести.

Глаголящая душа не может произвести свои действия, познавая истинное как истинное и ложное как ложное в науках, связанных со вторым, скрытым поклонением, и доброе как доброе и дурное как дурное в деяниях, от-

носящихся к явному поклонению, без того, что для нее есть то же, что свет для глаза, того, что проистекает от тех, с кем связано ее совершенство (от небесных границ, то есть исполненных Разумов, и земных границ, то есть Божьих наместников — служителей Всевышнего), а именно без всецелых знаний (*'ульм куллийя*), что связаны с утверждением этой души. Надлежит ей стремиться к тому, чтоб познать и накрепко привязаться к оному, как-то: к [знанию] воздействующих на душу (как о том говорит Закон) ангелов, Божьих границ, явного поклонения, к познанию малых и больших циклов, знанию о Страшном суде, загробном воздаянии и каре, рае и огненной геенне, каковое знание таково же, как необходимое знание о том, что три и три дают шесть, и что если из десяти вычтешь два, останется восемь, и что если к девяти прибавить шесть, будет пятнадцать. Приемлет сие [знание] чувственная душа; однако оно не может оказаться в ней, пока не примет она того, что для нее играет роль формы, то есть пока ее самость не станет обладательницей отделенной от сенсительной формы и не начнет раздумывать о ней, то есть представлять. Она же форма оказывается в самости души лишь тогда, когда чувство встречается с ощущаемым, а встречается оно благодаря подготовленным и воздвигнутым орудиям, коим довелось быть при посредстве той смеси, в которой возникла чувствующая жизнь. Тогда встреча чувства с ощущаемым в душе становится как бы первоматерией и материей, мысль же, или образование форм, то есть представление, — формой для оного. Далее, думающий и представляющий становится как бы первоматерией в принятии разумных форм, кои суть приближенные ангелы. Достигнув сего ранга, оказывается душа в ангельских эмпириях и именуется душой глаголящей.

Однако стяжать сие она может не иначе как чрез Законоустановленное, упражняя себя и следуя богоначертаным законам в явном и скрытом. Когда же она запечатлеет их формы и будет руководствоваться ими так, как мы говорили, то о ней нельзя будет сказать, что она — первомаateria, ибо она уже поднимется над сим рангом и обретет актуальность. Тогда на достигнутой ею ступени самостоятельности и счастья не озаботит ее ничто противное интересам ее тела, но напротив, будет всяко противиться она его страстям, влиянию его смеси, всем его прихотливым капризам, отличаясь от него так же, как созревшая и ста-

вшая сладкой ягода винограда отличается от той своей основы, от коей проистекло ее ближайшее бытие, то есть от виноградной кисти. Тогда действия ее будут только благи, влекомые ее совершенством, и войдет она в число счастливых, не подверженных ни страху, ни печали. Способная улавливать знания чрез установление равновесности, она достигнет крайних пределов в познании сущего, среди коего не будет ничего такого, что не смогла бы она познать, и войдет она в число не подверженных ни страху, ни печали.

Таким образом, человеческая душа едина, а не такая, как о том говорят, будто их у человека три: растительная, чувственная и разумная глаголящая. Так говорящие судили по ее действиям, что проистекают от человека: увидев, что он добывает пропитание (каковое действие есть действие растительной жизни), они приписали ему растительную душу; увидев, что он обладает чувством и взыскует пищи и наслаждений (каковое действие есть действие животного), они приписали ему чувственную душу; увидев, что он познает и разумеет, думает и различает (каковое действие есть действие разума), они приписали ему разумную глаголящую душу. Однако, сказав, что у человека три души, они не разъяснили, каковы же они. Сии действия человек совершает не потому, что у него поистине три души; действия его множественны из-за множественности орудий, из которых каждое заслуживает собственного имени. Так же о поклоняющемся Богу, когда он молится, говорят, что он молящийся, когда постится — постящийся, когда отправляется в паломничество — паломник, когда дает милостыню — подающий, а совершает все эти различные действия (где молящийся — не то же, что постящийся, и подающий милостыню таковым является не потому же, почему является паломником) один человек. Или же плотник: когда он пилит, он пильщик, когда сверлит — сверлильщик, когда работает скобелем — скобельщик, и так далее; сам плотник един, а его орудия множественны, и не может быть так, чтобы одно из этих действий совершал один действитель, а другое — другой, ибо это означало бы, что чувство нас обманывает. И душа едина, действия же различны из-за различия орудий, уготованных ей в зависимости от искомого действия. Когда она действует во благо своего тела при помощи желудка, печени, внутренних и внешних органов,

то говорится, что она обладает растительной силой; когда действует при помощи глаза, уха и [других] органов чувств и взыскует наслаждений, то говорится, что она обладает чувственной силой, постигающей сенсительное и приемающей рост, так же точно, как сия душа приемлет и силу памяти (*кува хяфиза*), и силу воздействия на иное (чем напоминает саму Природу), сама же душа едина, и нет в ней одного отдельно от другого.

Коль скоро так, то это суждение о том, что душа едина, а по своим действиям множественна, остается верным и далее: поскольку сенсительное приводит ее в движение, она обладает чувственной силой, а поскольку она способна хранить ощущения, у нее есть другая сила, сама же она едина, но из-за различных действий своих и их разных названий множественна, ибо она — душа, обладающая силами. И пусть не возражает нам оппонент, введенный в заблуждение той двойственностью, что возникает в душе негодующего человека, когда одно в ней толкает к отпущению, а другое заставляет подавить гнев и простить обидчика (а этот довод схож с тем, в котором обсуждается человек, нашедший хранившийся в его доме кошель с деньгами — будто бы он должен однажды взять его, а в другой раз не тронуть), говоря, что будь душа едина, то не производила бы она двойственного, в чем одно влечет противоположное другому, но лишь единое, ибо, мол, известно, что от единой самости не может происходить различное; пусть не возражает так, ибо сие различное возникает в душе не потому, что в ней есть несколько действующих, но оттого, что в актуализации своей она занимает разные ступени, кои и влекут таковое. Ведь единообразное действие влекомо лишь тем, что уже актуально, как, например, в случае с животной чувственной душой, актуальность которой обусловлена ее природной смесью, а потому она не может совершить или не совершить действия, но всегда производит одно и то же действие. В человеке же двойственное и различное влекомо именно тем (хоть и есть в нем то, что обусловлено животной чувственной душой), что душа его не актуальна, как чувственная, а потенциальна и лишь направлена к актуализации, к тому, чтобы чрез все ей для того уготованное стать чем-то иным, нежели чувственная душа. Поэтому есть и такие ее действия, что идут вразрез с действиями чувственной души. В сем она похожа на неспе-

лый финик в грозди плодов финиковой пальмы, каковому финику положен предел, по достижении коего о нем говорят, что он созрел. Пусть одна сторона этого неспелого плода полностью приняла воздействие солнца, светил и столпов, Богом ради того сотворенных, тем достигнув своего совершенства и предела, и обрела украшающую его сладость, другая же его сторона, оно же еще не достигшая, имеет терпкий и вяжущий вкус, ибо осталась такой же, как и была. Или же возьмем к примеру единую виноградную гроздь, в которой одна ягода сладкая, другая неспелая и кислая, одна обуславливает сладость (всей грозди.— *А. С.*), другая — кислоту. Так вот, означает ли существование сладости в одной ягоде и кислоты в другой, что у этой грозди две души: одна придающая сладость, а другая — кислоту? Нет! Разум таковое не утверждает. А дело тут в том, что если нечто потенциально и ему дано однажды перейти в акт и осуществиться на им достигнутом пределе, то те отпечатки и признаки, что обусловлены в нем сим пределом, проступают в нем постепенно, один за другим; поскольку и в чем они уже актуальны, постольку и в том оно актуально, а поскольку и в чем они потенциальны, оно остается таким же, каким было первоначально, то есть обусловленным своей смесью.

А посему, коль скоро бытие души состоит в том, чтобы стать разумеющей, схожей с вне[природными] Разумами, и коль скоро она потенциальна, то те действия, что характерны для нее как конечные, как результат актуализации и стяжания благ чрез Законоустановленные деяния, бывают явлены ею не сразу в чистом виде, а по мере того как возымеют в ней успех божественные приказания и те причины, что приводят ее к совершенству, а именно: Законом установленные вещи, божественные обряды, придающие душе набожность, честность, справедливость, способность прощать, милосердие, правдивость, щедрость, стойкость, целомудрие, а также знания и сведения, способность применять способ равновесного извлечения знаний на основе Закона, Уложения и пророческих божественных начертаний; насколько усердна она в этом, настолько появляется и определяемое оным ее совершенство. Поскольку же она едина, и в ней есть и изначально обусловленное ее смесью, и влекомое полученными отпечатками [совершенства] (от коих проистекают характерные для ее совершенства действия),

то в действии своем она колеблется между тем, что обусловлено ее смесью, определяющей потенциальность и несовершенство, и тем, что обусловлено совершенством, приобретенным деяниями и познаниями. Если верх берет сила смеси, то возникающее при негодовании действие будет жестокосердным отмищением, подобным кислоте незрелого винограда и терпкости неспелого финика; если же верх возьмет то, что содержится в форме вероисповедания, божественных обрядах и пророческих приказах, то возникающее при негодовании действие будет прощением или подавлением гнева, подобным сладости спелых виноградных ягод и фиников. Посему у тех, кто является человеком поистине (например, у пророков и небесноподдерживаемых), не заметишь гнусных поступков, ибо души их, актуально сущие и стяжавшие совершенство, добродетель и вечное счастье, похожи на свежий спелый финик, достигший совершенства и дающий только сладость, или же виноградную гроздь, в которой нет ни одной кислой ягоды.

Итак, душа едина, действия же ее различны в зависимости от орудий, качества смеси и обретенных ею божественных форм. А посему надлежит нам, благого вероисповедания чадам, с терпеливым усердием исполнять обязательные для нас религиозные деяния и держаться начертанных божественных законов, дабы чрез оное прилежание стали наши души разумеющими и вознеслись ввысь, дабы поднялись над ступенью зримого и чувственного к ступени ангельской и достигли предельной цели своей — положения вне[природных] Разумов; дабы таковы же были, как созревшие, прежде зеленые виноград и финик, ныне исполненные совершенства и прежнюю кислоту и терпкость свою обратившие в сладость, дабы и ее обусловленные природной смесью пороки обратить в добродетели и благодаря следованию путем обоих поклонений из презренной порочной стать ей благородным разумом.

Если же кто-нибудь станет утверждать, что глаголящая душа высока тогда, когда выносит точные суждения и достигает своего предела в понимании, знании и незамутненной уверенности, низка же тогда, когда суждения ее ошибочны, когда она непонятлива, невежественна и мутна, а поскольку ничто из этого не причисляется ни к благородству, ни к низости чувственной души, постольку, мол, чувственная душа есть нечто иное, нежели глаголящая, то мы на

это ответим, что уже сказанное нами опровергает сие выражение. Ведь правильные мнения, способность различения и прочие высокие свойства возникают в душе со временем, в результате упражнений и стяжания, когда достигает она своего совершенства и оно начинает в ней проявляться, в то время как низкие ее свойства проистекают от ее смеси и того, что приобретает она под ее влиянием, пока не начнет упражнять себя в горниле двух поклонений, явного и скрытого. Все это — результат ее потенциальности, и нет в этом ничего, что обуславливало бы существование двух душ или противоречило бы нами сказанному. А именно: правильное мнение, верное различение, точное суждение и подлинное воззрение относятся к представлению, представление же поистине проистекает только из ощущения, а ощущение связано с чувственной душой. Если же точное суждение и подлинное воззрение проистекают от ощущения, а ощущение — от чувственной души, то почему глаголящей душой не может быть эта самая чувственная душа, обладающая способностью различения и точным мнением, но только стяжавшая извне то, что перевело ее в акт, действующая так, как то обусловлено ее самостью в соответствии с ею приобретенным (и ставшая как финиковое дерево, оплодотворенное извне однородным с ним и ставшее актуальным фиником, а не будь оно оплодотворено, то и не произвело бы ничего)? Итак, душа едина, а с точки зрения определяемых ее стяжанием разрядов множественна.

Она является субстанцией, причем в двояком смысле: и со стороны того, что в этой субстанции играет роль носителя, и со стороны того, что играет в ней роль несомого.

Что до того, что в ней играет роль несомого, то известно, что бытие всего проистекает от чего-то, что обусловлено мудростью, а иначе оно не существовало бы. Далее, известно, что у человеческой души есть такие обретаемые ею знания, в которых она не нуждается для сохранения своего тела и обеспечения его пользы, например, знание поддерживающих причин и их следствий, свойств субстанций и акциденций и так далее. Итак, установлено, что все, что есть, существует в силу чего-то, что обусловлено мудростью; из того, что у души есть те [знания], которые ей не нужны для сохранения своего тела и обеспечения его пользы, вытекает, что таковые [знания] существуют у нее не для ее тела (ибо, будь они для ее тела, то такие же имелись бы и у

скотов и зверей, а мы находим, что они не имеют даже и меньшего, не говоря уж о таковом); если же установлено, что это у нее не для ее тела, то оные имеющиеся у нее знания (тогда как телу ее достаточно изначально бывшего у нее знания о его пользе) могут быть только для нее самой. Если они не для ее тела, следовательно, они для ее самости; они приходят к ней извне и принимаются ее самостью. Они привходящи, она же приемлет их, а приемлющее обязательно должно быть субстанцией. Следовательно, она — субстанция.

Что же до того, что играет в ней роль носителя, то известно, что Первое Сущее от Всевышнего, или Первый Разум, является первым пределом сущего. Поскольку он — первый предел, которому ничто не предшествует (а иначе бы он не был пределом), следовательно, он должен быть незыблемой субстанцией. Ведь если бы он, чье бытие истекает от Всевышнего, был акциденцией, то для сохранения своего бытия нуждался бы в некоем вместилище, которое было бы для него как бы материей, и тогда должно было бы существовать такое вместилище. Оно, однако, не существует, что доказывается двойко, и каждым из сих случаев отрицается акцидентальность Первого Разума.

Во-первых, если бы такое вместилище существовало, то оно было бы всегда-сущим и вечным (*хадйм*) (подобно тому, как некоторые говорят о вечности пятикратной молитвы), и тогда оно заслуживало бы быть вместилищем не более, нежели то, от чего произошла сия акциденция; больше того, одно из них не должно было бы быть действующим скорее, нежели другое. Это означало бы, что каждое из них наделено чем-то, чем не наделено другое, а из такой наделенности следовало бы, что им обоим предшествует нечто, их оным наделяющее. Далее, о таковом и о том, что являлось бы вместилищем, следовало бы сказать то же, что и о сих двух, из чего опять вытекало бы предшествование им такого же наделяющего, и так до бесконечности, что означало бы несуществование сущего. Однако бытие сущего свидетельствует о невозможности такой беспредельности, а невозможность такой беспредельности означает, что этого вместилища не существует, а если не существует вместилища, следовательно, он (Первый Разум.— *А. С.*) — незыблемая субстанция, а не акциденция.

Во-вторых, если бы Сущее от Всевышнего было акциденцией, а вместилище (с каковым связано существование

акциденций) — несуществующим, то его (Первого Сущего.— *А. С.*) бытие было бы невозможно. Невозможность его бытия означает несуществование сущего, из бытия коего следует невозможность того, что влечет его несуществование, а невозможность того, что влечет его несуществование, означает, что Первое Сущее не является акциденцией. Итак, в обоих случаях Первое Сущее от Всевышнего не может быть акциденцией. Если же оно не может быть акциденцией (ибо таковое приводит к невозможному, что отвергается здравыми умами), то оно должно быть субстанцией. Если же оно как первый предел является субстанцией, а бытие человеческой души в порядке бытия — конечное, такое, что после него нет никакого другого сущего, то она является вторым пределом сущего и его завершительницей. А коль скоро она — второй предел, то она должна быть не акциденцией, а субстанцией, ибо, будь она акциденцией, она не была бы однородна с тем первым пределом и не могла бы с ним соединиться — ведь с природными акциденциями соединяются природные вещи, дабы так обрести свое совершенство, сия же (т. е. человеческая душа.— *А. С.*) сама является пределом, а потому обладает своим совершенством и достаточностью, приемлет и не приемлет. Раз мы находим, что она соединяется (с Первым Разумом.— *А. С.*) и что в ней появляются отпечатки истечения, то это служит доказательством того, что она как второй предел является субстанцией, приемлющей от первого предела.

Итак, она — субстанция, та конечная цель, к которой восходит Природа в своем действии, и после нее нет никакого сущего. Таковы же и побратимы ее, другие конечные цели, как, например, древесина, результат (*хасбиль*) всего, что считается растением, или же минеральные тела: для них всех исполненность и совершенство даются не Природой (предел действия которой в том, чтобы произвести их таковыми [т. е. несовершенными.— *А. С.*]), но человеком, который благодаря питающим его божественным силам выше их, а потому может даровать им совершенство, придавая им искусственные формы, в коих заключено их совершенство и после коих уже ничего нет. Совершенство ее проистекает от более высокого, от вне[природных] Разумов, заключенных в первом пределе, соответственно тому, каково ее бытие и стяжание.

Она имеет два состояния, в первом из которых, а именно в состоянии своего изначального бытия, ее самость схожа с акциденциями, ибо нуждается в том, что сохраняло бы ее бытие, что связывало бы ее и чем исполнялось бы ее действие. Поэтому древние и разошлись в мнениях о ней. Одни говорили, что она — акциденция, и были правы применительно к этому ее состоянию. Ведь если она в этом своем состоянии отделится от тела, ее самость исчезнет так же, как исчезают покидающие свое местожительство акциденции, и она утратит свое бытие. Поэтому, если она остается таковой, пустой и нуждающейся для бытия в своем теле, то она — акциденция. А во втором состоянии, когда стяжает она, человеческая душа является субстанцией. Это — состояние ее конечного бытия, когда она уже стяжала и обрела самостное совершенство, когда приняла изливаемые на нее формы, ее свершающие, когда чрез объятые ею знания исполнилась и в большинстве своих действий перестала нуждаться в теле. Благодаря этому ее состоянию древние и называли ее субстанцией и были в этом плане правы. Однако они не различали этих двух состояний, и каждый из них шел своим путем, доказывая то, что ему казалось правильным. Итак, если душа стяжает, то она — субстанция. А в низшем своем (изначальном) состоянии она потенциальна и не постигает ни своей самости, ни иного; когда же заструится в ней живительная влага запечатления форм, она начнет понимать и свою самость, и самости иного. Эти состояния одно за другим чередуются в ней, ибо она движется путями перехода в актуальность, а потому получает одну форму за другой, причем изначальные ее силы не исчезают, ибо она испытывает нужду в сохранении своего тела.

Будучи субстанцией, она не такова, как тела. Ведь те акциденции, в которых заключено совершенство тел, ей не присущи, так же как придающие ей совершенство акциденции не присущи телам, что разъяснено нами в «Чистейшем трактате». У нее нет поверхности (*миа́ха*), каковую имеют тела, и она не постижима для чувств, коими постигаются тела; а тела не обладают тем, что имеет она: знанием, жизнью, мощью и способностью познавать чрез умозрение (*назаф*), разделение (*тақсім*), разложение (*таҳлиль*) и сложение (*тарқиб*). Посему она не есть тело; а будь она сама телом, то по достижении совершенства не пренебрегала бы

своим телом, не думала бы о нем все меньше и меньше, и не постигало бы ее бессилие при малейшей немощи, проистекающей вследствие ее изначальной потенциальности и определенной той смесью, от которой она произошла; и тогда бы с укреплением своего тела и достижением своего совершенства она обретала бы наибольшую силу в знании и познании. Поскольку же всего этого нет, — ибо когда тело слабо, она в знании сильнее, и когда силы тела доходят до крайней степени разложения, она бывает способнее в постижении божественных знаний, — то установлено, что она не тело и не дробится и не делится.

Итак, она — нетелесная субстанция, бытие ее возникает (как мы показали) из телесного и нетелесного, в ней есть и то, в чем она схожа с телесным, и то, в чем схожа она с нетелесным. [С телесным] схожа она в том, что принимает акциденции и становится обладательницей жизни, знания и могущества, — так же и тело имеет длину, ширину и глубину, — и в том, что ущербность ее изначальна, а совершенство конечно, — так же и тело изначально ущербно, а после принятия форм приходит к своему конечному совершенству. А с нетелесным она схожа тем, что понимает свою самость, собирает все добродетели, изливает истечение и благодать. Как те Разумы изначально живы, обладают мощью, понимают свою самость, собирают все добродетели и изливают истечение и благодать, так и она становится таковой в конце, так что между ними существует соотнесенность. Когда же ее бытие только начинается (как мы о том говорили), когда, затем, исполняется она чувственных сил и обусловленных смесью действий, затем запечатлевает формы сенсительного и тем формам случается быть в ней отдельно от своей материи, затем начинают появляться в ней отпечатки воздействия поклонения Богу, своему Всевышнему Господу, и она запечатлевает формы предшествующего ей в бытии, а также и последующего из числа границ Божьей религии (что выступает тогда наподобие принятия акциденций), то в сем совершенном состоянии роль материи в ней играет то, что она (как мы уже говорили) собирает все ощущаемое и достигает в том, запечатлевая формы и представляя, своей конечной цели, роль же формы играют божественные формы и светлые вечных Разумов, кои суть ее конечная цель и совершенство; тогда она именуется вторым воскрешенным.

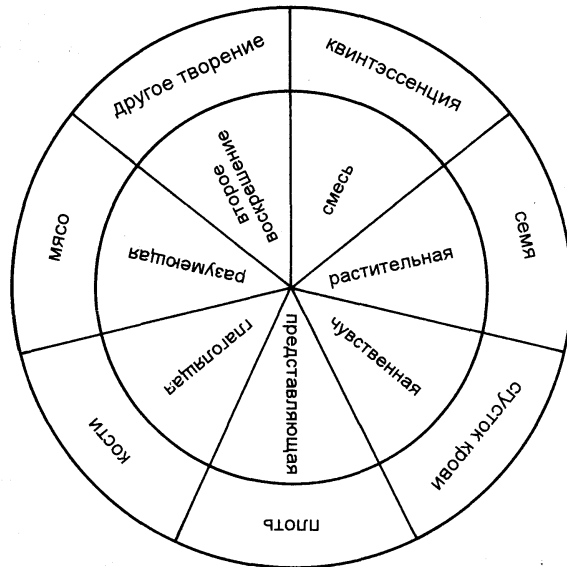
Итак, суммируем: у человеческой души, поднимающейся в своем бытии к предельному совершенству, есть ранги (такие же, как ранги чисел, используемых, как о том говорилось во введении к сей книге, для сравнения с телесным сущим и взвешивания его на весах равновесности) и высокие ступени, которые стяжает она и с которых перемещается на более высокие, пока не достигнет предела. Изначально, на первой ступени, она является растительной жизнью, не имеющей чувства, тогда, когда во чреве матерей появляется форма той смеси, благодаря которой она существует. С ней (растительной жизнью. — А. С.) связано исполнение ее тела и устройство ее физического облика; в акте своем она восходит к своей конечной цели, где остается ей только одно — чтобы у нее появилась форма, благодаря которой она станет чувственной и перейдет на следующую ступень. На сей ступени она являет собой тот центр, вокруг которого исполняется всё связанное с устройством орудий и членов для ее тела. Затем, выйдя на воздух и открывшись светам небесных тел и бестелесных Разумов, она получает форму и начинает ощущать боль и наслаждение. Это возраст ребенка, а затем подростка. Здесь силы ее как [души] чувственной укрепляются в постижении и запечатлении форм сенсительного до такой степени, что наряду с направленным вовне, на улавливание форм сенсительного, она получает способность воздействовать на привнесенные в ее самость формы сенсительного, комбинируя и уравнивая их. Благодаря оной способности она становится представляющей и перемещается на следующую ступень. На этой своей ступени она является тем центром, вокруг которого происходит стяжание сенсительных форм. Затем, получив способность уравнивать, судить об одном по другому и представлять, а именно тогда, когда начинает она задумываться о сущих вещах и искать знания их поддерживающих причин, она, будучи представляющей, достигает в уравнивании сенсительного сущего Законоустановленным (как того требуют веса вероисповедные и в соответствии с полученным от Божьих наместников знанием законов явного и скрытого поклонений) такой степени, что обретает способность запечатлять формы подобий актуальных Разумов (кои суть ангелы), благодаря чему переходит на следующую ступень. На сей своей ступени она является тем центром, вокруг которого происходит стяжание знания подобий нематери-

альных [Разумов] благодаря представлению и установлению сходства. Затем, когда она способна чрез ощущение и представление получать формы подобий не[материальных] Разумов (кои суть ангелы) из постигаемого ею сущего, она обнимает все, что скрыто от чувств; таковое и есть разум.

Это происходит тогда, когда она запечатлевает формы бытия сущего как сотворенного и как первой и конечной эманации³. Будучи способна улавливать знания посредством установления равновесности, она в уяснении изначальной необходимости бытия сущего, до его существования, достигает такой степени, что никакое знание о сущем не может ускользнуть от нее. Тогда в ее самости возгорается свет Разума и доставляет ей благодать мира Единства. На сей своей ступени она представляет собой тот центр, вокруг коего происходит объятие сущего и стяжание. Затем благодаря обретенному ею могуществу и способности объять сущее, необходимость бытия которого изначальна до его существования, в ее самости возгорается свет примерно так же, как в масле бальзамового дерева возникает огонь при соединении с теплотой; с ней соединяются Разумы, и она становится не[материальным] разумом, подобным им и схожим с ними. Это тот момент, когда пред нею отверзаются двери мудрости и она более не нуждается в помощи чего-либо другого для совершения своих действий. Тогда она достигает предела, и после сего не остается никакой другой ступени, на которую могла бы подняться она. На сей ступени она представляет собой тот центр, вокруг коего стяжается полнота сродства и воскресенности; она сбивает все ранги, всю множественность и все формы и становится формой для всех форм. Сие представили мы наглядно.

Речение же Божье о сем правдивее, красноречивее и доказательнее: «Мы сотворили человека из квинтэссенции праха, потом поместили в надежномместилище [капель] семени, потом это семя претворили в сгусток крови; затем этот сгусток крови претворили в плоть; затем эту плоть претворили в кости; затем эти кости одели мясом; затем устроили его другим творением. Благословен Бог, искуснейший из творцов!»⁴ Таковы семь ступеней, коими сотворяется физический облик человека. Поведал Он о сем, дабы, зная их, знали мы ступени души [в восхождении] к ее

второму совершенству. Квинтэссенция праха, из коего вышло семя, уподобляется смеси, от коей происходит растительная [душа], семя, из коего вышел стужок крови,— растительной [душе], из коей получилась чувственная; стужок крови, из коего вышла плоть,— чувственной [душе], от коей изошло представление; плоть, претворенная в кости,— представлению, из коего исходит глаголящая [ду-

ша]; кости, с коими соединяется мясо и кои оным одеваются,— глаголящей [душе], коей познаются вне[природные] Разумы; мясо, коим устраивается другое творение,— обретению форм Разумов и их ступеней, чрез что свершается второе воскрешение, кое есть совершенство и второй предел, за которым нет никакого другого предела. Здесь мы изобразили, как она движется по сим рангам.

Подтверждают и обуславливают сие весы вероисповедные. Из того, что в мире религии глаголящий возвращает заветника, научает его и приводит к совершенству, вытекает, что не[материальные] Разумы опекают души в

мире Природы, особенно же души разумеющие. Из того, что если бы заветник не действовал в соответствии с Законом и его нормами и не следовал божественным приказанием, то его душа не достигла бы совершенства, вытекает, что если чувственная душа не воздействует на сенсительное, она не запечатлевает и форм интеллигильного, в коих состоит ее совершенство. Поскольку изначально душа заветника была не такой, как душа пророка (да благословит Бог его и род его!), а благодаря поучению и деяниям стала схожа с ней, так что были они одна на другую похожи, по каковой причине пророк (да благословит Бог его и род его!) уподобил свою душу его душе, а Бог, когда приказал заклинать друг друга, сказал: «...сами мы и сами вы»⁵, следовательно, чувственная душа не схожа с интеллигильным, а когда чрез знание и деяние запечатлевает его формы, то уподобляется ему и становится с ним схожа.

Поскольку заветник, достигший совершенства и занявший свою ступень, актуален, а потому не похож ни на что из относящегося к Закону, управлению и нормоуложению ни в явном [их виде], ни в скрытом, и на этой своей ступени не нуждается ни в чем (как ранее нуждался в пророке), следовательно, глаголящая душа, достигнув своего совершенства, становится самодостаточной. Поскольку заветник самосущ и утверждён на своей ступени, и никто не в силах отнять от него то, чем почтил его Бог, в то время как изначально он был ущербен, следовательно, глаголящая душа есть утвержденная субстанция, в то время как ранее была она ущербной и схожей с акциденциями. Поскольку глаголящий (а он и есть поистине человек) собирает ранги пророчества, халифата и имамата, следовательно, душа человека едина и собирает три ступени научающих границ Божьих: растительную, чувственную и глаголящую.

Поскольку упорядоченность в [мире] призыва такова, что верующий сначала научается явному поклонению (кое есть то же, что и сенсительное) и исполняет его установления, а затем переходит к познанию их истолкований, в чем заключено познание границ религии Всевышнего, следовательно, первоначально душа воздействует на сенсительное, дабы запечатлеть его формы, а затем думает о них, чтобы узнать, каковы они и в чем их суть, и представляет. По-

сколько упорядоченность в царстве религии такова, что верующий, познав истолкования явного поклонения (коего обряды и законы хранит он своим деянием), уравнивает этим знанием телесный мир, дабы вывести отсюда необходимость существования скрытых от чувств приближенных ангелов и познать их ступени, следовательно, представляющая душа уравнивает и ставит друг против друга формы, пока не придет к запечатлению форм интеллибельного на основе телесного.

Поскольку люди обоих поклонений суть как бы приемлющие, а то, что познается ими в их религиях, — как бы приемлемое, следовательно, в душе как бы материей при принятии является происходящая из мира Природы ее самость, а как бы формой — то, что схватывает она, что познает и формы чего запечатлевает. Поскольку верующий, стяжая, исповедует и устремляется не к тому, к чему устремляются и что познают, стяжая, негодяи, подлецы и глупцы, следовательно, характерные для души акциденции, благодаря коим она стяжает и в коих заключено ее совершенство, суть иные, нежели акциденции тел. Поскольку верующий, движимый своим стремлением к высшему сонму, к тому, чтоб узреть приближенных ангелов, пророков и посланников (особенно же пророка нашего Мухаммеда), и необходимым знанием о том, что Богу «известно сокровенное и явное»⁶ и ничего из творимого рабом Его открыто или в тайне не укрыто от Него, должным образом отправляет поклонение и удерживается от ослушания и нарушения запретов, следовательно, душа благодаря тому, что стало у нее необходимым знанием и с чем она неотрывно связана, а именно благодаря началам разума (*авъ'иль аль-'ақль*), взывает ради своей самости.

Вот о чем поведали весы вероисповедные, коими извлекаются науки. Да славится Бог, Великий и Всемогущий, и да благословит и приветствует Он святозарного Мухаммеда и остролезвый меч его, Али бен Аби Талеба, а также чистых добрых имамов из рода их; Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ОДИННАДЦАТАЯ

О глаголящей душе и о том, каковы ее действия; о том, получают ли сии действия бытие при помощи и с участием тела, или же она может единолично производить действия без своего тела; о том, какова разница между ее действиями и какую конечную цель она в том достигает; о ее первом и втором совершенствах; и о том, как становится она полным пребывающим разумом

Прежде сказанного было достаточно, чтобы приблизительно показать, какова душа глаголящая. Сейчас же скажем следующее: будучи благодаря стяжанию знающей, могущей и живой субстанцией, она совершает многочисленные действия. Среди сих действий есть такие, что определены ее смесью, той, от которой изначально истекает ее бытие; а есть и определяемые ее самостью в соответствии с ее стяжанием. При том благодаря уготованным душе и внедренным в ее тело орудиям осуществляются именно те действия, что определяются ее смесью. Как те, так и другие суть качества, производимые ею и приносящие пользу либо вред или самости ее, или телу.

Из тех действий, что имеются благодаря уготованным душе и внедренным в ее тело орудиям, одни существуют внутри, в теле ее, другие же — вовне, в материи.

Те действия, что осуществляются внутри, в теле ее, трояки. Одни из них связаны с уходом за телом и предоставлением замены отпавшим и утраченным частицам его. Таковые осуществляются всеми внутренними органами (желудком, печенью, легкими, селезенкой), а также и расположенными на поверхности тела (ртом, языком, глоткой и другими) и именуется питанием. Другие связаны с уходом за душой; таковые свершаются с использованием особо к тому предназначенных органов и частей (сердца, глаза, уха, языка, головы, рук, ног и тонких парных органов¹) так, как повелевает вероисповедание. Притом преследуют цель оздоровить, выправить, укрепить и закалить душу, дабы привело сие к стяжанию добродетелей. Таковые действия называются поклонением. Третьи же связаны с уходом за телом и душою совокупно. Они суть перемещение с помощью ног, удаляющих от нежелаемого и приближающих к искомому.

Те действия, что осуществляются во внешней материи, двойки: одним претерпевающей материей служит тело, другим — душа.

Те действия, которым претерпевающей материей служит тело, двойки: одни из них совершаются в той материи исключительно для пользы души и ради ее стяжания, другие же приносят пользу телу и душе совокупно.

Те действия, что приносят пользу телу и душе совокупно, двойки: одни для своего свершения нуждаются как в телесных, так и в дополнительных, извне привлекаемых орудиях, другие же — в орудиях одного только тела. Действиями, которые для своего свершения нуждаются и в телесных, и в дополнительных внешних орудиях, являются все многообразные ремесла и искусства — и низкие, и высокие: игра на барабанах, флейте и люте, ювелирное дело, вязание, ремесло плотников, поваров и сапожников; более высокие — торговля и портняжное дело, строительство и земледелие, ремесло каллиграфов, лекарей и геометров, особое искусство производить акциденции и тем выворачивать наизнанку сущности тел, искусство кузнецов² и военное дело. Все эти ремесла и искусства невозможны без использования особых орудий: война — без меча или прочих военных орудий, письмо — без пера, чернил и бумаги (либо с оным схожего), искусство лекаря — без лекарств и применяемых им инструментов, геометрия — без циркуля и иных приспособлений, особое искусство, требующее настойчивости и упорства, — без реторты, перегонного куба и тому подобного. Те же действия, для коих потребны орудия одного только тела, многочисленны и носят разные названия: пощечина, удар по лицу, удар рукой, пинок, восхваление, хула, хватание искомого или удаление нежелаемого рукой либо приближение или удаление от оных при помощи ног и тому подобное. И от тех, и от других действий приходит польза как телу, так и душе: телу — потому что оно получает пропитание, возмещающее ему его утраты; душе — потому что она сохраняется благодаря сохранению тела.

Те действия, что свершаются в той материи исключительно для пользы души и ее стяжания, двойки. Во-первых, это получение с помощью пяти органов чувств тех знаний, коими пользуется одна душа без тела: постижение с помощью орудий зрения цветов и фигур, каковые распадаются

на множество форм (о чем мы говорили в «Приметах веры»); постижение с помощью орудия слуха звуков, каковые распадаются на приятные и дурные; постижение с помощью орудия вкуса различных вкусов, каковые бывают острыми, кислыми, сладкими и прочими; постижение с помощью орудия осязания, то есть кожи, шероховатости и гладкости, теплоты и холода, влажности и сухости. Во-вторых, это наслаждение, связанное со свершаемым при помощи тонких парных органов [дето]производством.

Все сии действия распадаются на две части: одни из них предписаны Богом и разрешены дражайшим Законом (да благословит Бог его возвестителя и род его!), другие же Всевышним воспрещены и Законом не позволены; первые суть похвальные, вторые — порицаемые.

Все нами упомянутое является материей для своего действования, то есть свершение каждого из этих действий доставляет его душе и телу ту или иную, скорую или отдаленную пользу либо ее противоположность. В сих действиях участвуют и душа, и тело, и пользу либо вред сих действий делают они между собой.

А те действия, коим претерпевающей материей служит душа, двойки: одни свершаются с Божьей поддержкой (каковая разнообразна), другие же — благодаря полученным чрез научение знаниям о природном во всем оно многообразии.

Действия, свершаемые благодаря полученным чрез научение знаниям о природном во всем оно многообразии, двойки: одни свершаются чрез речь, другие — чрез внешних посредников. Что до свершаемых чрез речь, то таковы, к примеру, ораторское искусство, состоящее в том, чтобы благодаря ясному изложению и точному определению, используя созвучия слов и их рифмуя, друг на друга нанизывая и размер скандированием подчеркивая, на порядок их опираясь, приводя пословицы и примеры и выводя доказательства, наилучшим образом запечатлеть в душе слушателя желаемое; или же поэзия, слова по известным размерам соединяющая, дабы сообщить равно об истинном и ложном, чтобы превознести или опорочить, возблагодарить или охулить; или же заклинания и наговоры и все в этом роде, что вызывается негодованием для отмщения. А что до свершаемых чрез внешних посредников, то таковы, к примеру, талисманическое воздействие на душу чрез свершаемое с

подобиями физических носителей оной, для какого действия потребно знание подходящих сроков, расположения звезд, соответствий и равновесий, даваемое геометрическим искусством, делающим трудное простым; или же ясновидение (*кихāна*), состоящее в том, чтобы воздействовать на душу, ориентируясь по всей целокупности природного; ³ или же отыскание по оставленному следу (*кийфа*), гадание по полету птиц (*заджр*) или кудесничество.

Действием, свершаемым чрез Божью поддержку, является исполнение посланнической миссии, от коей проистекает целокупное искусство управления, начертание законов вероисповедной общины и определение законоуложенных обрядов. Благодаря этому души, разобщенные в своеволии, взглядах, стремлениях и исповеданиях, собираются в едином устройении под сенью предписаний и воспрещений. Сие хранит их от губительных мерзостей и ведет к стяжанию счастья. К оному прилепляются все общие и частные науки управления, с религией связанные. Мы утверждаем, что устройство их, ежели в оное взглядеться, равновесно действиям и предназначениям Всевышнего, устроившего творение Свое с сиятельной мудростью, явленной в воздвигнутых строениях и взвешенных пропорциях, а также и в великолепном создании — человеческом существе. Подобного сей посланнической миссии никому из возжелавших не достичь, за исключением того, кого изберет Бог и наделит светом Своей поддержки и Своего вдохновения, благодаря чему тот постигнет правду и истину. Таковы пророки и посланники, и в этом же — различие между пророком и пророчествующим.

А посему обязательные [религиозные] законы и обряды, ведущие мир под сенью божественного управления и хранящие народы, суть как орудие мастера или члены существа, привлекающие полезное и отталкивающие вредное. Как в существе одним органам назначено быть более чувствительными (к примеру, лицо, руки, ноги, тонкие парные органы), так и в управлении ликам и дланям народов и прочим людям, то есть царям и их подданным, назначено занимать разные ступени в соответствии с их способностями. Как все органы созданы повинующимися сердцу, гнездилищу вдохновения и жизни, так что сообразуются они с его велениями, взглядами и запретами, так и в управлении заведовать делами людей назначено имаму, вместилищу

Божьего света, людям же действовать сообразно его усмотрению, так что весь порядок (*'амр*) приходит к единству. Как в творении органы устроены сердцем и живы теплотой его, их достигающей, так и в делах управления благополучие и покой людей даются достигающими их повелениями устроителя их дел. Как в творении есть органы, приносящие пользу всему телу (к примеру, глаз, ухо и прочее), так и в божественном управлении есть назначенные передавать, оберегать и заботиться о вестях, дабы тем сохранялось все сообщество. Как в творении во всем теле кровь распределена меж внутренними и внешними работающими органами соответственно рангам их тонкости и плотности, так и в управлении имуществу исполнителей всеобщего веления назначено быть распределенным в большей или меньшей степени соответственно их рангам: между всадниками и пешими, слабыми и сильными, старцами и юношами.

Как предназначено существу иметь поганые, всему телу вредящие, к болезни и гибели ведущие смешения (*ахлят*), излечиваются же от оных либо изгнанием их из тела, очищая его от сих смешений, если таковое возможно, либо, если не изгоняются они, умирят их иным способом, дабы исцелилось тело, так и в управлении должно, когда появятся носители порчи и вреда, в теснину тьмы народ ввергающие, пресекать их умерщвлением, либо кнутом или пряником, и дать им то, что отвратит их от порчи (как «вновь обращенных» ⁴), дабы установить всеобщее спокойствие и удалить порчу. Как в творение внедрено желание улавливать животных, кои не суть люди, но близки оным по смеси, и подкрепляться мясом их, так и в управлении должно принуждать к совместному житию население «дальних концов земли» ⁵, кое схоже с живущими под дланью Всевышнего, и использовать его себе в помощь. Как органы поражаются разными болезнями и различно излечиваются — рассекаются либо прижигаются железом, или смазываются целительной мазью, либо лечатся вдыханием запаха лекарства, либо применением горького или сладкого лекарства и тому подобное, так и в управлении надлежит следовать разными путями в исправлении разных людей (глупцов, умников или слуг) и отвращения от желанной им порчи, воспитывая их так, как они того заслуживают: осыпая ли ударами, заточая ли в узилище, подвергая порицанию либо хуле или же не давая свершить искомое.

Как в творении одному органу назначено властвовать над другим не иначе как чрез сердце, так и в управлении не должно никому ни над кем иметь силу либо приказывать иначе как с санкции повелителя. Как в творении назначены существам ночь и день, время для отдыха и время для поиска пропитания, так и в управлении положено людям время, отдаваемое поклонению (каковое есть вечное питание жизни), и время для земных забот. И так следуя далее, дойдешь до всего, что соответствует обрядам и законам. Возжелавший управлять да зажжет свет своего управления от Божьего света; а никакое управление, когда божественному приказанию не следует, не может быть полным, но ведет к одному только произволу да притеснению, губя все живое и мертвое.

Таковы те действия, что свершаются с помощью орудий либо внутри тела, либо вне его.

А что до действий, свершаемых душою самою, без нужды в орудиях, что не суть она сама, то таковые происходят от нее после совершения действий смешанных, для коих необходимы уготованные ей для улавливания знаний орудия, после того, как она в том займет более высокую, нежели была у нее прежде, ступень. Когда же случится ей иметь интимную беседу (*munādjāt*) с Всевышним Творцом своим, — каковой не может быть прежде, нежели возложит она на себя бремя повелений в божественной общине и господнем управлении и, скопив в познании, поклонении и отправлении установленных ритуалов формы сенсительного (кои, бывши разумеемыми потенциально, стали для нее разумеемыми актуально), не станет она актуальной, — тогда под влиянием оной возгорятся в ней светы снисканного Царства: будет обладать она тем светом святой чистоты, что делает ненужным внешний, чрез научение и стяжание приходящий свет, к которому нет доступа иначе, как чрез употребление орудий и уловление [знаний]. А возгорается он в ней из-за близости ее к Первой Причине, к Творению и Первой Эманации. Тогда обретает она сходство и соотношенность с вне[природными] Разумами благодаря прежнему своему стяжанию. Тогда действует она, не встречая ни в чем препятствий, не нуждаясь в помощи членов своего тела.

Среди сих действий одни суть начала (*'avā'il*), другие же — концы (*'avā'hir*). Начала — это те, что сопутствуют получаемому из опыта знанию; так мы узнаем, к примеру,

что десять минус два будет восемь или что три плюс три дают шесть, или что единица меньше десятки. Концы же — те, кои имеет она чрез установление равновесия и взаимного соответствия, комбинируя и извлекая материи, оказавшиеся в ее самости благодаря стяжанию. Например, она узнает, что легко и просто поднять тяжелую вещь, если делать это на отдалении с помощью специальных инженерных орудий типа рычажных весов и гирь, кои, как известно, будучи малы, уравнивают многократно свой вес. Или же так называемое самовращающееся колесо: она с помощью производимых расчетов представляет, каким оно может быть, затем в самой себе ищет и находит то, что укрепляет ее уверенность в его вращении, затем все это осуществляется актуально в доступном чувству орудии и оказывается правильным, согласным с произведенным действием; или же объятие поддерживающих причин, поддерживаемых следствий, чуждостей, противоположностей и соотношенностей. Во всем этом ей не нужно прибегать к использованию орудия.

И пусть никто не говорит, что то, чего форма запечатлевается, является-де уловленным и представляемым, а представляемо то, что ощущаемо, ощущаемое же постигается только с помощью орудия. Неправота сего взгляда доказывается тем, что оказавшиеся в душе формы сенсительного не суть тело, когда могли бы служить орудием: форма уже отделилась (от материи ощущаемого. — *A. C.*), отпечатавшись в самости души, и благодаря воссиявшему в ней знанию стала с ней единым, сенсительное же осталось, как и было, вовне. Так же точно все, что окажется вблизи камфоры, заимствует от нее подобие ее запаха, и получается, что в запахе всего этого — подобие камфоры, хотя ни в чем из того самой камфоры нет. Кроме того, душа сама по себе разговаривает и размеривает, берет и дает, воспрещает и приказывает, взмывает ввысь и опускается долу, погружается в пучину и выходит на поверхность, смотрит и видит, чему достаточным свидетельством и доказательством служат видимые человеком во сне действия ее, коих истолкование верно. Все сии действия свершаются без помощи орудия, ведь орудия, застыв, остаются с ее телом, она же парит и странствует по городам и весям.

Вот что следует вкратце сказать о действиях, дабы проторить дорогу к пониманию в сем вопросе. Каждое из

них от любого отличается. Между действием души на пользу своего тела и действием ее для уловления знаний разница та, что действием на пользу тела является то, которое осуществляется при помощи уготованных внутри тела орудий для приема и переваривания пищи; прекращение этого действия несет ущерб частицам тела, ведет к гибели оно и его распаду, то есть смерти. А действием для уловления знаний является то, которое осуществляется при помощи воздвигнутых для души орудий на внешней поверхности тела (глаза, уха, носа, языка и [органа] осязания); прекращение этого действия ведет к остановке работы органов чувств, то есть ко сну. Далее, между действием ее по уловлению знаний с помощью орудий и самостоятельным воздействием на имеющиеся у нее формы познаваемого разница та, что при свершаемом с помощью орудий действии отсутствие сенсительного ведет к прекращению действия, ибо орудиям присуще воздействовать на внешнее сенсительное, и если вне их нет того, в чем они могли бы произвести свою работу и ощутить, то и действия от них не происходит. А что касается самостоятельного действия, то даже если само ощущаемое скрыто от чувств, то форма [его] (каковая есть полученный его отпечаток) в самости [души] имеется, и ничто не препятствует ее действию, именуемому представлением. И вот это действие осуществляется и непрестанно длится, а то с исчезновением ощущаемого прерывается и прекращается. Таково сие свершающееся в самости [души] действие. С ним душа поднимается над рангом чувственной, ибо сие не есть чувство, но запечатление форм, знание и овладение вершиной схождения и соотносности со святейшим.

Предельная цель души в сих действиях — объять то, что скрыто от чувств и вне[природно], и в знании и утверждении единства (*тавхид*) достичь той степени, когда ни одно сущее не ускользнет от ее познания, дабы [среди непознанного] остался лишь Тот, от Кого произошло все сущее. У того порога остановится она в изумлении, не в силах равняться [с Ним] и искать объятия, и покорно признает свою немощь, истинно познав, что путь искомого объятия закрыт и что все сущее распределено по ступеням, и хотя достигла она высот величия, мощи и объятия, а все же бытие ее не самостно, и не чрез себя саму она пребывает, но чрез Него, Всевышнего, Единственного Бога. Сия предель-

ная цель есть для нее второе совершенство, так же как быть представляющей (каковая степень есть совершенство чувственной души и ее предельная цель, о чем уже говорилось) является ее первым совершенством. Мы говорим — первым совершенством, ибо сей степени сначала у нее не было, стала же тогда, когда поднялась она к ней с прежней своей степени. Сия есть первая степень, кою достигает она стяжанием, за оной же, дабы прийти к своей конечной цели, предстоит одолеть ей немало ступеней, на каждую поднимаясь благодаря достигающему ее свету обретения, стяжая знание, свершая деяния и следуя законоположенным путем общины. Так день за днем стяжает она необходимое, дабы придать своей субстанции обильность и благородство, пока не обратится в незыблемый разум, не достижимый для козней дьявола и губительных соблазнов проклятого супостата. Так же и дерево вначале бывает хилым ростком, который легко погубить, растерев меж пальцев либо затоптав, если прежде того само не погибнет от жары и безводья; но день за днем притягивает оно материи, в коих изыскивает для себя силу, крепнут его ветви и ствол, и вот оно уж негибимо утверждено на земле. Таковы же и некоторые минералы, например, ртуть: ее, это слабое, летучее при нагревании, студенистое дрожащее тело, берет мастер и соединяет с другим, любимым ею минералом, и тот обволакивает и связывает ее, закаляет и укрепляет. Если же кто пройдет принятым в вероисповедной общине путем исправления души, то через некоторое время станет уж не таким, каким был изначально, но сильным, способным воздействовать на тела, стойким к пламени, тогда как прежде встречи с ним боялся. Так же и с молоком, что дают животные: когда пастух кладет в него сыворотку, оно благодаря ей свертывается и связывается; так молоко становится незыблемо-твердым телом, бывши до того текучим и податливым. Вот и она (душа.— А. С.), как сие перечисленное, поднимается к своему пределу, стяжая знание и деяние, в том и в другом обретая благородство, могущество, сиятельность, мощь и пребывание. Все сие единоподобно: «В творении Милостивого не увидишь нестройности»⁶.

За сим вослед весы вероисповедные утверждают, что поскольку актуально-сущие научающие границы религии имеют в пророческом призыве разные ранги, так что одни, как, например, заветник, научают с помощью как бы ору-

дия, другие же, как, например, глаголящий,— без оно-го, следовательно, действия души распадаются на определенные смеси (каковые свершаются при помощи орудий) и определяемые душой и свершаемые без орудия. Поскольку научающие упорядочены так, что, во-первых, одни (к примеру, имам) хранят явную [сторону] Законоуложения (каковая обеспечивает физическое устройство общины) и к оному призывают, другие (к примеру, врата) научают явной [стороне] Закона (каковая есть явное поклонение), третьи же (как, например, хужджи) научают явной и скрытой [сторонам] поклонения совокупно, следовательно, свершаемые с помощью орудия действия души, во-первых, бывают или внутри тела, ради сохранения его физического облика (*шахс*), или же связаны с совокупной пользой души и тела; и, во-вторых, одним из них (например, примыкающему и проповеднику, каковые научают явной и скрытой [сторонам] Законоуложения) известно истолкование явной [сторонам] Законоуложения, из чего вытекает осведомленность о циклах и числе границ Божьей религии с начала и до конца века (*дахф*), другим же (как, например, извещающим проповедникам, каковые научают рангом Разумов и вне[природных] границ) известны ранги приближенных ангелов, из чего вытекает знание единобожия, следовательно, действия души, во-вторых, свершаются либо в душе, либо в теле.

Поскольку извещающие проповедники способны устанавливать равновесность, из коей божественные знания проистекают без научения, следовательно, душа способна действовать без орудия. Поскольку разница между научением явному, связанному с деянием, и научением скрытому, связанному со знанием, состоит в том, что прекращение научения правилам явного поклонения ведет к гибели людей общины, ибо ослабевают и исчезают ее обряды, а прекращение научения истолковательным знаниям отрывает знания от души и ведет к глупости небрежения (*зафля*), следовательно, между действием души на пользу своего тела и действием ее по уловлению знаний разница та, что прекращение первого ведет к гибели ее физического носителя, а прекращение второго — к глупости и незнанию. Поскольку между действием по улавливанию знаний и самостоятельным действием души разница та, что первое связано с сенсильными вещами, которые могут отдалиться от органов чувств и перестать быть ощущаемы, и с этим их исчезновением

прекратится и действие, второе же связано с имеющимися в самости [души] формами, и ничто не препятствует душе совершать сие действие в своей самости, следовательно, разница меж истолковательными знаниями, связанными с явной [стороной] Законов, и разумными знаниями (*аль-ма'риф аль-'аклийят*) та, что сенсильное превращается и переменяется в разных истолкованиях, разумное же незыблемо.

Таковы следствия из рассмотрения сущего; для внимательного мыслителя не скрыты и другие, кои умножат его знания и дадут ему твердую уверенность. Слава Богу, Творцу небес и земли, в единую нить великое и малое связавшему; да благословит и приветствует Бог величайшего посланника Своего, сиятельного господина нашего Мухаммеда, повелителя правоверных Али бен Аби Талеба и имамов из рода их.

УЛИЦА ДВЕНАДЦАТАЯ

О глаголящей душе как пребывающей, и в чем того причина, и что доставляет ей пребывание и счастье, а что — гибель и терзание; о том, приходит ли сие к ней извне, или же от той ее природы (*таб'*), от которой — ее бытие; и о том, что есть терзание и что — счастье, что есть ее смерть и что — ее жизнь

Если глаголящая душа, как мы говорили, стяжанием снискала все те ранги, что располагаются между ее потенциальностью и актуальностью, если благородством окрасилась субстанция ее и в дополнение к прежде сказанному остатки прежнего природного в ней обратились в разумную форму (как в зеленом винограде, влияния приемлющем, кислота обращается [в сладость]), то тем самым она обрела пребывание и совершенство и стала пребывающей, полной и вечной на ступени второго воскресения. Засим скажем: причина ее пребывания в том, что вечное и пребывающее — это рай, то есть собрание Сотворенных и Эманационных Разумов, которых сделал таковыми Святейший Всевышний Бог, и душа может стать пребывающей и подняться на ступень Сотворенных и Эманационных Разумов не иначе,

как соотносится с оным раем, став связанной с ним и приняв его истечение так, что самость ее обернется разумом. Именно сии изливаемые и принимаемые силы и благодать делают так обращающуюся душу совершенной (также как огонь делает совершенным уголь или закваска — тесто), претворяют ее в разум наподобие источника своего излияния, охраняют ее от превращений и с оным источником соединяют; и вот она пребывает вечным пребыванием и живет вечной жизнью, каковая есть непрерывность (*давām*) бытия. Они суть вторая, ближняя причина. Те Сотворенные и Эманационные Разумы (из коих истекает благодать) струят свои силы в сущем, опекая мир Природы; встретив душу, хотя бы в малейшей степени имеющую сходство или соотношенность [с ними], они изливают на нее свое истечение, вызволяя и удерживая при себе. Так же и среди господ увидишь, что если найдут они воспитание либо нрав своего слуги соответствующим или согласным с собою, то сие станет причиной пребывания его со своим господином. Если мы скажем, что их (Разумов.— *А. С.*) истечения связываются так же, как искра с трупом, то будет тут полная равновесность подобия: труп подготовлен к воздействию огня, чтобы принять его подобие, как душа под воздействием обрядов вероисповедной общины подготовлена к принятию божественной благодати.

Итак, они (Разумы.— *А. С.*) суть первая причина сего ее пребывания. Они могут излить свое истечение и на чувственную душу, даже если нет у нее ни соотношенности, ни сходства с истечением, если только самость ее не покрыта тем или иным природным пятном, препятствующим ей принять [истечение], так же, как слугу могут взять в дом и воспитать соответственно привычкам господина, если привычки либо врожденная натура его души не воспрепятствует сей тренировке, а посему отсутствие у него таких препятствующих привычек является причиной его пребывания с господином. И если скажем мы: также как хлопок, не подмоченный водой и свободный от всего, что воспрепятствовало бы ему принять воздействие огня, то есть возгореться огнем, то и это было бы схоже и равновесно; однако здесь — наименьшая согласованность, и сей пример касается только пророков, скажем, Мухаммеда (да благословит Бог его и род его!), о котором передают, что и в детстве свершал он добродетельные благочинные поступки, или же

Иисуса и Авраама (мир им!); о сем пойдет разговор в разделе о внутреннем откровении. Пребывание души связано с обретением ею знания от обладателей откровения, а ее связанные с переходом [в мир иной] ¹ действия и состояния в поддержании ее и придании ей совершенства тяжки и изнурительны. Ведь оно (пребывание.— *А. С.*) есть предел ею достижимого, а ей бы в действиях своих только следовать своей смеси, а потому нужны особая опека, упражнение и радение, дабы придать ей все необходимое для стяжания счастья. Таковы же, к примеру, сырые дрова, с которыми огонь связывается лишь после особых усилий и приложенного труда.

А если говорить о том, какое отношение имеет самость души к стяжанию ею счастья, то самость ее совершает только те действия, которые проистекают от ее смеси, и влечения ее обусловлены исключительно тем, какова ее подготовленность. Если ее подготовленность такова, что смесь умеренна (как мы о том говорили), то она самостно воздерживается от многого зла, но не во всем, и производит благопорядочные действия, но не во всем, а более или менее. Смотря по тому, какой достанется ей извне учитель, наставник и сотоварищ, таким и будет ее благородство. Если посчастливится ей иметь учителя из числа Божьих границ и тот укрепит ее научением и побудит к исполнению деяний, то тем подготовится она, обретет высокородность и в крайней степени привязанность к богобоязненности и благу, ни на шаг не отступая от святых угодников Божьих и начертаний границ Его религии. Если же не доведется ей встретить блгонаставляющих проповедников и в свершении своих действий будет она обращаться только к своей самости и воспринимать от таких же, как сама, сотоварищей, то такое состояние дел постепенно испортит ее, ибо неблагопристойные действия, повторяясь, войдут у нее в привычку; ведь если чувственная душа не исправляется извне, то неизбежно портится и опускается. А если ее смесь далека от умеренности, то от самости ее будут исходить отвратительные действия, о чем мы говорили в «Приметах веры». Ведь она как чувственная представляющая душа стяжает и представляет в соответствии со своей смесью (от коей и проистекает бытие чувственной души), зная только о том, в чем состоит ее счастье, но не ведая о том, в чем ее терзание. И вполне может она представлять, что именно того, что подсказывает

ее смесь (как-то: бесполезное наслаждение, верховенство, красование, роскошество, насилие и тому подобное, чем, к слову сказать, и отличается большинство правителей нашего времени), следует ей помогать, сие лелеять и полностью оному предаться. Именно это и воспрепятствует ее счастью и принесет ей невзгоды и злосчастья. Если будет кому извне научить и исправить ее, наставив на путь неустанного соблюдения предписанных высокоблагородной общине Божьих приказаний, то вся ее испорченность и злосчастье растворятся и обратятся в источник блага и пользы. Если же такового не случится и у нее не будет наставника и учителя, то она, следуя привязанностям своей смеси и недобрым учителям, пропадет.

А посему мы говорим, что душа, как и тело, бывает здоровой либо испытывает недомогание. Как одни из болезней протекают легко и быстро проходят (вроде однодневной лихорадки или двухдневного насморка), а другие продолжают долго и трудноизлечимы (например, водянка или перемежающаяся лихорадка), и как здоровье бывает легко уничтожимым (например, здоровье поправляющегося после болезни), а бывает и крепким (как у здоровых сильных телом), так же именно, одно к одному, бывает здоровой и больной душа. Как горячку или озноб, а также и прочее, что возникает в теле при болезни, можно удалить лечением и сделать тело здоровым, так же и душу, больную дурными привычками, низкими нравами и порочными воззрениями, можно натренировать в отталивании всех сих пороков (кои случилось ей иметь, когда воспоследовала она в своих действиях своей смеси, каковые пороки суть недуг ее и болезнь) и тем изменить и обратить ее к добру: так станет она здоровой и сохранится. Ведь тем порокам, что свойственны душе в силу ее смеси и из-за потакающих ей в том сумасбродных глупцов и бесов, своей корысти и своевольным капризам служащих, коли пропустить их, как мы говорили, чрез горнило неустанного соблюдения божественных приказаний и обязательных предписаний, пророком (да благословит Бог его и род его!) принесенных, — тем порокам свойственно превращаться в добродетели, так же, как кислота обращается в сладость, и изменяться к добру. Так же и действие человеческой души в момент негодования или страсти в точном подобии равновесно действию животных, и ничего, считай, из у нее имеющегося при актуальности здесь не упущено; после сего ранга ей нечего пожинать на ниве

стяжания, но остается изменяться благодаря стяжанию божественных знаков: она становится изменяющейся к добру и пребыванию. А кто сего лечения для оздоровления своей души не применяет, тот от всяких благ далек; такие души, появляясь в бытии, подтачивают мироздание и ослабляют людской сомн.

Устроение небесных светил, Природы и порождений, о чем прежде мы поведали, таково, что они ни наносят ущерб, ни споспешествуют предустановленной цели вне[природных] Разумов — избавить душу. Потому иногда случается, что влияние их ведет к появлению душ, небесноподдержанных либо не поддержанных небесами, но имеющих в своих помощниках время. Таковые творят в Божьем деле справедливость, как, например, Моисей, которому чрез уготованные орудия способствовало время сверх того, в чем был поддержан он из обиталища Святости для достижения той цели, в которой и поддерживали его Разумы: на верный путь наставил он народ свой и истребил блудодеев, что было благоприятно для цели [Разумов]. Или же Муавия² и ему подобные, препятствовавшие наместникам Божьим осуществить и распространить дело Всевышнего: это нанесло ущерб цели [Разумов]. А иногда благодаря их влиянию появляются души, которым, хотя и поддерживают их вне[природные] Разумы, однако же не помогает время в осуществлении стремлений; например, пророку (да благословит Бог его и род его!) время не помогало, хотя обиталищем Святости и был он поддержан, а потому остались после него в народе и блудодеи, и заблудшие, и пустобрехи до того момента, когда время помогло его замещающим и сделали они то, чего он не сделал; или же Али бен Аби Талебу (да благословит его Бог!), которому, хотя и был он избран Всевышним, время не помогало, а потому одолели его супостаты и сбили с пути. А также и души, которым не помогает время (хотя их не поддерживают и [Разумы]), например, многочисленные злодеи, которым время не помогает осуществить их действия, так что остаются они стреножены и бессильны. Таковые действия свершают небесные и земные тела, производя смесь, от коей проистекает бытие сих душ, но не потому, что стремятся помочь в осуществлении цели [Разумов] или воспрепятствовать тому, а потому, что таковы они и для того и установлены, чтобы всякую материю наделить силами, кои дано ей, как говорили мы, принять в соответствии со своей подготовленностью чрез многочисленные движения и разные превращения.

Оба поклонения собирают все деяния, к коим призваны чада истинной веры (а именно: соблюдение чистоты, молитва, пост, милостыня, паломничество, джихад и повиновение наместнику Бога на земле Его, сохраняющему Его предписания и запреты, и следование всем его призывам и наставлениям), а также все знания, а именно: постижение единобожия, каковое есть высшая из причин, коими, как мы сказали и показали, достигается полное счастье; воздержание от любых суждений о Боге, каковые были бы описанием Всевышнего, то есть придавали бы Ему то, что принадлежит другим, а значит, были бы ложным измышлением; знание сущих бестелесных приближенных ангелов и действий их; знание телесных субстанций и атрибутов каждой из них, земных тел и их действий, человека, как становится его бытие; знание пророков (мир им!), предержателей циклов, заветников, начальных и последующих границ религии, божественных законов и установлений и того, к чему приходят люди разных исповеданий. Сии [знания] стяжаются двояко: либо при поддержке небес (это относится к пророкам, заветникам, а также воздвигнутым из числа имамов — мир им!), либо чрез научение посредством соотношения и уподобления, дабы в самости обучающегося возникли точно воспроизводящие эти знания подобия. В последнем случае запечатление форм и уподобление зависит от различия умов и разумов: одним достаточно малейшего сходства, другим потребны правильнейшие и неколебимые подобия, схватывающие все благородство добродетелей.

Сии два поклонения собирают и осуществляют лишь наилучшие, наиболее религиозные, наиболее деяниями обильные, на дольную жизнь свою смотрящие взглядом потусторонним и [знающие], что воздается добром лишь благочестивым. Своими частями сии два поклонения оказывают на душу то же действие, что [исходящая] от солнца теплота — на плоды, превращая терпкость и кислоту оных в сладость. Так же и в душе, когда выполняет она сии два поклонения, связав себя их цепью и без устали им предаваясь, пороки обращаются в добродетели, и обретает она соотношенность с пребывающими в обители Святости вне[природными] Разумами и становится самосушей. Теперь она уже не такова, какой была в начале: в начальном состоянии своем она — пленница смеси (подобно душам животных) и подвержена превращениям, и не говорится о ней, что она — душа; а во втором, обретенном стяжением

состоянии она принадлежит высшему сонму, став разумом благодаря тому, что уразумела и чего формы запечатлела в своей самости. Теперь уже нельзя сказать о ней того, что говорилось прежде: тем, что стяжала она чрез оба поклонения, теперь освящена ее самость. Теперь, после стяжания, в коем была усердна и прилежна, она связана с Разумами (тогда как прежде была потенциальна и с Разумами соотношенности не имела), связана с пребывающим и вечным (также как железо, когда оно актуально, связано с магнитом и притягивается к нему, а прежде, будучи в руде железом потенциальным, к нему не притягивалось, и вот после усердных трудов и прилежания, после огненной обработки стало оно железом актуальным, к магниту тянувшись и с ним навеки, пока он есть, связанным), не нуждается в своем теле и не прибегает ни к чьей помощи для свершения своих действий, ибо самосуша и действует в своей самости так же, как и вне[природные] Разумы. Точно так и ребенку, пока он слаб и беспомощен, нужна кормилица и нянька; но вот, впитав силу и окрепнув, он более не нуждается в своей кормилице, воспитательнице и хранительнице, то есть в матери своей, ибо уже силен и сам находит себе пропитание, и не будет ему вреда, если теперь родительница с ним разлучится. И вот душе, прежде нуждавшейся для бытия в теле своем, теперь оно не нужно, когда наступает смерть и становятся бездейственными орудия: как цыпленку, вылупившемуся из яйца вполне сформированным, не вредит разбиение скорлупы, так же и ей не вредит остановка тела.

Сии два поклонения воздействуют на душу так же, как воздух воздействует на коралл. Это растение, коралл, выходит из вод морских, и воздух превращает его в камень, течению времени не подвластный: благодаря воздуху коралл меняет свою растительную природу. Те два поклонения для души суть то же, что для плодов финиковой пальмы извне их приходящее оплодотворение: без него бы не получилось завязи, а благодаря ему есть завязь и есть плод. Так же и душа, даже если происходит из числа добропорядочных, однако же без границ религии и божественной силой внедренных законоуложений их, не усердствуя в обоих поклонениях, не обретая ими знания и не верша деяний, останется бесплодной. Два поклонения суть счастье для тех, кто в них усерден и им верен, и терзание для тех, кто ими пренебрегает либо их установления нарушает.

Словом, терзание — это когда в душе есть что-либо, препятствующее ей достичь совершенства в стяжении добродетели, а счастье — когда есть то, что делает ее совершенной в добродетели. С этим и связана вечная жизнь души. Ведь та смерть, которую мы тут упомянули, сказав, что она наступает, когда душа перестает использовать орудия в интересах тела, — это смерть естественная. А есть и другая смерть, а именно умерщвление чувственной души и ее приостановка (*та'тйль*); она наступает чрез неисполнение желаемых ею природных капризов и удержание (*'акль*)³ души от них. Таковая достигается только благодаря обоим поклонениям. Иная смерть — умерщвление души, когда перестает она приобретать знания и деяния (в коих заключается ее исполненность) и оных не имеет. Она наступает, если преданы забвению оба поклонения и если прежде ввиду внешних, ей в том препятствующих, обстоятельств умерла самасть ее. В этом для души — наибольший вред. Одним словом, смерть есть оставление душою своих действий, как присутствующих, так и надлежащих. Что касается жизни, то мы уже говорили, что она есть природная жизнь, проистекающая от воздвигнутых для воздействия и претерпевания тел. Есть и иная, святая жизнь, каковая в отношении сей природной жизни есть как бы дух. Ею будет в день Воскресения жива душа, если верна и усердна в обоих поклонениях.

Подтверждением и доказательством сего служат соответствия и равновесности весов вероисповедных. Поскольку принесенное пророком (благословение и мир ему!) от Всевышнего служило ближней причиной сбирания того, к чему он призывал, следовательно, именно благодаря обоим поклонениям достигает душа соотносительности с обиталищем Святости, и именно они суть ближняя причина ее связанности с оным. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) среди сподвижников своих особо отмечал тех, кто хорошо приемлет [знание], следует [ему] и убежден, и их обучал и на них изливал свой свет, следовательно, именно вне[природные] Разумы особо отмечают души, смотря по тому, как самасти их приемлют оных влияния, и именно они суть первая причина. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) призывал всех принять им принесенное и научал всех, у кого к тому не было препятствия, следовательно, вне[природные] Разумы пекутся обо всех душах и

воздействуют на все чувственные души, если в тех ничто тому не препятствует.

Вот что, как свидетельствуют весы вероисповедные, вытекает из подвластных ощущению вещей, в коих не испытывает душа никаких сомнений. Да славится Бог, Всевеликий и Достославный, Могучий и Неведомый, и да благословит Он и приветствует пророка Мухаммеда и заветника Али бен Аби Талеба, а также имамов из рода их.

УЛИЦА ТРИНАДЦАТАЯ

О человеческой душе и о том, как после перехода [в мир иной] ей воздастся за стяжание; о том, что такое воскресение, Страшный Суд, награда, наказание, рай и геенна и что значат они для души; каковы благочестивые в последнем прибежище своем, о том, что в дольной жизни их души подсказывает, какой будет загробная жизнь ее, и о том, каковы действия их; о том, кто такие лицемеры, отступники, заблудшие и высокомерные спесивцы, от истинного почитания Бога далекие, и каковы действия их, и что ждет их после смерти; получает ли душа награду и наказание, как только переходит [в мир иной], или же остается такой, какова есть, до воскресения; о том, когда воздастся ей и что общего у обитателей рая и геенны до того времени; о том, есть ли она отдельная форма, такая же, как форма ее тела в дольной жизни, или нет; о том, связывается ли душа, покинувшая свое тело, с другим телом, как утверждают сторонники учения о переселении душ, или нет; о том, помнит она о своей дольной жизни или нет; о том, пропадают ее знания или нет; и о том, наделен ли снискавший награду способностью воздействовать на иное, как то могут вне[природные] Разумы, или нет и каково это воздействие

Поскольку надлежит нам сразу же разъяснить, что мы желаем обо всем этом сказать, то начнем с неизбежности воздаяния. Оно доказано нами в «Светозарном [доказатель-

стве имамата]», равно как и то, что дается оно не в дольней жизни. Дабы подкрепить это новыми доказательствами, скажем следующее.

Коль скоро, как то утверждает разум, потенциальное благодаря актуальному стяжает то, что переводит его в акт и чего оно не имело, получая так свою полноту и совершенство (к примеру, косточка финика, то есть потенциальная пальма, стяжает благодаря опекающему ее актуальному то, чем исполняется ее актуальность как пальмы: она приемлет воздействующие свету, которые для нее — совершенство в ее актуальности, и плодоносит; а будучи косточкой, она не принимала сих светов не потому, что те не могли воздействовать на нее, а потому, что сама не могла принять эти воздействия, благодаря коим стала теперь сполна плодоносящей пальмой), и коль скоро душа потенциальна, и поскольку установлено, что, стяжав, она переходит в акт, ибо в соответствии со своим стяжением обретает нечто оттуда, куда переходит, и коль скоро душа стяжает от исполнителей дела Всевышнего и переходит в загробное обиталище — обитель актуальных Разумов, то отсюда вытекает, что в загробной жизни душа получает в зависимости от своего стяжения то, что мы называем воздаянием. Сей вывод мы подкрепим следующим. Коль скоро от всякого сущего на все, что так или иначе его окружает или в нем оказывается, изливается (как мы это показали в «Знаках религии») в зависимости от его качества то, что определяется совершенством его самости (взять для примера воду, которая всему, что с ней соседствует или в нее погружается, сообщает влажность и холод в зависимости от того, как оно принимает, либо же воздух и небесные сферы и их очевидные воздействия), и поскольку загробный мир (или обиталище Разумов, или Царствие) есть тот предел, к которому приходит душа и с которым связывается, то установлено, что сие обиталище, когда душа целиком вступает в него, доставляет ей из своего содержимого и смотря по ее стяжанию то, что для благочестивых будет наградой, а для грешников — наказанием.

Чтобы еще раз закрепить сказанное, приведем и такое доказательство. Коль скоро глаголящая душа прибегает в мире Природы к тем причинам, которые приводят ее в мир Святости, и поскольку черпает она из того мира, будучи отягощена всем, что привносится смесью и что она стре-

мится отторгнуть, то отсюда следует, что, уйдя от всех чинимых смесью препятствий, она благодаря однородности и соотнесенности и[ли] разнородности и несоответствию и ввиду исчезновения преград получит ту благодать сего мира, которая и будет воздаянием для благочестивых и грешников — смотря по соотнесенности или несоответствию.

Это подкрепляется и той равновесностью, что мы находим в творении. О том надлежит сказать, что в своем бытии и стяжании, ущербности и совершенстве, награде и блаженстве, наказании и огненной муке душа во всем подобна телу (кое и есть начальное творение и первое устроение¹), ибо бытие ощущаемого и разумемого устроено единообразно. Как сказал о том Всевышний, «сотворение ваше и воскресение ваше — как единой души»: ² изначально телесно сотворены вы (что постигается чувством) и воскресаете в душах своих (а сие — второе сотворение, постижимое разумом) как единая душа, ибо одно подобно другому и оба одинаковы. Здесь то действие, что относится к сенсильному телу, Всевышний поименовал сотворением, а то, что относится к душе и разуму, — воскресением. И там, и тут протекает оно единообразно. Посему об интеллигибельном воскресении говорил Бог чрез сенсильное первое сотворение: «Люди! Если вы сомневаетесь о воскресении»³, — если вам неведомо воскресение (то есть загробное устроение, когда сотворяются духи и оживляются загробным духом Святости) и вы сомневаетесь в нем, ибо не имеете на то указания, то познайте его по тому, как Мы сотворили тела ваши, «Мы создали вас»⁴, — создали ваши физические тела до того, как вы начали сами размножаться, «из праха, потом — из семени»⁵, — это когда, как мы говорили, началось размножение, «потом — из сгустка крови»⁶, а это та ступень, кою достигают семя и кровь, смешиваясь в утробе, «потом — из плоти»⁷, а это — также ступень, достигаемая сгустком крови, и бывает она «сложившейся»⁸, то есть оформленной и полной, «и несложившейся»⁹, то есть неформальной и ущербной (как мы то показали в своем трактате «О загробной жизни»); все сие постигается как первое устроение. Затем устраивает Всевышний загробное устроение, о чем сказал Он так: «Вам известно уже первое устроение»¹⁰, то есть телесное сотворение ваших тел, «так почему же вы не знаете о другом»¹¹, — почему бы вам не размыслить и не установить равновесие и так узнать, что

сотворение и воскресение единообразны и что загробное устройство, то есть сотворение духов и оживление их духом Святости таково же, как и первое устройство?

Коль скоро бытие и совершенство души таковы же, как и ее тела (о чем изящно сообщает нам Дражайшее Писание), и поскольку мы находим, что тело ее, находясь в утробе, за счет дарованной ему его природной смесью растительной силы стяжает, притягивая материи и укрепляясь ими, и переходит со ступени семенной на ступень кровяного сгустка, а с той — на ступень плоти и так далее, пока не усовершенствуется благодаря орудиям (глазу, уху, руке, ноге, носу, языку и прочим, о коих уже говорилось), коими предстоит ему, перейдя в чувственный мир, производить действия (ибо в той утробной темени и теснине обретает оно их именно для того, чтобы с ними выйти на просторы мира), и тогда усладу либо муку испытывать будет, смотря по тому, сколь совершенны и правильны сии орудия, что стяжало оно в утробе благодаря природной силе, актуально сущей вне тел, к коим выходит оно, и если тело обретает сии уготованные для стяжания орудия, то, выйдя в чувственный мир, приемлет его благости и муки соответственно своей изначально обретенной природе, — коль скоро и поскольку это так, то о том, какова душа, мы скажем, опираясь на взаимное соответствие (души и тела. — А. С.).

Как тело ее в утробной темени — так и душа в теле своем. Как тело ее существует не для утробной темени и теснины, но для чувственного мира, в который выходит, так и душа, будучи в теле своем, существует не для него, но для самости своей, достойной иного мира, в который она и переходит. Как тело благодаря своей растительной силе притягивает к себе материи, укрепляя и доводя до совершенства свои орудия, дабы предстать с оными перед сущим в чувственном мире, так и душа, неустанная и усердная в законопредписанных деяниях, притягивает божественную благодать и обретает знания, дабы оными исправить свою самость и подготовить ее для светов Царства. Как тело, выходя в чувственный мир, расстается с утробой, так душа, переходя в загробный мир, расстается со своим телом. Как в дольней жизни тело есть орудие души, коим обретает она услады, так и в загробном мире самость души есть орудие для самой себя, коим находит она услады. Как в этом мире

тело обретает чувственный дух (*рӯҳ ҳиссий*), так и в мире ином душа обретает дух Святости. А те наслаждения и муки, что тело испытывает в дольней жизни в силу своей природы, а не того, что воздвигнуто в нем, мы уподобим той благодати и мучению, что претерпевает душа в загробном мире благодаря своему стяжанию, а не тому, что изливается на нее. Так одно с другим — в точном подобии и соответствии, что означает существование уравнищенности, каковая влечет неизбежность воздаяния, награды и наказания для души.

Коль скоро все это, как мы показали, из взаимного соответствия и равновесия неизбежно следует, то обязательность воздаяния означает, что есть нечто пребывающее, оное воздаяние получающее. И хотя были люди (и раньше, и потом), которые отрицали загробную жизнь души и следовали утверждениям своего разума, которому представлялось, что воздаяния нет, все же, несмотря на все их утверждения и сомнения, вопрос о воздаянии ясен. Ведь если ущербен тот путь, по которому следуют в познании, то и добытые доказательства будут всегда ущербны, а следующий таким путем найдет обратное искомому. Те, кто отрицают воздаяние, опираются в обретении знаний [только] на свой разум и руководствуются [только] им; а сей разум их происходит из мира Природы, он изначально потенциален и несовершенен и в действиях своих подчиняется смеси (от коей проистекает его бытие), ибо не берет в наставники совершенных и небесноподдержанных (то есть пророков, одаренных святостью и посланных с откровением — мир им!) и им подобных, коих бытие опекает божественный промысел. Если бы сии разумы, лишь собой руководствующиеся, вняли наделенным откровением и небесной поддержкой, то выправились бы. Однако они положились на собственное усмотрение, как то делают и в наше время им подобные из числа приверженцев [свободного] суждения (*ра'й*) и силлогизма *қийас*). Следуя своим представлениям, они, во-первых, размышляли о душах различных видов животных, а найдя, что бытие такой души проистекает от смеси, говорили, во-вторых, что она существует в теле и для своего тела как его совершенство, а не ради своей самости. Рассматривая, какова она, они находили, в-третьих, что для совершения действия такая душа нуждается [в ином], а найдя, что она актуальна, пока пребывает ее физический

носитель, они утверждали, в-четвертых, что она гибнет с распадом частиц последнего. В результате они посчитали, что людские души, будучи одним из видов животных душ, подобны прочим видам своего рода, и приписали им все то, что приписывали тем. Они мнили, будто достигли этим предельных границ познания; им не светил свет пророческого наставления, зеницы их остались слепы, они не сумели разглядеть разницу между самостями и действиями тех и других душ, и все перепутали.

И вот даже Гален, превосходивший своих современников и познавший природное творение, терялся в вопросе о душе, какова она, а также в вопросе о первоначалах, каковы они. Как передает Мухаммед бен Закария ар-Рази, суммируя его сомнения, он говорил, что не знает, вечен мир или возник [во времени] и является ли душа субстанцией или акциденцией. В своей книге «О частях [человеческого тела]» он то говорит, что природа человека — это смесь, происходящая от четырех первоэлементов, то — что она не что иное, как врожденная (*ḡarīḏiyyā*) теплота, то — что она теплота. И если эти разумы, положившись на собственное усмотрение, не смогли отыскать правильного решения даже в таких вопросах, то как же найти им верную дорогу в вещах еще более туманных, в вопросе о воскрешении и том, что будет после смерти, если не с помощью небесноподдержанного, который будет приводить доказательства и указывать на подобия, повторяя речи свои, дабы наставить и запечатлеть в душе их знания? О нет, никак! А из этого следует, что хотя их рассуждения и верны в отношении того, является ли душа субстанцией или акциденцией (о чем мы уже говорили), однако же совершенно ясно, что те души (т. е. души животных.— *A. C.*) существуют [только] ради своих тел, сия же душа (т. е. душа человека.— *A. C.*) — как для своего тела, так и ради своей самости, и что пребывание ее, как мы говорили, связано с тем, как она стяжала и придерживалась ли божественных законов.

Те, кто придерживается в вопросе о воздаянии взглядов, схожих с мнениями Мухаммеда бен Закарии, крайних [шиитов] и приверженцев учения о переселении душ, считая, что оно приходит в этом мире, верят, что души существуют прежде своих тел. Это их мнение расходится со взглядами дахритов¹² и последователей близких к ним учений, каковые утверждают совместное бытие души и тела

и говорят, что душа — это субстанция и что она сменяет, в зависимости от стяжания, своих носителей (*ḫaykīl*), пока не достигнет очищения и возвращения. В книгах «Сады» и «Весы разума», равно как и в «Мерилах» (в каковой книге дан ответ крайним [шиитам] и им подобным), а также и в других трактатах мы достаточно показали ложность таких взглядов. Кто утверждает подобное, смыкается с теми, кто вовсе отрицает воздаяние, основываясь в том лишь на собственных выводах и руководствуясь только своими высказываниями, а сие и есть источник заблуждения.

Итак, доказана неизбежность воздаяния, связанного с воскресением. Воскресение (*ba'ʿ*) же есть действие, осуществляемое Богом через приближенных ангелов в природном воскрешаемом [сущем] (*maḅ'ūʿ*) и придающее ему совершенство, дабы оно воскресло благодаря второму воскрешению. Оно выражается во вдуновении, наделенном силой, каковая есть изливание истечения на оную силу приемлющего, до того ее не имевшего, теперь же обретшего вечную жизнь.

О сем особом способе действия говорили мы в трактате «О загробной жизни и святости». Оно бывает изначальным, а бывает и вторичным.

Изначальное вдуновение — это то, что бывает в мире Природы. Оно разделяется на исходящее чрез того, кто принадлежит Природе, и на то, что бывает благодаря Божьей поддержке.

Вдуновение чрез Божью поддержку — это изливание (*isfā'*) божественных сил из мира Царства в душу находящегося в мире Природы воскрешаемого и струение тех сил в оной душе. Тогда легко дается ей все, что связано с вечным счастьем и вторым совершенством. Всевышний назвал это низведением духа: «Высокий ступенями, обладатель Престола по своей воле низводит духа на тех из своих рабов, на кого хочет»¹³. «Высокий ступенями» — это исполнитель действия, каковое есть низведение [духа] по воле Всевышнего; «дух» — это благодать святости и Царства, изливающаяся по Его (Всевышнего и Вознесенного, как мы показали в «Проливающим свет») воле¹⁴, то есть от Первого Сотворенного и Первого Сущего, «на тех из своих рабов, на кого хочет» — на избранных рабов Его, чьи души были пусты в природной темени и не стяжали. Всевышний возвеличил изливание и выпускание [божественных сил], сравнив их с вдуновением. Сие [вдуновение] осуществляют в

душе воскрешаемого, на оную влияя, те, кто установлен для опеки сущего; сим вдуновением, как молнией, поражаются все, кто на небесах и на земле¹⁵, дабы воскреснуть в совершенстве, будучи благодаря оному совершенству актуальным (как мы то показали во введении к сей книге), научая сущих в чувственном бытии людей причинам спасения и счастья, единобожию и поклонению, чтоб были они этим счастливы. Он научает их Писанию и мудрости, без знания коей осталось бы у них знание лишь того, что влекомо смесью и природой, а это противно религии. К тому речение Всевышнего о Мухаммеде: «Он (Бог.— А. С.) из среды сих безграмотных воздвиг (*ба'аца*) посланника, читающего им знамения Его, обучающего их Писанию и мудрости, хотя они прежде того были в очевидном заблуждении»¹⁶, следуя суждениям собственного разума,— а также и о всех пророках: «Люди были единой общиной»,— то есть единой в невежестве, «потом Бог стал воздвигать (*ба'аца*) пророков благовестниками и угрожателями, и с ними ниспослал Писание и в нем истину»¹⁷.

А что касается [вдуновения], передаваемого человеком, принадлежащим миру Природы, то оно названо было воскресением потому, что он передает знания от воскрешенного вторым воскрешением, поднятого на ступень совершенства посланника и научает тому, в чем дается воскресение. Так осеняет людей благостью поддержанный [небесами] воскрешенный: то, чему научает он их, к чему зовет и чем их выправляет, есть для них причина снискания счастья в этом мире и путь обретения вечной жизни в мире ином. Сие в душах их есть как бы растительная душа, причина наличия растительной силы, и от сего они воскресают. Как сказал Всевышний о сынах Израилевых, оставивших устои веры и взывавших нелепого (а таковые причисляются к мертвым, к идущим по пути муки), коим благодатно указал Он путь к счастью: «Потом, после вашей смерти, Мы воскресим вас, предполагая, что вы будете благодарны»¹⁸. А начинается сей стих так: «Когда вы сказали: Моисей! Мы не поверим тебе»¹⁹, то есть когда вы сказали: Моисей! Не будет веры сказанному тобой, что, как утверждаешь ты, исходит от Бога, «покуда открыто не увидим Бога»²⁰,— покуда чрез сенсительное сущее не покажешь нам того и не научишь нас тому, чрез что, оно правдивым признав, узнаем мы, что — от Бога, а что — не от Него, так что будет это нам мерилом,

кое приложим к твоим словам, к словам других, к тому, что говорили или скажут маги и кудесники, и будем все это истинно знать, уверовав и признав, что ты — от Бога, кроме Которого нет бога. «За то молния поразила вас»²¹,— охватила вас мука растерянности, которая приведет вас к загробным мучениям, ибо вы ослушались его и требовали от него разъяснения того, что дается вторым поклонением, кое Он устраивает чрез других, а не первым поклонением, кое именно к нему (Моисею.— А. С.) относилось, «когда ваш взгляд был открыт»²²,— тогда как знали вы, что таковое невозможно и нелепо и что пророки не преступают пределов своих рангов в явном управлении, то есть сбирании на пути к счастью разбредшихся сердец, разноречивых воль, душ знающих и невежественных. «Потом Мы воскресили вас»²³,— ниспослали вам благодать, то есть разъяснили вопрос второго поклонения знанием, воздвигнув среди вас [небесами] поддержанного, силами Царства наделенного посланника (*маб'уц*), который учит вас после Моисея скрытому поклонению, дабы в этом научении обрели вы просимое второе поклонение, присовокупив к первому, явному поклонению жизнь,— но не ту, сенсительную, что и так есть у вас, а жизнь вечную, «после вашей смерти»²⁴,— после того как вы, возжаждав невозможного, встали на путь тех, кто мертв для загробного мира, «предполагая, что вы будете благодарны»²⁵,— так неужели не будете благодарны вы за сию милость, состоявшую, во-первых, в том, что был к вам послан [небесами] поддержанный Моисей научать вас поклонению действием, кое приближает вас к обители Святости, и, во-вторых, в том, что был для вас воздвигнут обучающий второму поклонению, каковое есть знание, дабы смогли вы стать как приближенные ангелы?

Конечное же есть второе вдуновение. Оно относится к воскресению Судного дня, когда исполнятся все циклы и свершится актуализация знания, когда покинут души тенета научения со стороны [небесами] поддержанных. Сие есть соединение сил первого предела (то есть Первого Сущего посредством Первого Творения, Первого Эманировавшего посредством Первой Эманации (*аль-инби'ас аль-авваль*), именуемой духом Святости) со вторым пределом, каковой есть полнота второго воскрешения (*аль-инби'ас ас-сани*) человека (бытие коего связано со свершением семи циклов поддержанными [небесами] воскрешенными) в царстве Природы.

Это и есть «новое творение» и «иное творение», собирающее все души (коим случилось быть от первого до последнего из веков), стяжавшие в дольней жизни своей, в свое время оставившие свои тела, собравшиеся вместе в ожидании исполнения предначертанного, когда восстанут они и божественные силы заструятся в душах подобно тому, как начинает струиться в новорожденном чувственная жизнь: возгорается пламень ее, и выявляется ее воздействие, — а ей предшествует бытие растительной души, каковая подобна тому, что обретается знанием и деяниями, которые дают сим божественным силам быть и возвращают второе в первое. Сие есть второе вдуновение, для коего первым вдуновением является, как мы показали, научение в дольном мире пророками и заветниками.

Сказал Всевышний: «Когда раздастся звук трубы, в тот день между ними не будет уже никаких родственных отношений, не будет взаимных расспросов»²⁶, — когда сполна обнажатся формы и будут собраны, воссияют в них светы Царства, и тогда никакая из них не будет иметь ничего, кроме как точно в меру того орудия, что приобрела она стяжанием: там не действительно родство, как то имеет место в дольном мире (где душа и благородна, и величава, и могущественна потому лишь, что родом из благородного и сильного племени, и наделена благом в силу одного этого, даже если сама не отличается ни силой, ни добронравием, ни воспитанностью, ни усердием в деяниях), ибо та обитель — обитель справедливости, а таковой может ли быть, если не воздается в ней по заслугам?

Сказал Всевышний: «...день, в который протрубится в трубу, и вы пойдете толпами»²⁷, разумея здесь предержателя седьмого цикла, коему случится быть в последнем из циклов, когда он будет вначале послан (*ба'а*) в мир Природы так же, как посылаются и прочие предержатели циклов, и станет повиниваться ему народ за народом, «раскроется небо и сделается вратами»²⁸, — когда будут воздвигнуты им (предержателем седьмого цикла. — *А. С.*) врата для пристального исследования всех поклонений, «двинутся с места горы и покажутся маревом»²⁹, — уйдут заместники всех областей (*асх'аб аль-джазай'ир*), поставленные, чтобы распространять призыв к знанию, и направятся к месту пребывания его (предержателя седьмого цикла. — *А. С.*), и не будут открывать никому никаких знаний: для тех, кто ищет их,

станут они как марево, что ничего не содержит. Сказал Всевышний: «Прозвучит труба»³⁰. Тут разумел Он предержателя седьмого цикла, оные циклы завершающего, того, кем свершается «новое творение»: он отверзает врата воздаяния сначала в царстве Природы, а затем в царстве загробном; сие и есть первоначальное вдуновение: разумел Он сим именно первоначальное, так же как было первоначальным Его вдуновение в предержателей [прочих] циклов, «и будет, как молнией, поражено все, что есть на небесах и на земле»³¹, — воцарится среди приверженцев всех религий растерянность по поводу слов и дел его (так же, как воцарялась она среди них по поводу каждого первоначального вдуновения в каждом цикле), «кроме тех, кого исключить из сего пожелает Бог»³², кроме тех, кто знает ступень его (предержателя седьмого цикла. — *А. С.*), кто и прежде веровал в него и им был устроен, «потом прозвучит она в другой раз»³³, и начнет он даровать мудрость и ясное доказательство, разъяснять все сказания пророков, от первых до последних.

Тогда не останется никого, кто не светил бы светом его, как о том сказал Всевышний: «Земля озарится светом Господа своего»³⁴, — знанием сей великой, Богом посланной границы, а также: «Положено будет Писание»³⁵, — он всякому писанию даст должное расположение, «приведены будут пророки и свидетели»³⁶, — приверженцы всех исповедных сект, «и рассудятся они праведно»³⁷, каждый в том, с чем связан был. Тогда всякое знание будет должным образом населением земли познано, и дано будет всем отправлять только поклонение, все предшествующие отменяющее, и будет то рассуждено возгоревшимся светом [небесной] поддержки. Тогда все формы станут единой, всеформы-собравшей формой, и станет полной она на высшем из небесных свитков, у врат покровы (*баб аль-хиджаб*), и тогда — о горе той душе, что не поклонялась и не стяжала: будет ввергнута она в огонь мучений! Сие — то время, о коем говорится, что клады земные явлены будут в Воскресении: тогда всякая форма будет иметь, соответственно стяжанию своему, в самой себе другие формы (как в теле, где всякая часть его — рука, нога, палец и прочее — обладает формой); сие — та буква (*харф*), о коей говорится, что в ней — форма всякой живой твари на земле.

Итак, исполняется воскресение при предержателе седьмого цикла так, как мы то показали.

За воскресением же следует Страшный Суд (*хисаб*). Сие есть действие, коим душа дает сама себе награду (то есть усладу и радость) и наказание (то есть страдание, мучение и скорбь). Действие сие распадается на существующее в дольном мире и существующее в мире загробном.

То, что существует в дольном мире, двояко: одно — всеобщее, другое — частное. Всеобщее — это то, что душа осуществляет для себя немедленно в каждый момент времени, а частное — то, что осуществляет она для себя немедленно не во все моменты времени.

Всеобщее, осуществляемое душою для себя во все моменты времени, — это то, что исходит от души во всякий момент и во всяком месте, когда она, исполняя законоположенные пророками и посланниками Божьими (мир им!) обряды религии, ищет тем самым величия, высокого положения и почета в глазах людей, желая, чтоб говорили о ней, что она щедра или богата, или же облекается в благие формы (и тогда считают ее таковой), выставя напоказ исполнение законов обоих поклонений. Таков, к примеру, человек, усердствующий в молитве и направляющий в мечеть не ради близости к Богу, и не потому, что взыскует лика Его и усмиряет свою гордыню, и не для того, чтобы исполнить должествующие обряды исповедания, но чтобы пройтись в красивой одежде, чтобы говорили о нем люди, что он именно таков, каким в душе своей казаться желает, или чтобы выставить напоказ свою печаль, — дабы чрез то немедленно получить желанное: это награда его. Таков же и облачающийся в плащ целомудрия и добродетели, если делает это не для того, чтобы упражнять душу свою, исправлять ее и удерживать от того, к чему склонны погрязшие в пороках люди (а подобное деяние принесло бы ему совершенство, от коего проистекает вечное пребывание и блаженство), но дабы, втеревшись в доверие, вытянуть из другого деньги, или приобрести репутацию, или получить иное средство устроить свои мирские дела. Такова награда его, к нему немедленно приходящая как результат его аскетизма и добродетели; и пусть его удел в мире загробном, ибо он — лицемер. Или же, к примеру, тот, кто небрежен в делах двух спасительных поклонений, кто уклоняется от исполнения приказаний и законов Всевышнего и не признает Его святых, пророков и посланников; немедленно покроет его позор и бесчестье вечной муки и скорбной печали: таково его

немедленное наказание, не считая наказания предстоящего.

А что до того, что есть в ней (душе. — *А. С.*) не во все моменты времени, но относится лишь к некоторым из них, то таковое проистекает от духом Святости поддержанного посланника (*мабу'ул*), от предержателя седьмого цикла, когда воссоединяются с ним силы Царствия (что обозначается как «второе вдуновение») в день Воскресения и свершаются все циклы, тогда, когда исполняет он оказавшееся не по плечу прочим предержателям циклов, когда являет то, чего не смог явить ни один из ему предшествовавших чистейших посланников Божьих (да благословит их Бог!) и выполняет обет, данный Всевышним творению Своему.

Об оном речение Его: «Бог не оставит верующих такими, каковы вы теперь, не отделив порочного от добро-го»: ³⁸ в том все сойдется так, как было Им размерено, чрез движения небес помогающие, а под оными расположенного — приближающие и с теми согласные. От сего воспыхает огонь могущества (*кудфа*), и сим глаголить будет язык Истины: нет бога кроме Него, Всеславного и Превознесенного над всяким атрибутом твари Своей; и только Ему принадлежит приказание в царстве мудрости Его, и пред Ним склоняется всякий лик. О сем сказал Всевышний: «Это день, в который люди будут как бабочки разогнанные; горы будут как шерсть расщипанная»; ³⁹ сим говорит Он: все люди в то время преклонят пред ним (предержателем седьмого цикла. — *А. С.*) колени, повинувшись, исполины же среди них, кои суть как неприступные вершины, будут унижены и станут податливы, как шерсть. Тогда соберутся люди для вопрошания и отчета, тогда будут собраны все, чтобы получить воздаяние за то, что стяжали деяниями своими: «Выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния» ⁴⁰, и будут вопрошаемы они, как сказал Всевышний: «С их всех Мы, клянусь Господом твоим, потребуем отчета в том, что делали они» ⁴¹. Сие клятва именем Господа Мухаммеда, Возвышенного ступенями, мир сохраняющего и посланников поддерживающего (как мы о том сказали), и тем выделенного из всех вокруг Престола приближенных ангелов.

Он поддерживает предержателя седьмого цикла, чтобы спросить отчета и дать согласие на писанные законы и обряды повиновения, пророками в обязанность вмененные от имени Бога, извещая, что сие истинно есть. Ибо сказал

Он: «Мы с них всех потребуем отчета» — сделаем сие, и всех их Божьей истиной укорим за их деяния. О сем сказал Всевышний: «А когда они предстанут, скажет Он: посчитали ли вы Мои знамения ложными, не объяв их знанием...?»⁴², — то есть отвергали ли вы [небесами] поддержанных, людей Царствия, и не стяжали от них ничего, и не пошла вам на пользу их благодать? Для чего же, по-вашему, Мы сотворили их? Разве не знали вы, что есть у вас Господь, вам предписывающий и воспрещающий, вам воздающий благом и вас за ослушание карающий? Ведь сказал Он: «Мы спросим с тех, к кому было отправлено послание, и с тех, кто были посланы, и расскажем о них все с полным знанием: ведь Мы никогда не отсутствуем. В тот день вес будет истинен»⁴³, угрожая и обещая исполнить угрозу сказал: Мы спросим с последователей за исполнение должного в религии Божьей, и будет то вопрос укоряющий, исполнили ли они то должное, как им было приказано, или чем другим были заняты? — дабы утверждали они самость свою, на ее знание опираясь, и тем держались Истины. «...И с тех, кто были посланы» — с тех, кому следовало (а говорит Он сие впоследствии): будет спрос с посланников (мир им!), кои суть те, кому следовало, за то, что законоутверждали они; пусть явятся вновь со всеми законами своими, дабы согласились с ними их ведомые, мы же расскажем им все это со знанием дела и по истине, ибо Мы от них не отлучались ни во времена прошедшие, ни во времена еще предстоящие границам религий Всевышнего. «В тот день вес будет истинен», — опорой во всем том будет чистая и ясная Истина, поскольку исчезнут все к тому препятствия, из-за которых поддержанные посланные пророки медлили с исправлением своих последователей, откладывая его до того времени, когда возможным станет утвердить (*ильзъм*) Истину и разделить Истину и ложь. Тот день — день Истины; его поддерживает сила, и со всех сторон идет к нему помощь. Тогда творит он (предержатель седьмого цикла. — А. С.) только должную Истину, отделяя добрых от злых, как о том поведал Иисус (мир ему!) в притче о землешце. Тот землешец засеял поле, и взошли ростки, и были среди них слабые. Он же, свои всходы жалея, не мог их выполоть, и оставил до полного созревания, а затем стал отделять одно от другого: оставил то, что имело колос,

прочее же предал огню (да убережет нас Бог от муки в мире этом и мире загробном!).

А имеющееся в мире загробном исходит от Сотворенных и Эманационных Разумов благодаря тому научению, что струится в восприимлющих душах от духа Святости с появлением в природном мире незапятнанной души, предержателя седьмого цикла, и ввиду того, что свершаются для ононого все причины счастья, как Природные, так и Царственные. Тогда для всякой формы исполняется, как то знанием предписано, все, что должно ей и что она должна, в точнейшем соответствии с тем, как то постановлено Богом в обители мудрости Его — тогда ликует счастливый и зол удел несчастного. Ведь в первом бытии своем в дольном мире, когда начинает душа трудиться, она есть стягающая субстанция, и что та субстанция стягает, то и остается в самости ее, как написанное остается на бумаге (либо на ином подобном восприимлющем материале), ибо самость той субстанции внедрена в самость души и воспримлет воздействие. А потому та самость — книга, о ее стяжании повествующая, душа же, как мы говорили, заложница того, что смогла накопить. Именно таков смысл речения Всевышнего: «Книга праведников — в Высях»⁴⁴, а также: «Книга нечестивых — в Узилище»⁴⁵, — то есть [в Высях и Узилище] души праведников и нечестивцев, исписанные тем, что стяжали они (о сем пойдет дальше речь).

Поскольку та самость есть жизнь, в-самой-себе знающая и полная благодаря тому, что приемлет от нами упомянутого вдуновения духа, то пока та субстанция такова, она не знает, что среди стяжания сей субстанции (кое происходит в соответствии с тем, какова форма души) согласно, а что противно тому, к чему приходит душа. Однако же она узнает сие, как только расстается со своим телом, как только исчезает все то телесное, что заслоняло от нее собственную самость. О том говорится в передаваемом изречении пророка (да пребудет с ним мир и благословение!): «После того как усопшего похоронят, будет он держать отчет. И тогда откроются пред ним врата рая, если он принадлежит к числу обитателей ононого, или же — врата геенны, если там его обитель: так узнает он, снискал ли милость или же будет терпеть муку». И вот, вглядывается она в самость свою (рассматривает, что именно стяжала она — то ли дорогое, то есть добро, то ли ненавистное,

то есть зло) и узнает, соответствует ли добро злу и равны ли они друг другу, или же одного больше, а другого меньше,— так же точно, как в дольном мире познает природу (*хильфа*) свою, и насколько в ней одно равно другому. Это и есть отчет (*хисаб*) души, в самую свою вглядывающейся. Посему сказал Всевышний: «Читай книгу свою!»⁴⁶ — вглядись в душу свою, насколько усерден ты был в обоих поклонениях и что стяжал ими, «сегодня довольно души твоей, чтобы спросить с тебя отчета»: ⁴⁷ не нужно никого, кроме тебя, чтобы сказать, что струилось в тебе, довольно самости твоей (то есть твоей души), чтобы ты из нее узнал, как устроил ее, трудясь и избирая, она же обеспечит тебе вечное пребывание и счастье подле Творца либо страдание, муку и удаленность от высшего сонма. Тем и определится сие расследование.

Это узнавание и есть возникновение муки и страдания или улады и радости. Здесь дело обстоит точно так же, как с человеческим существом, которое, предположим, еще находясь во мраке чрева, уже было бы наделено знанием и стремлением обладать ремеслами и искусствами, коих бытие связано с орудиями, физическое существо человека составляющими. Пусть, далее, ремесла и искусства составляют совершенство сего человеческого существа, завоевывая ему пребывание, блеск радости и уладу. Ремесла же и искусства оные суть управление, осуществление государственной власти, каллиграфия, занятия визиря или лекаря, наблюдение звезд и планет, набожность, частое посещение Божьей обители и прочее, что доставляет уладу и радость. Предположим, что сие существо знало бы как и способно было бы правильными сделать те орудия, что потребны для ремесел и искусств, уладу ему приносящих, а могло бы и испортить их, промедлив с совершенствованием их. Предположим, наконец, что надлежит сему существу усердствовать в том и стяжать сие, находясь еще во чреве, до выхода своего на воздух. Тогда, каков был выбор его и как использовало оно способность свою для стяжания, находясь во чреве, то и получит, оказавшись вне его. Оно могло плохо стяжать и применять свою способность, так что ущербными вышли части того его орудия, коим исполняется желанное ему ремесло; или же — хорошо, так что получились орудия совершенными и правильными. И вот дарует ему Всевышний еще большее знание самости его, какова душа его.

Дабы знал тот человек, что воспрещаемое ему воспрещено по заслугам его и что разрешаемое разрешено заслуженно, обращаются к нему со словами справедливости и говорят: взгляни, каково тело твое, необходимое для исполнения тобой искомого, оно одно может быть судьей тебе, заслужил ли ты то ремесло, что избрал для себя. И вот взглянет он на себя и найдет, что орудия тела его ущербны и для искомого ремесла непотребны: там, где нужна твердая рука, он сухорук, где нужны ноги, он хром, где нужны уши, он глух, а где требуются глаза, там он близорук; или же посмотрит и увидит, что вполне совершенен и силен. Тогда ущербность орудий либо их совершенство и сила уверяет его, что он пригоден к ремеслу своему и заслуживает его либо же не пригоден и не заслуживает. Если окажется он ущербным, непреходящая печаль станет уделом его, и поселится в нем непрестанная мука; станет он горевать о том, что не подготовил как должно орудия свои, пока еще было то возможно, что недостаточно стяжал причин счастья своего, благодаря коим мог бы восседать в кресле властителя и заниматься управлением или совершать ратные подвиги, или лечить людей, или наблюдать звезды, или стать подвижником. Но таковым он останется вовеки, и не избавиться ему от оно, что не позволяет ему достичь желанного, и уж не вернуться ему никогда туда, где было возможным стяжание — во чрево, в коем сотворен был и из коего вышел.

О сем речение Всевышнего: «Или ждут они еще чего, кроме объяснения его (Писания.— А. С.)»⁴⁸. Сим говорит Он: хотят ли они еще чего, кроме знания второго поклонения, коего возжаждут в день Воскресения, каковой день явлен будет предержателем седьмого цикла? «Те, которые забыли его прежде того» и не приняли его, так что стало оно забытым, «скажут»: ⁴⁹ те проповедники суть посланники пророка и заветника (мир им!), и истиной было то, к чему они призывали нас; так кто же теперь будет научать нас? «...Или нам возвратиться назад и свершать деяния?»⁵⁰. «Они потеряли души свои»⁵¹, презрев свою религию, и теперь время их упущено, «и сгинули от них»⁵², — то есть ложью против них обернулось все, что утверждали они, ибо уже достигнут предел научения и просвещения, ибо уже невозможны более отсрочки и проволочки: исполняется предначертанное Богом.

Если же окажется, что тот человек полон и силен, что в прежние дни свои он познавал и стяжал, то не будет конца усладе его и не прервется его радость; и прочее испытает он, что невозможно описать чрез доступное нам сенсительное.

К сему присовокупим, что правитель наш аль-Хаким би-Амриллах (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Если б не была душа столь занята делами тела, употребляя свои орудия в погоне за удовлетворением желаний и целей, то от свершаемых ею в дольном мире прегрешений и ослушаний чувствовала бы в себе боль тут же, как только свершаются поступки ее. Однако же она, занятая интересами тела, не знает, что с нею, пока не расстанется с телом своим и не останется наедине со своей самостью: лишь тогда ощутит она в себе постигшие ее боль (так же, к примеру, человек, занятый чем-либо, отвлекается от своей боли и не чувствует ее, пока сердце его не покинет то занятие — тогда возвратится к нему та боль, и вечно будет он терпеть сие страдание, подобное мучительно сжигающему тело огню), страдание и тому подобное, что будет длиться вечно. Сие и есть терзание и мука» (дай Бог нам быть Ему покорными и Его приказаний не преступать!).

Коль скоро так обстоит дело с прегрешениями, то и о благих деяниях и добродетелях следует рассуждать таким же образом.

Однако что касается познания чуждой награды и наказания и ясного изложения оной, то путь к тому закрыт для всех, кроме поддержанных [небесами]. Возможно же в сем вопросе, как говорили владыки наши (мир им!), лишь уподобляющее сравнение с вещами сенсительными, со зримым и известным. Так же поступал и пророк (мир ему!), зная, что запечатлеть и сообщить призыв своей людям (о Боге едином, всевышнем, вознесенном над атрибутами, об ангелах, о рае, геенне, награде, наказании и прочем) во всей истине его невозможно, ибо сии предметы постижению чувством недоступны. К примеру, о рае и блаженстве он (мир ему!) выразился иносказательно: «Того не зрело око, не внимало ухо, и сердце людское не чуяло»; сие речение скрывает от разумов суть свою, ибо та им недоступна. И вот говорил он о сих предметах, описывая их атрибутами сенсительного, что доступны познанию людей благодаря угото-

ванным им орудиям, дабы приблизить познание оных к их пониманию, чтобы они их восприняли, возжелали и взыскали. Так же и Всевышний изначально в Писании Своем придал Себе атрибуты знания, могущества и жизни, слуха и зрения, довольства и негодования, гнева и милости, а также прочих, ведомых нам вещей; об ангелах сказал, что они молятся, воссылают хвалу и поют аллилуйю, а что им приказано, исполняют; о существах райских говорил как о тени, водах и реках, деревьях и плодах, гранате и винограде, юных отроках и велеоких красавицах, кубках и чашах, мягких подушках и седалищах, скромных взглядами [женщинах]⁵³ и прочем, нам ведомом; о том, что в аду, говорил как о пламени, страдании и муках, кипятке и помоях⁵⁴ и прочем, что чувству доступно. Ведь те предметы, о которых сказывается, подобны тому, что о них сказывается; или же — то, что о них сказывается, приближается к ним в каком-то отношении. Так души приближаются к сим предметам и научаются, дабы, познав сии подобия, быть в силах единообразно постичь и необходимость тех [высших] подобий; тогда возгорается в них тот огонь жизни, что становится совершенным при расставании [с телом].

Большей ясности не дано достичь в изложении этих вопросов. Однако же должно сказать, что мука души превосходит всякую сравнимую с ней муку и боль в дольном мире, а награда — всякое сравнимое мирское блаженство. К примеру, о райской пище говорится, что сладость ее остается во рту вкусившего столько-то тысяч лет; а сказано так для того, чтобы приблизиться к нашему пониманию; однако ступень тех предметов выше известного нам сущего не в несколько, и не в десять, и не в сто тысяч раз, а намного больше (да дарует их нам Бог по милости Своей!).

Для сравнения представим себе во чреве матери зародыш, наделенный знанием. Если бы кто сказал ему, что вне сей обители (то есть чрева) есть некий просторный и вместительный мир, есть тень и свет, огонь, воздух и земля, светила и небесные сферы, чистые и вкусные кушанья, то из этих слов сей зародыш не смог бы ничего запечатлеть, ибо ничего такого он не видел, не слышал, не представлял и не познал, и в ответ наверно бы задал вопрос: «На что же это все похоже?» И вот тогда, чтобы дать ему понять это, нам не было бы иного пути, как воспользоваться для разъяснения

этой вести тем, что есть во чреве и в его теле (а это — кровь, желчь, черная желчь, флегма, печень, легкие, селезенка, кишки, желудок и прочее). Тогда мы сказали бы, что объемлющее его чрево схоже с объемлющими небесными сферами, флегма и слизь — с водой, желчь, согревающая желудок, — с огнем, сердце — с солнцем, мозг — с луной, печень и прочее — с прочим, а то, чем питается его тело, — со вкусными кушаньями. Так каждое мы сравнили бы с каждым, а затем сказали бы: все те предметы далеко не таковы, как то, что видишь ты здесь, но многоразды превосходят оные степенью, дарованные же тебе орудия (око, рука, нога, ухо и прочее) даны для постижения тех предметов, — ведь здесь, во чреве, они тебе не надобны. И тогда он запечатлел бы скрытый от него мир как схожий с тем, что о нем сказывалось, учтя различие состояний уподобляемого и подобия. Таково же, в точном соответствии, и соотношение между миром Святости с его сущими и миром Природы с его сенсительными вещами: оные не таковы, как эти, а об обретаемом там говорится как об усладе и муке ради приближения и уподобления.

Награда душ, обретших усладу, различается тройко. Во-первых, души в загробном мире превосходят одна другую в зависимости от благородства и возвышенности того, чем сумели стяжать они свои добродетели. Это различие — как бы видовое. С ним в нашем мире схоже превосходство мастеров одних искусств над другими: из двух различных по виду искусств одно превосходит другое (к примеру, изготовление благовоний, подшивание, изготовление кунафы, танец, фикх, ткачество, вязание и прочее), так что в зависимости от превосходства искусства один мастер превосходит другого. Таковы же и Законы, по коим поклоняются Богу и благодаря коим стяжают душевные добродетели. Сии Законы суть как бы разные виды, а потому тот, кто поклоняется Всевышнему по Закону Мухаммеда, господина пророков — да приветствует Всевышний его и род его! — (а сей Закон — самый полный и все блага собравший), не таков, как поклоняющийся Богу по Закону предшествовавшему, но лучше его; сия есть ступень высочайшая, превосходящая ступени предшествовавших поклонений.

Другое превосходство душ в загробном мире одной над

другой зависит от того, все ли исполняли они из необходимого для стяжания добродетелей или только часть одного. Это различие — как бы количественное. Подобно тому превосходят один другого мастера в одном и том же деле, в зависимости от того, всеми ли деталями этого дела владеют. Один, к примеру, полностью освоил каллиграфию (для чего необходимо знание науки о языке и грамматики, владение эпистолярным искусством, хороший почерк и знание счета), другой из одного владеет эпистолярным искусством и имеет хороший почерк, а третий знает науку о языке, грамматику, эпистолярное искусство и имеет хороший почерк. Тогда тот, кто овладел всем, будет превосходить других; и то же следует сказать о прочих в должном порядке. Так же обстоит дело и со всем, что объемлют оба поклонения в благородной вероисповедной общине. Один, скажем, поклоняется Богу, произнося слова исповедания веры⁵⁵ и творя молитву, другой произносит слова исповедания веры, молится, платит закят и постится, третий, кроме того, совершает хадж и все прочее, что включается в оба поклонения. Тогда тот, кто поклоняется Всевышнему знанием и деянием во всем, ничего не упуская, будет превосходить того, кто совершает лишь часть одного.

И в-третьих, души превосходят одна другую в загробном мире в соответствии с тем, как исполняли они то, чем стяжаются добродетели. Это различие похоже на взаимное превосходство мастеров в каком-то одном компоненте своего дела. Пусть два каллиграфа владеют в своем искусстве только почерком и счетом; если один из них в том сильнее другого благодаря лучшей выучке, навыку и практике, то он того превосходит. Так же различаются и люди обоих поклонений в исполнении частей Закона, кои суть божественные обряды: кто в молитве, омовении или прочем, либо в приобретении знания о том, что включают сии поклонения, настойчивее и усерднее другого, тот того и превосходит.

Таковы разряды превосходства обретших награду; самости их несут на себе печать того, что сии разряды обуславливает. О знании этом не дано догадаться тому, кто не закален в горниле обоих поклонений, кто не устраивал свою самость благими деяниями и божественными знаниями, запасаясь благочестием⁵⁶. А потому воспоследуют небесному призыву только те, кто к тому высокую готовность проявит,

чья душа к сему упражнению способна. Такие искусны в словах и речах, в научении и уподоблении скрытого ближайшему, одному скрытому соответствующему и однородному, воспроизводя его в ближайшем (как, к примеру, мы говорим, что зримый образ человека, то есть телесный остов его, ближе к человеку истинному, нежели видимый в зеркале либо на поверхности воды), следуя в том установлениям и речениям поддержанного небесами, того, кто избран среди народов для откровения, кто для исполнения целей к нему отовсюду стекающей благодати наиболее подходящ.

В сей способности научения различаются ученые и проповедники. Прочих превосходит тот, кто может ближе всего к пониманию запечатлеть вещь и научить ей. Далее, и люди превосходят друг друга в познании того, чему научаются: одному довольно намека и малейшей подсказки, другому же нужно приводить одно за другим подобия, в результате чего воспроизводящее все дальше удаляется от воспроизводимого не по вине учителя, но из-за недостаточной способности ученика к запечатлению. Так что правильной то толкование (*та'виль*) и уподобление (*тамсиль*), которое истинней, лучше, обладает большей внутренней связью и соразмерностью, меньше отклоняется и противоречит [предмету толкования и уподобления]. А знанием сих скрытых вещей владеют, как мы сказали, посланные пророки, предела совершенства достигшие: на сем фундаменте возводят они здания своих установлений. За ними следуют мудрецы, кои суть худджи. А что и проповедники бывают такими, мы сказали потому, что в призыве своем должны они быть сами себе полезны, дабы и другим была от них польза. Ведь дело это нешуточное: упаси нас Бог обратиться в поисках знаний к тому, кто более ищущего нуждается в том знании! Такой будет отвечать, что придет в голову, если только вера не охранит его от греха и честность не заставит молчать о том, чего не знает.

А в общем говоря, предел искомой награды описал Всевышний в Писании Своем: «...в садах и среди рек, в обители правды, пред Царем Всемогушим»⁵⁷. Сказал Он: «Все, что они делают, вносится в книги»⁵⁸. Книги загробного мира суть души, вносит, говорит Он: все, что стяжали они знанием и религиозным деянием, сохраняется записанным в самостях душ. «Все, малое и большое, записывает-

ся»⁵⁹, — все прегрешения и грехи, что в ослушании или отдавшись страсти совершили они, суть в самостях их. «Благочестивые будут в садах и среди рек»;⁶⁰ сим говорит Он: так обстоит дело со стяжаемым добром и злом; и тем, кто отправляет оба поклонения, не отступает от приказаний Всевышнего, кто, стяжая и познавая, установил свою соотнесенность с обителью Святости, — тем отдана она, и нет для них препятствий на пути к желанной цели. «...В обители правды»⁶¹ — то место есть Истина (*аль-хаққ*), кою достичь могут лишь идущие путем обоих поклонений, явного и скрытого. «Пред Царем Всемогушим»⁶², пред Величайшим Властителем, благодаря Которому существует сущее, вокруг Великого Престола, прославляя и восхваляя, ликованием и блаженством упиваясь от того, что в их самостях возникает, когда постигают они Его, постигают то, «чего не зрело око, чему не внимало ухо»⁶³.

О рае же скажем следующее: вечность и непрестанность — атрибуты его, и весь он — услада; неизменен, не знает привходящих состояний и никогда не переменяется. Таковое и есть первый предел сущего, что существует благодаря творению Всевышнего, над всеми атрибутами Вознесенного; сей предел — за высшим из небес, и это он именуется «Крайним Лотусом»⁶⁴. Это и есть Первое Сотворенное, то есть вечный первый двигатель, поддерживающая причина всех поддерживающих причин, Первая Эманация и все приближенные эманационные ангелы; к сему стремится всякое движущееся создание, по сему томится всякое набожное (*мута'аллих*) сущее. И называют их (Разумы, или ангелов. — А. С.) многими именами, в соответствии со ступенями, что занимают они вокруг Престола. Рай и есть царство Святости; однако же «райская обитель»⁶⁵ — это обитель и место сбора воскресших разумов из мира Природы и представляющих разумеющих душ, что обрели награду. В нем, в раю, благочестивые; это о нем говорят, что он — у Крайнего Лотуса, за телесными пределами, близ Приближенного Ангела, коему препоручен мир, с коим связаны души, к коему, в мире чувства находясь, прибегают они за помощью.

О сем говорит Всевышний в Писании Своем, начиная со слов «О да, книга праведников — в Высях»⁶⁶ и кончая словами «оно растворено влагою Таснима, источника, из которого пьют приближенные»⁶⁷. «О да» — частица, ут-

верждающая истинность последующих слов. «Книга праведников» — душа праведников, которая в дольней жизни своей, еще не отделившись в деяниях своих от тела, жидовала приказаниям Всевышнего и посланника Его (мир ему!), «в Высях» — вкушает счастье стоящих на высокой ступени пророков, имамов и святых угодников, кои самостно возвышены (сим говорит Он: Выси — свиток небес вне телесных пределов) вокруг Престола. «О если бы ты знал, что такое Выси!»⁶⁸ — поразишься ты, если узнаешь, что суть Выси. «Это ясно написанная книга»⁶⁹ (здесь разъясняет Он, что суть Выси), — это воскрешенная вторым воскресением душа, на которой высечены все божественные знания, от начала до конца: их стяжала она, собрав все обретенные чистые формы от начала и до конца циклов (таковы пророки, имамы и последующие границы); она — как высшее небо, все формы собирающее. «При ней присутствуют Приближенные»⁷⁰ — в прошедших циклах поддерживали ее бес[телесные] Разумы (кои суть приближенные ангелы), соединяясь с ней святыми светами, на нее влияли и воздействовали (как воздействовали и на небеса), свершая новое творение. Сие речение Всевышнего означает, что рай для души — это счастье, из царства Святости чрез поддержанных [небесами] черпаемое, и что она в том Приближенному Ангелу уступает.

Далее сказал Он: «Истинно, благочестивые будут блаженны»⁷¹, оное речение с «О да» связав: известив о бес[телесных] душах, что они счастье среди ровни своей вкушают и что есть им подобные, из царства Природы к ним еще не взошедшие, еще не взошедшие также и во времена предержателя Воскресения (то есть [предержателя] седьмого цикла), когда «протрубится [в трубу]», теперь вновь говорит Он о них, какими будут они тогда. Их назвал Он: они еще в телах своих, от оных не отделившись и перехода не свершив, отправляют, благочестивые, оба поклонения. И вот, сказал Он: «Истинно, благочестивые» в то время, оба поклонения отправляющие, оба счастья стягающие, «будут блаженны», — то есть хотя они еще и не взошли к тем душам, где с ними соединятся свету Святости и заструятся в них, однако же стоят на пути своем, оба поклонения отправляя, границы утверждая, оным покорные. А сия покорность и есть блаженство, о коем спросится в день Воскресения, как о том сказал Он: «В тот день с вас

спросится за блаженство»⁷². Джафар ас-Садык⁷³ (мир ему!), когда его спросили в связи с данным аятом, что думает по этому поводу простонародье, ответил: они считают, что блаженство — это прохладная влага, которой испил жаждущий в жаркий день, и что за это спросит с него Бог в день Воскресения. Но, продолжал он, Бог Всемиловивейший не будет спрашивать со Своего раба, как и почему испил он той влаги, ибо Сам же это разрешил, но спросит с него за исполнение должного, как о том приказал Он: так ли поступал он и не ослушался ли? А есть ли блаженство большее, нежели исполнять вмененное Им в обязанность и быть, как то предписано, покорным Ему? Сия непорочная покорность (утверждение границ и деяний смиренное исполнение) ведет прямо в рай, к вечному блаженству.

«На высоких седалищах, они видят все»⁷⁴ — в рядах религии прочно утвержденные, все, что Всевышним сотворено, от первого до последнего предела, знают и ведают. «На ликах их заметишь»⁷⁵ — ясно говорит состояние их, их речи и намерения, «блеск блаженства»⁷⁶, — что оба поклонения и доброе исповедание единобожия воздействуют на них, «их жажду утоляет вино наилучшее»⁷⁷ — подобно изливаемым на них предержателем седьмого цикла божественным знаниям, коим научаются они, обретая радость и ликование (ведь сила выпитого вина веселит душу человека и укрепляет ее). «Печать на нем — мускус»⁷⁸ — это изливание [знаний] и научение (что вину уподоблено) завершится в дольном мире осуществлением желанного сполна и без изъятия, а в мире загробном — обретением вечности и пребыванием близ Господа миров (а Он и есть Печать). «К сему да устремятся стремящиеся»⁷⁹ — сего, что пребывает в вечности, а не преходящего со временем, хочет разумеющий, [высоких] ступеней ищущий. «Оно растворено влагою Таснима, источника, из которого пьют Приближенные»⁸⁰, — основа изливаемых на них божественных вещей, благодаря коим снискивают они душой и телом желанное, та, что из Таснима, из высших Высей; это знание, а именно знание единства Бога (кроме Которого нет бога), Истока сущего. «Как источник, из которого пьют Приближенные», — благодаря тому знанию, знанию единства Божьего, вечны и едины Сотворенные Разумы и Приближенные.

Таков рай, сравненный и уподобленный.

Что же касается пламени, то он ведет природное сущее как к здоровью, так и к порче. Поэтому, когда он дает оному сущему согласованность и совершенство, слаженность и здоровье, его уподобляют Святости и верному путеводительству, как о том сказал Всевышний: «Доходил ли до тебя рассказ о Моисее? Вот, он увидел огонь и сказал своему семейству: побудьте здесь; я усматриваю огонь: может быть, принесу вам от него головню, или при помощи этого огня найду прямую дорогу»⁸¹. А когда он приводит к разложению и разрушению, распаду и порче, уподобляют его муке и заблуждению, как сказал Всевышний: «Их Мы сделали вожжами, уводящими в огонь. В день Воскресения за них заступников не будет»;⁸² сей пламень отличен от того: тот — верное путеводительство и совершенство, этот же — заблуждение и мука.

Именно этот, разлагающий и разрушающий пламень уготован нечестивцам, презренным отступникам и лицемерам. Сказал Всеславный Всевышний: «О да, книга нечестивых в Узилище. О если бы ты знал, что такое Узилище! Это ясно написанная книга. В тот день горе отрицающим»⁸³. «О да» — частица, утверждающая истинность последующих слов. «Книга нечестивых» — души нечестивцев, Божьи приказания отрицающих и преступающих, оба поклонения (или одно из них) нарушающих и оставляющих, «в Узилище», — в наибольшем удалении от первого предела (то есть от Высей, как о том уже говорилось), каковое удаление и есть терзание, Узилищем названное: в нем терпят муку нечестивые так же, как преступники в мире Природы затомяются на муку в темницу. Как говорят толкователи, сие Узилище представляет собой скалу, ниже всего расположенную. «О если бы ты знал, что такое Узилище», — разве знаешь ты, что есть Узилище? И далее о нем: «Ясно написанная книга», то есть испещренные письменами души, пленницы тех деяний и знаний, что стяжали они не в угоду Богу и не в послушании наместникам Его, собравшиеся вместе с себе подобными (как бы земля, письменами испещренная, ибо собрала она все формы, чувству подвластные): их настигает мука многообразных болей, что терпеть должны они (как земное сущее терпит превращения, кои суть подобие сей муки).

Вот так иносказательно известил Он нас о сих презрен-

ных душах, тела свои покинувших, и тех, кто с ними схож, — горе обитателям пламени! Мрачен их удел после перехода в мир иной во времена предержателя седьмого цикла: всякую печаль и беду испытать придется им; но сами они избрали его, уклоняясь от исполнения приказаний Всевышнего и посланника Его. Истинный же брат наш да задумается над смыслом приведенных слов! И да убоится он оказаться в наибольшем удалении от [мира] Святости и обитателей его, что близ Господа Величия, и да поостережется всякого небрежения в исполнении деяний обязательных и обретении счастья чрез познание написанного. Особо же да остережется он, как бы ему, к вечности приблизившись, в конце пути от оной не отдалиться, обольщению надежд поддавшись, и, с установлениями обоих поклонений (дарующими сравнимое разве что с дивной слаженностью человеческой) более не связанному, в пламени не очутиться: вот как терзать его будет сей пламень, мясо и кости раздирая! Вот тогда почувствует он муку во всем существе своем и, слаженность свою теряя, на низшие ступени откатится (упаси Боже от такого небрежения, ведь оно — явное бездолие!⁸⁴). В своем трактате «Единственный [о потустороннем]» мы говорили, где разумеющему должно силы свои приложить, дабы Бог в великой милости Своей путь к благу ему облегчил.

Что же до того, каковы благочестивые в последнем прибежище своем, сколь счастливы и благостны они и как чудесно радуются, то это описать невозможно; разве сравнить это вот с чем. Представь себе страну с горячим воздухом и тяжелой водой. Представь, далее, что некий житель той страны болен лихорадкой, да и все население ее, подобно ему, поражено недугом. Далее, правит той страной великий властитель, всегда о подданных своих заботу, милость и сострадание являющий. Ежемгновенно обращает он призыв свой ко всем им, дабы, их проверив, каждого особо по заслугам облагодетельствовать. И вот, видя, что некому помочь нашему больному (да и прочим жителям), властитель посылает к ним врача, дабы изгнать болезнь; желает он, чтобы больной, выздоровев, смог в назначенный час и день явиться к нему вместе со всеми здоровыми и насладиться уготованным им блаженством, дабы мог властитель излить на них соответствующие чудесные блага. Врач приходит к больному, щупает пульс, смотрит, каковы отправления

тела, и видит, что скопились в больном дурные смешения (*ахлят*), свое воздействие оказать готовые. Он спрашивает больного, что тот ест и пьет, и тот рассказывает врачу об этом и говорит, что не может противиться желаниям своим. Поскольку такое проистекает от испорченности смеси (*ми-зэдж*), врач убеждается, что болезнь уже набрала силу и явила свои признаки.

Тогда он наказывает больному воздерживаться от привычных ему кушаний, страстное желание в нем возбуждающих, объяснив ему, что пища, даже если сама по себе здорова, в нечистом теле только усугубит недомогание, и велит ограничиться диетой, которая поддержит его силы и не даст дурным смешениям увеличиваться. Кроме того, он составляет для больного лекарство из нескольких снадобий, одни из которых разрушают и гасят силу смешений, другие стягивают их и отводят в глубину и на края тела, третьи же выгоняют из тела. Врач велит больному принимать это лекарство и не обращать внимания на неприятную горечь его, пока оно не окажет действия и не изгонит болезнетворных смешений, очистив тело, до тех же пор воздерживаться от тяжелой пищи, особенно перед сном, когда особенно усиливается действие ее. А когда вернется к нему здоровье и благополучие, он сможет вкушать без всякого вреда любые яства, в том числе и те блага, что приготовлены для него и ему подобных в доме властителя. После сего врач предупреждает больного, что, если тот его ослушается и не выполнит предписаний, его состояние перейдет в тяжелую, губительную болезнь, и все блага минуют его; если же прислушается к нему и будет поступать, как тот велел, терпеливо принимая горькое лекарство и позволив ему оказать свое действие (так что одни смешения будут изгнаны с поносом, другие — с рвотой, третьи — с потом, иные же переварятся), то лихорадка покинет его очистившееся от дурных качеств тело, и он благодаря лекарству станет здоров и сможет наслаждаться едой, питьем, женщинами и нарядами.

И вот приходит час призыва, его господином назначенный; протрубила труба, и двинулись все к дому властителя. Он входит в числе других и видит, что здесь уготованы всем улады на любой вкус. Кушанья, напитки и женщины улаждают его; он обоняет прекрасные ароматы, слух его

ласкают песни, вокруг ложа Царя раздающиеся и властителя прославляющие. Так блаженствуя, он вместе с другими ликования преисполнен; в покоях, близ ложа Царя каждое чувство его всем, чем можно, услаждается. Из сих покоев выглянув, он видит, что остались в его стране больные, коим болезнь не дала прийти с ним вместе и взглянуть на все эти чудеса. Увидев, как корчатся они от своих недугов, как охают и молят о помощи, он понимает, сколь велико его блаженство и какова цена совету врача. Вот когда скажет он: слава Богу, все милостивейше уготовившему нам сие пристанище, в коем мы не знаем изнеможения! И воззовут они к тем, как то сказано Всевышним: «Обитатели рая воскликнут обитателям огня: мы уверились, что обетования нам Господа нашего были истинны; уверились ли и вы, что угрозы Господа вашего были истинны? Они скажут: да»⁸⁵. И наделит его властитель тем блаженством навечно; присоединится он к вечно поющим хвалу своему властителю, пребудет в радости и блаженстве, здоровым телом и не знающим смерти. Вот каковы благодетельные в загробной жизни, где обретают они желанное благодаря неустанному поклонению Всевышнему Богу, Господу миров.

Что же касается вопроса, что в дольней жизни указывает на то, какой будет загробная жизнь верующего, то это — привязанность его к обоим поклонениям (явному поклонению действием и скрытому знанием), выполнение их обязательных обрядов, норм и законов и должное их соблюдение. Такой верующий никогда не ослушается предписанного Богом и не сделает запрещенного, он всегда с благими людьми, людьми поклонения, причем все это для него — искомая цель и единственное желание, об одном этом он думает и печется. Одним словом, это — исполнение должного и воздержание от запретного, когда верующий превращается в раба, могущего только выполнять, что ему велено, свою же волю забвению предавшего, ставшего как бы подневольным (*муджбар*), не способным ни к чему помимо того дела, к которому приставлен. Вот тогда добивается он схождения с обоими отцами, с пророком и заветником (мир им!), — ведь сказано им (Мухаммедом. — А. С.): «Мы с тобой, Али, отцы верующих»⁸⁶, — более того, с высшим сонмом. Чрез это достигает он полноты своей, единения и однородности, соответствия и изоморфности (с Разумами. —

А. С.), ибо именно неустанное сего исполнение дарует душевную силу и запечатление (высш их форм.— А. С.), соединенность, уподобление и актуальность. Так же и в любом ремесле, как тебе известно, тот ученик сильнее и искуснее и к учителю своему ближе и более с ним схож, кто больше и настойчивее других отдавался ремеслу наставника. А потому, если кто следует божественным приказаниям во всем, что установлено пророком (да благословит его Бог!), к оному стремится и в меру сил своих осуществляет, кто до конца дней своих непреходящую преданность примеру обоих патриархов питает и во всем по их стопам идет, уверенный, что именно в этом его спасение и богатство, кто услаждается исполнением предписанного и должного (как лицемеры и отступники услаждаются своими делами), — кто все это в себе наблюдает, тот может быть уверен в достижении загробного блаженства и счастья. Но видеть такое дано лишь немногим, тем, кто спрашивает с себя прежде, чем с него спросится, кто всякий день стремится исполнить все деяния и от всего, что могло бы нарушить предначертанное вероисповедной общине, бежит к должному и предписанному.

Лицемер (*мунафиқ*) же — это тот, чьи лживые уста изрекают совсем не то, что у него на сердце. Лицемер говорит то, что, как ему кажется, составляет достоинство человека или считается добродетелью, отличающей его от людей невежественных и бестолковых, а в сердце своем придерживается о Боге совсем не того исповедания, что на словах, думая, будто покорность означает слабость, а скромность унижает, и зная, что таковое⁸⁷ составляет черту природную и особенность чувственной души. Вот лицемеры и стараются всячески нарушить предписания и запреты религии Божьей, ибо те их не устраивают. Ведь души их подчинены своей смеси и стоят на чувственной ступени, на самой ее вершине, стремясь навязать другим свое господство, поработить людей ради исполнения своих желаний, алкая богатств, наслаждений и лучшей жизни, гордые и заносчивые, предпочитающие услады и пребывание. Среди людей поклонения дружбу водят они лишь с тем, кто к тому же стремится и им в том компанию составляет, с такими же заблудшими отступниками, бесами, пролазами и тому подобными, установления общины нарушающими и над людьми ее потешающимися.

Все они, страсти своей послушные, так или иначе стремятся сорвать скороспелые плоды дольного мира. Но злые дела их к ним же возвращаются и на их души воздействуют; как в затмении, не видят они истинных благ. Об этом сказал Всевышний: «Сердцами их овладело то, что они усвоили себе»⁸⁸. И чем больше сих дел творят они, ведомые страстями, тем в большем зле погрязают, — точно так же чем дальше, тем больше расстраивается дело у торопливого и небрежного геометра, не обращающего внимания на должное в деле его соразмерение и соотношение одного с другим. Болезнь поражает души их, они наслаждаются тем, что творят по зову прихоти и каприза (так же, как пораженным недугом или больным лихорадкой часто нравится именно то, что идет им во вред) и, покорные природе своей, жаждут того, отчего никакой пользы не будет, а вергающее в погибель кажется им благим (так же, как больному несварением хочется побольше съесть, а больного водяной вечно мучит жажда, и в воде полагает он благо и оной алчет, тогда как она ему вредна, или же имеющий воспаление селезенки не может удержаться от сладкого, и так далее). Дела религиозные, к коим призваны они, уже не сладостны им, к ним не лежит у них сердце: следуя страстям и не желая воспринимать пророческие наставления, стяжали они такое, что привело к порче их [силы] представления. Так же мед кажется горьким, а не сладким больному, в коем преобладает желчь, ибо у такого больного испорчена смесь и он не слушается врачей.

Таковые для людей обоих поклонений — то же, что плевелы для пшеницы или ядовитые сорняки для посевов: они несут порчу и вялость, а потому их следует сторониться и избегать. Правитель (*сā'ис*)⁸⁹ вправе выдворить их, если же это невозможно, то в ожидании благоприятного времени так или иначе ублажить (как то делал и пророк — да благословит его Бог!), дабы перестали они сеять порчу. Ведь души их, восставшие против людей благих и добродетельных, убоги и лишены блага, действуют вопреки Божьим приказаниям, в телах угнездены и как были, так и остаются на своей изначальной ступени. А со смертью тела низринутся они в теснины возмездия, будут терпеть непрестанную муку и превращения, пока не дойдут до последнего предела геенны и не окажутся в наибольшем удалении от услад, — а как с ними поступить потом, на то воля Божья.

Отступники (*фāсиқун*) же — это те, кто, познав Бога, отошли от Него. Легкомыслие не дало им понять, что оба поклонения суть истинная вера, а затем они и вовсе оставили [Божественные] приказания и, отступив от оных, стали действовать по велению страстей. Ведь душа, пока она пребывает в дольном мире, может благодаря обоим поклонениям сделать свою самость здоровой, и тогда она находит в ней усладу и сейчас, и потом, а может и поддаться низменным стремлениям, следуя страстям (каковые определяются ее смесью), и заболеть. Тогда все, что связано с религией, будет ей не мило и в тягость (как больному не нравится вкус лекарства), усладу же будет находить в том, к чему влечет ее страсть (как больному по вкусу все, что ему вредно, и, отдавшись своему влечению, он будет наказан за своеволие). Таким образом, сначала благодаря своей вере такие люди обретают одну форму, а затем, от веры отступив, другую. Но самость [души] едина, и две противоположные формы, как мы уже говорили, раздирают ее; так отступники терпят неопишуемые муки.

А заблудшие (*мудыллун*) — это те, кто сами сбились с пути и, корыстью влекомые, своих последователей от Божьих людей отвращают. Тех мук и унижений, наказаний и вечных терзаний, что терпят они в загробном мире, описать невозможно. Сравнимы они, однако, с тем больным лихорадкой, о котором мы говорили, описывая услады благочестивых. Живут они в той же стране, дышат тем же воздухом и пьют ту же воду, и властитель их — тот же самый. И вот, смилостивившись, тот властитель направляет к ним лекаря и наказывает принять из его рук лекарство, специально для них приготовленное. Но найдется человек, который нарушит данные предписания и не будет соблюдать диету, а потому лекарство не только не поможет ему, но и пойдет во вред. Тогда недуг, разрастаясь, выйдет наружу, и окажется, что он заболел оспой. Прежде жизнерадостный и розовощекий, этот больной впадет в уныние и почернеет, цветущий вид его сменился отвратительным обличьем. Если прежде отличался он крепостью тела, то теперь его кожа растрескалась, всегда подвижный, теперь он скован недугом, вместо приятного аромата от него исходит смрад, прежде чистый и опрятный, теперь он источает нечистоты. Когда-то всеобщий любимец, теперь он всеми презираем, и даже близкие от него отделились; никогда ни

в чем не испытывавшему затруднения, теперь ему ничто не по силам. А все потому, что кожа его раздулась от гнойных язв, что шел он по пути несчастных, коих ждет гибель. Потух свет в его очах, ноздри и глотка закупорены, душа стеснена. Никакой пищи принять он не может, тело его загноилось, а запах переменялся. Хочет поговорить с близкими и дорогими ему людьми, пожаловаться им на недуг свой и не может, ибо болезнь разрушила все [телесные] орудия его; хочет спросить воды и не может, ибо члены его не слушаются.

Вот когда начинает он жалеть и раскаиваться, что не послушался врача и презрел все его советы. Сам себе клянется, что, выздоровев, их уже не послушает, — но ведь было время, когда нужно было им следовать, а он не смог! И вот теперь пожинает плоды деяний своих; теперь все суставы, все жилы и члены его день и ночь терзает боль; когда все спят, он, крича от муки, заснуть не может. Эту муку будет терпеть он, пока реки не потекут вспять: не может он ни умереть и успокоиться, ни выздороветь и избавиться от недуга. И еще нестерпимее становятся мучения его, когда, подняв взор, видит, что из высоких чертогов на него глядят здоровые. О как горько печалится он о своей участи (упаси нас Бог от подобного)! «Обитатели огня воззовут обитателям рая...»⁹⁰ Разве сравнится с этой какая другая невзгода? Нет, клянусь Богом! Но к еще горшему страданию лежит его путь, к смертельной жажде и скорпионому жалу.

Однако же сии благие и дурные души оказываются в раю и пламени не сразу после того, как расстанутся со своими телами. О том сказал Всевышний: «„Это только слова“. Пред ними — перешеек вплоть до дня, в который они будут воскрешены»⁹¹. Итак, они находятся на перешейке (*барзах*), каковой и есть место их сбора. Перешеек — это предел, разделяющий рай и геенну; будучи наивысшим местом в мире Природы, он назван «Вершинами»⁹². Итак, они стоят на Вершинах и ждут, пока исполнятся все циклы и свершатся воздействия светил религии на души, приходящие в мир Природы в бытие эпоха за эпохой, вплоть до последнего, обетованного дня. Так стоя, уж знают они в самостях своих, награду ли и спасение обрели, или же их ждет гибель и смерть.

О том сказано Всевышним, начиная со слов: «А на

Вершинах — мужи, друг друга узнающие по отметам»⁹³, и до слов: «Господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными»⁹⁴ (мужи на Вершинах и есть находящиеся на перешейке границы и прочие люди, не вошедшие еще в рай и того жаждущие), а также пророком (да благословит Бог его и род его!): «Умерший, как похоронят его, будет держать отчет. Если он придерживался единобожия, был покорен Богу и Его посланнику, то откроются пред ним двери рая; предстанут пред ним дела его, сотворенные в поклонении Всевышнему, и станут ему добрым спутником в могильном заточении, извещая, что он спасен. В покое и отдохновении пребудет он до дня Воскресения, уверенный, что уготован ему рай: туда отведен будет после воскрешения и Суда. Если же он был многобожником, если был непокорен и заносчив, а в поклонении не знал должной меры, то пред ним откроются двери ада. Его злые дела обратятся в лютого зверя, терзающего его и наводящего на него ужас. Так в одиночестве и трепете пребудет он до дня Воскресения, зная, что уготована ему геенна; будет воскрешен он и препровожден в ад в Судный день»⁹⁵, в день отчета за прежние деяния.

А из доступного чувству вот чему можно уподобить состояние тех послушных и своевольных душ. Представь себе человека, которому властитель поручил управлять своими землями и передал ему войско, слуг, богатство и оружие. Наказано ему беречь то богатство, слуг и подданных, не делать с ними ничего вразрез с приказами властителя и использовать их только на благо царства и подданных, а также укрощать притеснителей и сеятелей порчи ради всеобщей безопасности и вящего блага. Если исполнит приказанное и будет добрым слугой, властитель обещает осыпать его благами и приблизить к себе; если же ослушается и поступает дурно, то не избежать ему наказания. И вот, сей человек делает, как ему велено, всем властелину угождает, во всем ему покорен и ни о чем ином не помышляет. Приходит день, и властелин призывает его; пока идет, сей человек размышляет, перебирая в голове все, что сделал, и не находит ничего, что не предвещало бы ему блага, не утешало и не согревало бы сердце его. Он знает, что совершал добрые дела, достойные властителя, и уверен, что воздастся ему многими благами, а значит, может радоваться и ликовать, хоть и не приближен пока к властелину своему.

Если же он не выполнил предписанного, если ослушался властителя и растратил данные ему богатства не ради довольства его, если водил дружбу с нечестивцами, если грабил и воровал, творил чудеса или впадал в злые ереси, то с тяжелым сердцем пойдет по вызову властелина. Обо всем догадается и поймет он, что за все свои дела заслуживает только наказания и лютой кары властелина, и уверен будет, что не избежать ему муки на радость врагам. И никуда ему не деться: прибрал его властелин, каким он был. И вот он трепещет от страха и ужаса, — а ведь еще не дошел до властителя своего, и ничто из обещанных наказаний его не постигло. Таким пребудет он вплоть до дня, когда свершится наказание и настигнет его лютая мука.

Итак, души, тела свои (кои суть внешняя фигура [шакль] их) покинувшие и дела (кои приносят благо или зло телам своим) оставившие, все знают о себе. А на перешейке пребывают они для того, чтобы исполнилось новое творение, — дабы могли прибыть туда же им подобные [души] из природного мира и свершилось научающее, запечатляющее и очи отверзающее воздействие границ на всех их, чтобы все они вместе были собраны к сроку известного дня (а это день, когда свершится седьмой цикл и наложит предержатель его свою печать на природный мир).

Об этом говорит Всевышний: «Скажи: да, и древние, и поздние будут собраны к встрече в известный день»⁹⁶. «Скажи» — повеление Всевышнего, переданное чрез приближенных ангелов; Он имеет в виду — разъясни и научи, что и древние, и поздние будут собраны, — то есть и первые, из прежних циклов, и последние, что придут в мироздание в оставшиеся циклы, большие и малые, «будут собраны» — теми, кого поддерживаем Мы Духом Своим и кто обращается к ним с призывом, будут научены тому, что соберет их в едином поклонении и единобожии. «К встрече в известный день» — к предержателю седьмого цикла, который и есть последний день, день известный, провозглашенный.

Тогда все они (души, имевшие бытие) составят форму как бы единой особи, в коей будут как бы многими членами. Притом каждая душа имеет свою, самостную форму, и благодаря собранности всех душ исполняется сия форма, коя и есть «загробное устройство» и «новое творение»⁹⁷ (так

же, как полнота телесной особи достигается совокупностью всех членов). Тогда, благодаря воскресению предержателя седьмого цикла, заструится в них дух Святости и все вместе окажутся они в силах выйти из теснин телесных и вознестись над оными (так же дух способности к ощущению начинает струиться в зародыше, когда тот преодолевает теснины чрева). Тогда исполнится седьмой цикл, тогда перейдет в акт знание, то знание, кое есть власть и сила, без которых не преодолеть телесных пределов.

О том сказал Всевышний: «О джинны и люди! Преодолейте же, если можете, пределы небес и земли! Не преодолеете, если нет у вас власти»⁹⁸ — о люди знания и свершающие оба поклонения, явное и скрытое, «преодолейте же, если сможете» — оставьте, если можете, тела свои; «не преодолеете» — сможете оставить их не иначе как сообща, благодаря обретенной чрез границы силе и воскресению предержателя седьмого цикла и переходу его в акт. Ведь преодоление невозможно для отдельных душ, в одиночку, но только всем вместе и в совокупности, ибо в другом устройении и новом творении души подобны тем членам, благодаря коим существует телесный облик, то есть начальное устройство⁹⁹. Для совершенства они нуждаются в себе подобных, ибо в одиночку достигают не целокупного совершенства (когда могут обнять все, что бытие вмещает), но лишь частичного; и только благодаря всем свершается целокупность.

Об этом свидетельствуют весы вероисповедные, это подтверждается тем, каково то начальное устройство, о коем сказал Господь миров: «Вы уже знаете о начальном устройении»¹⁰⁰. Сим говорит Он, что телесный облик (*шахс*) (а он и есть начальное сущее) сотворяется сложением и составлением многих членов, из коих одни — легкие, дающие душе ощущений больше, другие же — плотные, дающие душе ощущений меньше. Сотворяется же он не сразу, но за некоторый промежуток времени, так что один член предшествует в бытии другому (сердце, к примеру, предшествует в бытии прочим членам, кои за ним следуют). Однако такой предшествующий другим член не может выйти в сенсибельный мир в одиночку, ибо без прочих (подобных себе членов, благодаря коим достигает своей полноты) не сохранится в бытии; а также потому, что дух может струиться только в том, что совершенно. Вот почему животное не похоже на

растение, у коего один член связывается с другим и становится ему подобным (о причине чего мы уже говорили), так что форма члена, обретшего бытие раньше другого, сохраняет свою воплощенность благодаря той форме его (растения.— А. С.), что стяжала она, сохраняет ее до тех пор, пока все члены не обретут своей полноты. Творение же во времени [свершается] через несколько месяцев и дней. Все это время, каждый день Бог чрез силы влияющих (на «начальное устройство».— А. С.) светил по изволению Всевышнего воздействует на него так, чтобы исполнилось его совершенство, и подготавливает его к возникновению в нем чувственного духа; а затем оно целокупно и сразу выходит в [место] воздуха, в нем возникает чувство, и оно живет и ощущает. «Так почему же вы не понимаете?»¹⁰¹ — разве вы сего не знаете?

Сему подобно и души в каждом цикле деяния свершают. Что каждая из них стяжала и обрела, сколь была покорна и каковы были деяния ее, таким будет и ее положение. Те, что строже других держались всех предписаний, будут подобны тем тонким парным основным органам, кои чувствуют сильнее и наслаждаются больше; а те, что ниже оных [в послушании], займут соответствующее положение.

Расставшись со своими телами, души находятся на перешейке, как о том сказал Всевышний: «„Это только слова“. Пред ними — перешеек вплоть до дня, в который они будут воскрешены»¹⁰². Перешеек — место их сбора. И каждый из границ Всевышнего своим призывом и научением собирает в своем цикле всех, кто его делу следует и принесенной им [мудрости] жаждет,— так же в голове собраны многие чувства и члены, так же тело собирает многие члены (кои все подобны собранному в голове), так же руки и ноги суть орудия, каждое из коих имеет такие же члены, как и другое; и все они собраны воедино в одном телесном облике.

Вот в чем, пожалуй, объяснение той радостной вести, что объявлена во введении к нашей книге тому, кто читает ее как вероисповедную. Вот почему владыки наши (да благословит их Бог!) говорили, что человек стремится быть с теми, кого любит, а пророк (да благословит и приветствует его Бог!) сказал, что в день Воскресения каждый предержатель цикла приведет всех, кто следовал ему в его цикле: пророка, заветников, имамов, проповедников и добрых по-

следователей ¹⁰³. Вот почему Всевышний сказал: «Будет день, в который Мы созовем всех людей с их вероучителями» ¹⁰⁴, — то есть к предержателю седьмого цикла (а он и есть один из дней Божьих, Нами воздвигнутый и поддержанный) созовем всех последователей с их учителями для отчета и ответа: что сделали они во исполнение велений Всевышнего?

Это же разъяснил Он, говоря об Аврааме (мир ему!): «Вот Авраам сказал: Господи, покажи мне, как оживляешь Ты мертвых!»; ¹⁰⁵ здесь, на примере сказанного Всевышним об Аврааме, глаголящий научает источника тому, как живут души и почему следуют ему. «Вот, Авраам сказал» — когда Авраам (а он здесь истолковывается как источник) сказал: «Господи, покажи мне», — то есть [сказал] глаголящему, его возрадившему и ему передавшему дело скрытого призыва и научения людей поклонению: научи меня, «как оживляешь Ты мертвых», — покажи мне, как оживить мертвые чувственные души для истины, как со ступени их, от природы их перевести те души на ступень ангелов, где вкусили бы они жизнь вечную; и тот сказал: «Ужели ты не веришь?» ¹⁰⁶ — ужели не познал еще истину того, к чему направил я тебя? И он ответил: «Напротив, а [спросил я] только для того, чтобы успокоить сердце мое» ¹⁰⁷ — нет, но лишь для того, чтоб большей ясностью успокоить душу мою. Он сказал: «Так возьми четырех птиц» ¹⁰⁸ — обопришь на собранные мною для тебя в обоих поклонениях четыре закона, а именно: научение души единобожию, коим стяжает она субстанциальную жизнь и пребывание; действие согласно законоустановленным обрядам поклонения Богу, коими стяжает она моральные добродетели и избавляется от природных пороков; знание о ступенях границ Божьих и им подобных людей, каковое знание уподобляет ее актуальным Разумам (то есть ангелам) и дает ей оные запечатлеть; и проповедь (*'иза*), которая возжигает в душе страсть к божественному и границам религии Божьей, так что нетрудным становится вероисповедание ее: терпеливо исполняя все это, воскресает она, чтоб воссоединиться с царством Святости и обрести в оном вечную жизнь; «приручи их» ¹⁰⁹ — сочетай сии четыре [закона], когда будешь научать, пробуждать и действовать, «и части их разложи по горам» ¹¹⁰ — и научи сим законам каждого проповедника и хууджу, дабы знали они их и исполняли. «Затем воззови к ним» ¹¹¹ — обратись к сим

душам с проповедью, дабы взалкали они, ведь когда мертвые чувственные души познают оные законы и действуют в соответствии с ними (так что пробуждается в них стремление), их природа и врожденная натура преобразуются и они уподобляются ангелам, становясь поистине твоими последователями, с тобою вместе и за тобою следуя. «Они быстро прилетят к тебе» ¹¹² — страстно устремятся к тебе, ибо исповедуют они то же, что и ты, и форма их — твоя; они с тобою стали однородны, а потому устремятся воссоединиться с тобою. «И знай, что» ¹¹³ пророк, коего поставил Бог вместо себя, — а он является сердцем сих существ, взывая к ним и проповедуя смирение и поклонение, — «могуществен и мудр» ¹¹⁴, то есть силен, как то предполагает мудрость, и мудр в деяниях своих.

Итак, все соберутся на перешейке и пребудут там до дня Воскресения. Сей перешеек ближе всего в макрокосме к царству Святости (каковое находится вне оногo), также как матка (в коей пребывает зародыш, пока не исполнится сотворение его) ближе прочего в микрокосме к макрокосму, каковой располагается вне ее.

Далее, души [после смерти] не переходят в другое тело, как мы то показали в трактате «Указания наставнику и ученику». Ведь хорошо известно, что связаться [с другим телом] и перейти [в него] для них невозможно. Как мы уже отмечали, утверждающие переселение душ считают, что душа обладает бытием до своего тела, и показали, почему именно. Сказанное подытожим вот как. Душа является либо субстанцией, либо акциденцией. Если она — акциденция, то, согласно определению оной, исчезает вместе с исчезновением того, в чем существует, и покидает арену бытия, как только оно распадается. Следовательно, в таком случае души уничтожаются вместе с разложением своего телесного облика и распадением смеси тел. Если же души уничтожаются вместе с исчезновением своего тела (благодаря коему имели бытие), то перейти [в другое тело] — а для этого нужно, чтобы сохранилась их самость, тогда как она разрушилась с уничтожением своего вместилища, — никак не могут.

Если же душа — субстанция, то она является субстанцией либо потенциальной, либо актуальной.

Если она — потенциальная субстанция, причем форма того, чего потенцией она является, отсутствует (так что

для оной субстанции не существует того, благодаря чему она была бы актуальной), и такая субстанция не актуальна (когда бы актуальность самостно сохраняла ее) и так же, как акциденция, нуждается в том, благодаря чему могла бы существовать и обладать бытием, следовательно, она подобна акциденциям, которые, не существуя самостно, исчезают с исчезновением своего носителя (ибо не находят в самих себе того, благодаря чему могли бы существовать). Если же она подобна не существующим самостно акциденциям и уничтожается с уничтожением того, благодаря чему существует, следовательно, она не может переселиться в другие тела.

Если же она — актуальная субстанция, то является либо субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, либо субстанцией конечной, существующей в мире Природы благодаря дарующим научение и стяжание отцам.

Однако она не может быть субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, ибо сущие царства Святости благодаря изначальной наделенности самодостаточным совершенством жизни, могущества и знания не могут претерпевать никаких изменений или превращений (когда бы они теряли свое совершенство, кое состоит в их актуальности) и связываться с телами, каковая связанность входит в определение потенциального, но не изначального актуального и, следовательно, самосущего.

Если же душа, как мы показали, не может быть субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, следовательно (коль скоро она существует благодаря своему телу), она — конечная субстанция мира Природы, обретающая актуальность благодаря поддержке (по изволению Божьему) отцов, а также научению и стяжанию. Если установлено, что она — конечная субстанция, обретающая актуальность благодаря стяжанию чрез отцов поддержки, тогда то, благодаря чему она стала актуальной субстанцией, не даст ей связаться с другим телом (ибо она уже связана с тем, благодаря чему стала актуальной субстанцией) и привлечет ее к себе (ибо оно душе подходит больше, нежели природны смеси и тела, каковые от онога дальше и менее с ним схожи). А если это не даст ей перейти в другое

тело (ибо она уже связана с тем, благодаря чему обрела актуальность и поднялась на ступень совершенства), то связаться с другим телом она никак не может.

Да и как актуальная пальма стала бы вновь финиковой косточкой или актуальная телесность человека — формой его в семени, даже если представить, что она остается, как была, неизменной без всяких превращений? Да нет, такое невозможно. Душа связывается с тем, что дало ей совершенство и что схоже с устройением ее самости; а когда исполнится конечное устройство (а это и есть день Воскресения), заструится в душах вечная жизнь.

Эта вечная жизнь для жизни природной (то есть для самости души) то же, что для тела чувственный дух. Стяжав то, что дает ей сию жизнь, душа после расставания с телом забывает те знания и действия, что связаны с заботой о теле и принадлежат душе растительной и чувственной (ведь исчезает причина, поддерживавшая бытие сих действий и знаний, а именно стремление). Поскольку, как мы уже говорили, стремление проистекает от потребности и лишенности, то благодаря совершенству и ненуждаемости стремление исчезает (ибо существовало именно в силу потребности). Тогда остается лишь связанное с самостью души стремление к Тому, Кто есть Бог, кроме Которого нет бога, без всего, что связано с ее телом и интересами. В этом она уподобляется вне[природным] Разумам, которые в любви к Божьей славе и величию (коих ни она, ни те Разумы охватить не в состоянии) воссылают хвалу и прославление, ликуют и поют аллилуйю. Тогда душа уже не совершает действий, коих бытие было связано с тем стремлением, что исчезло с исчезновением ее телесных орудий, и не помнит ничего о теле своем, оказавшись в царстве Вечности, том царстве, куда она направлялась и с которым связалась. Тогда у нее остаются лишь те действия, что, как мы сказали, связаны с ее самостью.

В этом душа подобна находящемуся на корабле мореплавателю. С этим кораблем связаны все телесные интересы мореплавателя; корабль, коим мореплаватель управляет, — как бы тело, которое душа охраняет и которым управляет, а море — как бы дольний мир. Пока корабль в море, мореплаватель должен беречь его и делать все для его сохранности — как снаружи, просмаливая борта и избегая опасных мест, к коим страшно приблизиться, и вообще всего, что

может нанести кораблю ущерб, так и изнутри, откачивая воду или оставляя ее, запасаясь всем, что может понадобиться для сохранности корабля. В ожидании спасения из морского плена он заботится о том, чтобы поддержать свои силы пищей и питьем. И все это делает он не ради корабля, но ради себя, чтобы самому не погибнуть. Так мореплаватель будет поступать до тех пор, пока не наступит избавление и не сойдет он с корабля на сушу. Покинув корабль, он из прежних действий своих будет совершать лишь те, что имеют отношение к нему самому, а не к кораблю, а то, что делал ради сохранения корабля (когда спускал или поднимал паруса, просмаливал борта, откачивал воду, следил за сохранностью инструментов и построек, заменял сгнившие доски и выполнял ремонт), забудет.

Так же и душа, находящаяся в дольном мире, бережет свое тело и делает все, чтобы поддержать его как снаружи, так и изнутри, пока не расстанется с ним, а также неустанно упражняет себя в обоих поклонениях, знанием и деянием, что имеет отношение только к ее самости. Когда же расстанется она со своим телом, исчезнут все действия, связанные с интересами тела и относящиеся к душе растительной и чувственной, и останется то, что связано с ее самостью, а именно наслаждение запечатленными вечными вещами, как то подобает ее совершенству.

Поскольку все это исчезает, душа уже больше не помнит ничего о дольном мире, ибо все это мирское и природное, тогда как она уже поднялась выше и вознеслась над оным. Так же и покинувший материнское чрево младенец, который ест, пьет и вкушает природные улады подготовленными во мраке чрева орудиями, не помнит, чем он питался в той теснине: уж очень незначительной представляется она теперь, да и питавшее его там орудие (а именно пуповина), уже отброшено и сменилось другими орудиями и чувствами, и теперь он наслаждается совсем другим, тем, что уготовано ему здесь. Так же и душа оставляет действия и забывает знания, коими в дольном мире оберегала покинутое теперь тело, и совершает только те действия, что вытекают из совершенства ее самости, прославляя и возвеличивая, как мы говорили, Бога.

Душа, в отличие от вне[природных] и бес[телесных] Разумов, не может воздействовать на то, что «кроме Бога», на сущее мира Природы. Пока она принадлежала тому

миру, такое воздействие было дано ей, дабы увеличить свою множественность, обрести субстанциальность и исправиться; теперь же, когда обрела она спасение и вместе с прочими душами мира Природы достигла желанного предела, ей довольно быть таким пределом вблизи первого предела, став пребывающей субстанцией и наслаждаясь плодами своего стяжания, соотносительностью с теми Разумами, каковая соотносительность для нее — по самости, но не по акту.

А не дано ей воздействовать на мир Природы (как то дано Разумам) потому, что первый предел (то есть сии Разумы) обращен ко второму пределу, воздействуя на оный и наделяя его вторым совершенством, а тот предел, коим является совершенная глаголящая душа, обращен к первому пределу, от одного черпая совершенство и его воздействие приемля. Разница между ними в том, что сия совершенная глаголящая душа воздействует только сама на себя, тогда как те Сотворенные и Эманационные Разумы воздействуют как на себя самих, так и на другое. Сим душам дано достичь ступени Разумов только по самости, но не по акту.

Все это подтверждают весы вероисповедные. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) обращается к своему заветнику, каковой заветник есть цель его научения, а заветник обращается к пророку (мир им обоим!), получая от него знания, причем заветник уподобляется пророку по самости, но не может стать ему подобным в воздействии на души и призывании их, и поскольку воспринятое заветником от пророка является для него пределом, стоя у коего он приемлет и запечатляет все исходящее от пророка, и сим устраивается, следовательно, оставившая свое тело глаголящая душа действует только самостно так, как то определено приобретенным ею совершенством; сим она устраивается и сим соотносится с самостями Разумов во всем, кроме их действий: ей не дано воздействовать на иное и достичь ступени тех Разумов в воздействии на иное, ибо она — второй предел, свое совершенство от первого предела получающий.

Слава Богу, просветившему разум наш светом путеводящих границ Своих, отверзшему очи наши учением исполняющих Его веление имамов (да благословит Бог их всех!). Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О человеческой душе как глаголящей, поддержанной небесами; о том, как соединяется она с духом Святости и почему не все души во всякое время бывают поддерживаемы и по какой причине; о внушенном откровении (*вахй*), коим поддерживается душа и каково оно; о том, как соединяется оно с воскресенными душами и соединяется ли с ними, когда они занимают ступень чувственности или воображения, или души глаголящей, и на что распадается оно; каковы являемые ею чудеса и чем оные отличаются от трюков кудесников, и почему кудесничество доступно пониманию и научению, а названные чудеса нельзя понять и им научиться собственным усилием; о том, каковы собираемые поддержанной душой добродетели, каковы действия ее и к чему она устремлена; о том, каковы окружающие ее сподвижники, каковы разряды оных, и каков разряд замещающего ее в сохранении народа, и что дано ему от Всевышнего; о числе циклов и их предержателей, коими свершается новое творение; о разряде предержателя седьмого цикла и действиях его; о том, по чему узнается свершенность циклов; а также о рассуждениях философов в вопросе обретения душой добродетели и несостоятельности оных

Мы с к а ж е м: все обретает свою полноту тогда, когда достигает своей предельной цели, оная же достигается, если обретена форма изначального, каковое служит поддерживающей причиной бытия. Ведь у каждого сущего в бытии два предела: начальный и конечный, и какой была форма первого, начального предела, та же будет и у второго, как то видно на примере сенсительного сущего. Если, например, у растения первым пределом роста была пшеница, то и вторым его пределом будет такая же пшеница, а если это был ячмень, то и второй предел — такой же ячмень; или же, у животных, если первым пределом является человек, то и вторым пределом будет также человек, а если первый предел — конь, то второй предел — также конь. Если же взять

телесный облик человека, то первым его пределом следует назвать прах, и второй его предел — также прах: в него он обратится. Так обстоит дело с любым сущим без всяких отклонений.

Поскольку бытие людских душ проистекает от предшествующего им в бытии и притом они являются конечным пределом сущего, так что за ними нет ничего, чему они служили бы ближайшей причиной бытия (как то имеет место для им предшествующего в бытии сущего, кое служит ближайшей причиной их бытия), следовательно, их предел среди причин их бытия и поддерживающих причин тот, к которому восходит все сущее, то есть Первое Сущее. Если же Первое Сущее служит их начальным пределом и притом в своем совершенстве и сотворенности является Разумом (каковой Разум есть жизнь, обладающая знанием, могуществом и самостоятельной актуальностью, исключаящей нужду в ином для исполненности акта), следовательно, те из людских душ, что таковы же, как оный предел, суть такой же Разум, хотя и другого разряда: тот сотворен, этот же извергнут из Природы вторым воскресением, так что является вторым пределом. Дело в том, что пределы соединяются и соотносятся как самостно, так и посредством тех смыслов, благодаря коим они суть, как мы показали, пределы имеющего предел, и они друг в друга переходят; если же второй [предел] не таков, как первый, когда бы тот с ним соединился и соотносился и тем исполнилась бы самость сущего, то он пределом и не является, и первый [предел] с ним не соединяется.

Поддержанная [небесами] душа (как жизнь, обладающая могуществом, знанием и актуальностью) наделена теми же добродетелями, что и Первое [Сущее], совершенное и исполненное. То, благодаря чему субстанциализировалась ее самость, воскресило ее вторым воскресением; она самодовлеющая благодаря полученным истечениям, совершенна и актуальна, не нуждаясь в природном помощнике для совершения своих действий, полна, не имея после себя ничего, чему была бы причиной бытия. Она и есть вторая предельная цель, тот предел, за которым нет другого предела, кроме Первого. Будучи исполненностью сущего и его вторым пределом, она доходит до первого [предела] и с ним соединяется. Эта соединенность их (сих двух пределов) — от них обоих, а не от одного только. Действия,

кои суть душа сущего, существуют благодаря первому [пределу], и второй предел относится к их числу (пусть бытие его и опосредовано). Ведь первый предел, как начальный, воздействует, а второй предел, как предельная цель, приемлет; приемля воздействие первого предела, второй с ним соотносится и соединился.

Итак, второй предел соединяется с первым благодаря тому, что самостно приемлет его воздействия, оные же суть светы, в нем (втором пределе.— А. С.) воссиявшие так, что он с тем (первым пределом.— А. С.) соотносится и соединился. А если бы не было сего промысла, если бы те силы и светы мира Святости не воссияли во всем природном сущем, избирая в нем наиболее достойное и с оным соединяясь, чтобы и прочее улучшить и исправить, то она (душа.— А. С.) не стала бы вторым пределом, обретшим по достижении предела своего совершенства самостную воплощенность, ибо она потенциальна.

Поэтому душа не способна к сему единению, если оно не приходит к ней свыше. Ведь душа, как мы говорили, существует благодаря многим различным вещам, а потому может достичь актуальности только с чужой помощью. Эта-то причина (а именно, ее потенциальность и нужда в помощнике для того, чтобы стать самосущей, основание чего мы уже разъясняли) и не позволяет всем душам в мире Природы быть поддержанными [небесами]. Те, что обретают поддержку и воскресают, получили бытие потому, что движение небесных тел соединилось с сияющими светом мира Святости (кои суть поддерживающая причина всех существ) так, как то предразмерено для природных и божественных истечений, о чем сказал Всевышний: «Тогда Мы отверзли двери неба для проливного дождя... воды слились между собою, как то было предразмерено»¹. Благодаря сему получает бытие благородная душа. Хотя и принадлежит она природному царству и в нем находится, она самостно счастлива; никакие природные влечения и побуждения не колеблют и не склоняют ее, напротив, она по природе своей устремлена к благу, ибо получила бытие от того, что пришло, с ней соединяясь, из царства Святости в должном порядке и для помощи.

Такое случается крайне редко, раз в долгий промежуток времени, как то предразмерено Всевышним Всезнающим Мудрецом. Так же мудрый и умелый геометр пред-

размеряет, чтобы от множества движений разных тел произошло одно движение одного тела, каковое тело сможет сдвинуть некоторую тяжесть, которую множественные тела поодиночке подвинуть неспособны. Когда, однако, движения их сливаются, они двигают это тело, приемлющее все сии движения, благодаря чему оно и сдвигает ту неимоверную тяжесть. Чем больше этих разнообразных движений и чем множественнее производящие их тела, тем мощнее собирающее их [движение] и тем большее время требуется для его образования.

Сама Природа споспешествует сим благородным душам в принятии воздействий начала их бытия. Столь славными и стройными становятся они, что с ними соединяются божественные светы (кои суть дух Святости),— ведь сии души избавились от всего, что затрудняло бы это принятие или препятствовало ему.

В сем бытии своем, принимая божественные светы, эти души не находятся, однако, на ступени глаголящей души, как то думают философы, утверждающие, что только глаголящая душа, то есть приобретенный разум ('*акль мустафād*'), способна принять истечение действенного Разума ('*акль фа'аль*'); нет, они находятся на ступени чувства и представления. Скажем, душа Мухаммеда (мир ему!), как известно, с раннего возраста обрела поддержку, еще не укрепившись упражнениями и знаниями, а с Иисусом (мир ему!) божественная сила соединилась в младенчестве. Есть тому и другие примеры; вообще говоря, изначально божественные силы соединились с душой Адама, когда та занимала ступень души чувственной. Все это хорошо известно, так что вряд ли стоит продолжать перечисление.

Дело тут в том, что чувственная душа является потенциальным разумом. Ее благородство (то есть совершенство) состоит в том, чтобы сенсительное запечатлеть и познать, а интеллигительное уразуметь и помыслить. Это свое благородство оно обретает, когда представляет какую-нибудь вещь, то есть мыслит формы, отвлеченные от сенсительного, познанного чувством. При этом представление служит ей помощником как в сенсительном, когда она совершает деяния и придерживается Законоуложений, так и в интеллигительном, когда она размышляет и извлекает следствия, уравнивая в стяжании сии ограниченные вещи и находя им соответствия. Свет и истечение вне[природного] Разу-

ма, коему препоручен наш мир, сияет во всем сущем. Он охватывает и души, руководя ими и давая им изначальные знания (о чем уже говорилось). Если же свет его разлит в сущем, так что знания получают даже те души, которые не способны запечатлеть разумные формы и самостно сохранить их, то души, обладающие силой принятия и запечатления, скорее способны принять это истечение. Таким образом, чувственная душа, стоящая на ступени представления сенсительного сущего, может принять свет этого истечения, и тогда вне[природный] Разум, коему препоручены души, будет на нее воздействовать и с ней соединится (как то случилось с душой Адама, которому знание передал один Всевышний) и передаст ей полное, либо иногда частичное, интеллигибельное знание, причем без всякого размышления или рассуждения с ее стороны. Такова высшая ступень внушенного откровения, приходящего как в вещих снах, так и наяву, как мы то вскоре покажем.

Таким образом, свет вне[природных] Разумов пронизывают мир Природы так же, как возникающая от движения небесных сфер теплота и излучение светил пронизывают подлунные тела, высушивая содержащуюся в них влагу, как солнечные лучи, разлитые в воздухе, наполняют и пронизывают его. Мир наполнен этими светями, как бы огненными искрами или мелодичными звуками, а чистая душа подготовлена Природой (имея самое умеренное устройство смеси, от коей проистекает ее бытие) к принятию, как подготовлен к нему трут, очищенный от всех ненужных примесей и не дающий пропасть ни одной искре, или как слух, от всех болезней излеченный. И вот сии светы связываются с чистой сущей душой так же, как искры связываются с подготовленным трупом, достигают ее так же, как направленный звук достигает слуха, и душа полностью принимает их, так как подготовлена к тому своим бытием.

Подобно сим светам (кои суть дух Святости), проникающим в душу и в ней струящимся (что мы уподобили огненным искрам и звукам, проникающим в трут и слух), приходит к душе и внушенное откровение. Вновь и вновь посещая ее, зажигает оно в ней раз за разом свет знания. Откровение приходит к душе не только когда та спит и не использует свои чувства, но и когда бодрствует, и тогда душа забывает обо всем и только ниспосланное из божественного мира осознает и запечатлевает. Тогда все, что было

скрыто, вдруг воссияет в ее самости, и она самостно запечатлевает принимаемое знание так же, как зеркало запечатлевает формы любого сущего, оказавшегося перед ним. Так благодаря сим приобретаемым силам растет и крепнет она, целокупно возрастая, и становится целокупной благодаря несенсительному получаемому знанию. Эти ниспосылаемые ей знания являются знанием целокупным, отвлеченным от материи, ибо происходят из царства Единства, будучи такими же, как то, от чего происходят тела, составленные из перво-материи и формы (кои потенциально содержат в себе множество сенсительных вещей). Так же в самости ее прежде воссияло заповеданное Богом в общем и целом, когда сказал Он: «Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню»², а также: «Верующие! вам предписан пост, как он предписан был тем, которые были прежде вас»³. Поскольку сие предписание дано в общей форме (а значит, нуждается в разъяснении, как, сколько и когда следует его исполнять), то последователей своих оно вынуждает размыслить об этом и попытаться объять оное. Тогда и возникает представление; представление претерпевает и воздействует, стремясь истинно познать это. Оно становится сенсительным, воздействующим на то, что есть в сфере воздуха (как ранее оно же претерпевало в ней (душе.— А. С.) воздействие в сфере воздуха, несущем формы разнообразного сущего, когда с оными формами сталкивались чувства, поверхностью своей соприкасающиеся с поверхностью воздуха),— становится формой, отвлеченной от материи. Она (душа.— А. С.) сохраняет ее как форму, самостно представшую (*мута-массаля*) ей вовне, и та обращается к ней с речью, как о том сказал Всевышний, рассказывая историю Марии: «Она закрылась от них (домочадцев.— А. С.) завесой: тогда послали Мы к ней духа Нашего: пред ней предстал он совершенным человеком»⁴. Никто, кроме Марии, не видел его, ибо именно ей был он ниспослан, и именно она, никто другой, размышляла и искала большего, нежели у нее было, знания.

Послушное мудрости сущее (небеса движущиеся и слаженные, звезды светоносные и разнообразные, воздух, части коего волнуются и передвигаются, вода и земля со своими частями, порождения во всех формах и видах, со своими голосами и действиями, люди, друг перед другом речь держащие) к ней (душе.— А. С.) обращаются и, показывая, к чему восходят все пределы, самостно глаголят о незыб-

лемости сего произведения. Так разъясняют они ей то, что целокупно дано во внушенном откровении, раскрывают закрытые целостности. Тогда от нее не ускользнет ничего, и она знает все, что может быть — сколько, как и когда. Тогда (пусть и неведома ей другая сторона внушенного откровения) представшие (*тамассуль*) ей формы, а также знания, сообщенные сенсительным сущим глаголом своим (хоть оно и молчит), разъясняют ей то, что увидела она в ниспосланном видении на высшей ступени внушенного откровения наяву отвлеченным от материи.

А что от сего отлично, то либо сумасшествие, либо дьявольское наваждение, как о том говорится в вести. Напуганный впервые посетившим его внушенным откровением, пророк (да благословит Бог его и род его!) в ужасе кинулся к Хадидже (мир ей!) и рассказал ей, что некий образ, которого он раньше никогда не видел, предстал пред ним и повелел: «Читай!» Пророк ответил: «Я не умею читать»; тогда тот опять приказал: «Читай!» Он снова сказал: «Я не умею читать». Тот, ударив его, в третий раз произнес: «Читай во имя Господа твоего, который сотворил»⁵, — и до слов «и научил человека тому, чего тот не знал»⁶, — и пророк прочитал это.

Хадиджа увидела, что лицо Мухаммеда пожелтело, а сам он дрожит от ужаса. Потеплее укутав его, она пошла к своему двоюродному брату Варраке бен Нофелю (а он был известным среди арабов прорицателем) и обо всем рассказала. Он ей ответил: «Если все действительно так, то это пророчество; да и пришло время появиться пророку. Отнесись ко всему серьезно; если с ним вновь случится такое, то прижми его крепче к груди и спроси, не исчезло ли видение. Если он скажет «нет», тогда посади его на правое колено и спроси, по-прежнему ли он видит это. Если ответит тебе утвердительно, тогда посади его на левое колено и спроси, не ушло ли оно. Если он скажет «нет», тогда открой голову и спроси, видит ли его сейчас; если теперь оно исчезнет, значит, это пророчество, а если останется, то дьявольское наваждение».

С тем Хадиджа и вернулась домой. И вот вскоре пророка (да благословит Бог его и род его!) вновь посетил то видение; в ужасе воззвал он к ней: «Он опять пришел за мной!» Тогда она сделала так, как велел Варрака бен Нофель. Каждый раз он отвечал, что видит представший

ему образ, кроме последнего раза, когда она сняла с головы покрывало и закутала его. И вот тогда пророк (да благословит Бог его и род его!) встал и, осознав познанное, произнес: «О закутанный! Встань и предостерегай»⁷. Он обратился к Хадидже призыв свой: «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед — посланник его», и она сей призыв признала.

Это случилось в понедельник, а во вторник он призвал Али бен Аби Талеба к покорности и признанию. Он (Мухаммед. — *А. С.*) сказал ему: «Скажи: нет бога кроме Бога», и тот повторил: «Нет бога кроме Бога». — «Теперь скажи: Мухаммед — посланник Его». — «Хорошо, но дай мне посоветоваться с отцом». — «Вот ты и сделал, что требовалось; такова вера твоя». На это Али ответил: «Если такова моя вера, то я должен был сказать: Мухаммед — посланник Бога, в него верую».

Поэтому, если есть некая форма (которая сообщает о не[материальных] силах, так что дело обстоит противоположным образом, нежели тогда, когда она (душа. — *А. С.*) улавливала ее в сущем, для чего воздействовала на свою самость, принимая отвлеченные от своих материй формы, обновляя и сохраняя их в своей самости, а затем получала знания, представляя вне ее находящиеся тела и влияя на оные), самостная форма, речь коей представима и постижима (так что душа тогда может самостно воздействовать представлением на их (тел. — *А. С.*) самости и получать от одного [действия] форму и запечатлевать ее в своей самости), то это доказывает правильность представленного и запечатленного. Ведь точно так же, когда представляющий хочет познать нечто через определение, он должен целиком обратиться к определению, и если смысл изменится, значит, определение неверно, а если оно примет обращение и смысл не меняется, то оно правильно. Например, определение тела гласит: тело — это то, что имеет длину, ширину и высоту. Если его перевернуть, получится: все, что имеет длину, ширину и высоту, есть тело. Здесь первоначальный смысл не изменился и ничто из него не утрачено; он верен, и определение тела именно таково. Или, например, мы в качестве определения человека возьмем такое: человек — это живое [существо]. Обратив его, получим: любое живое [существо] — человек. Это определение неверно: не всякое живое [существо] — человек, ведь собака тоже живая, но она — не человек. Если же мы скажем: человек — живое,

глаголящее, воскресающее [существо], то, обратив это определение, получим: всякое воскресающее, глаголящее и живое [существо] — человек. Это высказывание истинно, так как отсекает все, что не подпадает под определение человека, и сохраняет все, что с ним должно быть связано; и он (человек.— *А. С.*) — глаголящий, ибо это — от Господа миров, ни от кого другого.

Ведь душа может под влиянием своей смеси представить нечто, что лишено всякой истинности, как то бывает с умалишенными или одержимыми бесом. Ей может также (о чем уже говорилось) представиться такое, что будет истинностью для того, чему случилось быть в ее самости не от ее смеси или сенсительного сущего, но как чистому смыслу, постигнутому на высшей ступени внушенного откровения. На этом основании поддержанного [небесами] пророка можно отличить от сумасшедшего; не понимая этого, не признающие пророков (мир им!) люди утверждают, будто те — сумасшедшие.

И вот, узрев на высшей ступени внушенного откровения такую целокупность, душа ждет, что она будет разъяснена в другом внушенном откровении, ступенью ниже оной. Поэтому и сказал Всевышний: «Не спеши читать Коран прежде того, как кончится откровение его тебе»⁸. Так Он наставляя и научал, что внушенное откровение дается не в одном, а во многих ликах: не торопись объяснять то, что целокупно ниспослано тебе на высшей ступени внушенного откровения, «прежде того, как кончится откровение его тебе», то есть пока в другом его лике не получишь Наше приказание, кое даст тебе силу объяснить и растолковать его, «и говори: Господи, умножь мои знания»⁹ — то есть моли Господа своего, Коему подвластно все, умножить твое знание божественного. Тогда, быть может, он (*Мухамед.— А. С.*) и остановился, следуя ниспосланному в этом аяте наставлению и поучению и ожидая, пока не придет к нему другое приказание, дабы иметь полную уверенность. Как сказал об этом Всевышний: «Посланник! Передай что открыто тебе свыше Господом твоим; если ты не сделаешь этого, то ты не передашь того, что послано Им. Бог защитит тебя от людей»¹⁰. Это доказывает, что внушенное откровение было ниспослано ему раньше, чем было приказано его передать, и до того, как в том ему была обещана защита. Ведь Он сказал: «Посланник!» — то есть тот, кому мы

даровали совершенство прежде Воскресения, с кем воссоединили дух Святости и сделали посланником, в свой час воскрешенным, «передай что открыто тебе свыше Господом твоим», — разъясни последователям своим ту обязанность послушания владыкам, которые придут после тебя, каковую обязанность целокупно ниспослали Мы тебе во внушенном откровении, сказав: «Верующие! Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику сему и владыкам среди вас»¹¹, — разъясни ее так же, как разъяснил и растолковал прочие обязанности. «Если ты не сделаешь этого, то не передашь того, что было послано Им», — если ты не разъяснишь своим последователям, кто будет замещать тебя после твоей кончины (ведь твой заместитель будет сохранять установленный порядок (*'амр*), и ему люди будут демонстрировать послушание в поклонении), то нарушится сей порядок, распадутся узы тобой основанных и установленных законов поклонения действием и распространятся среди людей душевные болезни. «Бог защитит тебя от людей», — если опасешься, что люди отойдут и отвернутся [от тебя], то не бойся: [божественный] промысл дарует тебе удачу и сохранит твой народ после тебя, и никто не в силах будет помешать тебе и Нам.

Итак, поддержанная внушенным откровением душа, обладающая ниспосланными ей на высшей ступени сего откровения целокупными [знаниями] (*'умур куллиийя*), нуждается, дабы объять все «как» и «когда», к ним относящиеся (а также для того, чтобы знать своих последователей), в том, чтобы увидеть отпечатки (*'асър*) их (целокупных вещей.— *А. С.*) в [сущем], определившие «сколько», «как», и «когда» (каковое [сущее] есть иное, нежели то, что постигнуто во внушенном откровении), дабы оные осветили ей путь к этому познанию. Точно так же, познавая интеллигибельное, она нуждается в свете внешних интеллигибельных вещей (кои суть иное, нежели сенсительное), дабы он осветил ей постижение воплощенности сенсительного (о чем мы уже говорили), причем она здесь начинает с сенсительного и кончает сенсительным.

В этом отношении душа — точное подобие трута. Ведь хотя искра огня, попадающая на трут, сама по себе обладает и огнем, и светом, однако труту, чтобы осветить все вокруг себя, необходимо еще нечто (скажем, сера или что-то в том роде), благодаря чему сей огонь стал бы светоносным и выявил для глаза истинные цвета и фигуры окружающих

вещей. Так же и сенсительное сущее с отпечатками воздействия и явленными в нем отпечатками [пророческого] произведения, будучи освещено огнем внушенного откровения, проясняет душе истину целокупных знаний,— точь-в-точь как сера.

Вот что относится к вопросу о соединении с миром Единства и принятии [его воздействия].

Что касается внушенного откровения, то этим словом обозначается то, что познается целокупно, без разъяснения (*тафсйр*) и частных (*тафсйль*). Оно бывает двух родов: познаваемое непосредственно и познаваемое при посредстве сенсительного.

Откровение без сенсительного посредника являет собой величайшую драгоценность. Оно дается душе приходящим к ней через ангела светом мира Святости, что мы уподобили огненной искре; это — высшая из всех ступеней знаний.

Откровение, познаваемое через сенсительного посредника, двух видов. Одно — особое, познаваемое чрез форму, исключительно дарованную воскресенной душе: одна она, и никто другой, постигает сию форму чувствами. Например, ей может предстать ангел как некая форма, если ее самости внушены (*вахй*) извне (как мы о том говорили) отвлеченные от материй целокупные смыслы. Тогда она видит эту форму и разговаривает с ней, другие же не видят и не ощущают ее. Это и есть воображение (*хяйль*).

Второе же — познаваемое в том, что поддержанная воскресенная душа постигает сенсительно наряду с другими [людьми], однако одна она (и ее последователи) постигают все заключенные в том знания. Так познаются отпечатки мудрости и [пророческого] произведения (со всем, что тому необходимо-присуще или привходяще), сущие в сенсительном, кое самостно глаголет (пусть оно и молчит), об оных отпечатках возвещая (пусть даже оно уст не размыкает) и с ними знакомя (хоть их и не знает). Это и есть раскрывающее откровение (*фатх*).

Этот вид откровения распадается на многие, общим числом сорок шесть, как то передают со слов пророка (да благословит и приветствует его Бог!). Среди них намек (*ишйра*), символ (*рамз*), уподобление (*дарб аль-амсйль*), [определение] судьбы (*хазз*), вдохновение (*ильхйам*), видение (*ру'йя*), гадание по полету птиц, фигура, цвет, состав, речь, число, движение и вообще все самостные состояния

любого сущего, живого и мертвого, субъекта (*хймиль*) или предиката (*махмйль*), и так далее.

Все эти виды откровения суть внушение (*'йхй'*) поддержанному воскресенному со стороны Творца их, Господа миров, Господа небес и земли и того, что между ними, о коем мы говорили вскользь, сути не касаясь, представив как бы видение (*ру'йя*) и подобие оно. В этом отношении различны достижшие сей ступени границы и помощник их — чистая душа: одни богаче, другие беднее, смотря по тому, какова способность каждого к принятию, какова преданность и дарованное счастье.

Все эти отдельные виды откровения и объединяющее их, уже упомянутое нами, определение суть целокупные знания, прекраснейшие сведения, заключающие в себе смыслы неявиные и неоткрытые.

Среди природного сущего это можно уподобить яйцу. Яйцо — это потенциальная птица (с крыльями, лапами, клювом и перьями). Известно, что все это есть в яйце,— однако же оно скрыто и чувству может быть явлено только благодаря тому, что схоже с истолкованием видений и подобий, кои обладают явленными чувству смыслами. Или же, скажем, кто-нибудь видит издалека блеск меча или развевающиеся складки одежды и так узнает в общем и целом, что за их движением стоит человек. Это знание верно, однако тут основное скрыто,— ведь неизвестно, кто размахивает мечом или шествует в одеянии: негр, турок или еще кто-то, мужчина или женщина, пеший или всадник, умный или невежда, один он или с компанией и так далее. Все это можно узнать лишь благодаря чему-то иному, что будет схоже с истолкованием, выявляющим смысл подобий и видений, а именно, приблизившись к тому человеку и постигнув все это чувствами, либо услышав то от кого-нибудь другого, кто передаст это знание.

Все эти разные виды [откровения], по ступеням коих распределены люди, может полностью объять и охватить лишь тот, кого особо выделил Всевышний и поддержал высшей ступенью внушенного откровения. Мы уподобили ее искре, освещающей благородную душу светом Святости, который приходит извне и соединяется с ней; он для нее то же, что свет для глаз, благодаря коему они постигают истинные цвета и фигуры; он — предел всякой силы. В этом охвате всех видов [откровения] никто не соучаствует с той

благородной душой; один за другим обнимает она их, пока не останется ничего не объятого.

Все это — как ясная речь, распадающаяся на три части; о сих частях сказал Всевышний в Писании Своем: «С человеком Бог не говорит иначе, как только чрез откровение или из-за завесы; или посылает посланника, и, по Своему изволению, открывает ему, что хочет»¹². «С человеком» — с тем, кто избран в царстве Природы и воскрешен, чтобы прочих сыновей своего рода и своей веры (людей, кои благодаря установленным для того согласно известной мере орудиям обретают существование) учить единобожию, единству Всеславного Господа миров и поклонению Ему, «Бог не говорит», то есть ведет речь (*калям*), а она — разум: тому, кого Бог избрал, чтобы говорить с ним и сделать чрез речь воскрешенным совершенным разумом, не дана была та речь, которую ведут ясно и открыто люди, говоря друг с другом о частностях (*джуз'ийят*), от коих поднимается он к познанию целокупных вещей (*куллийят*), — сие отрицается, ибо сказано «не говорил»; «иначе, как только чрез откровение», — а это уже утверждение, пришедшее после отрицания, утверждение внушенного откровения, кое является первой частью [из трех]. Оно известно под именем великого избранничества (*джадд*). Сим говорит Он: Мы научим его, просветив светом Святости субстанцию его, так что в его самости наяву заискрятся те формы, кои суть целокупные знания, подобно тому, что видит он во сне, и что связано с существами и событиями, время которых минуло или еще не пришло, и что нуждается в чем-то другом, посредством чего раскрылись бы частности и явилось бы их разъяснение. «Или» — разделительный союз, «из-за завесы» — как бы из-за подобий и воздвигнутых ради известных целей вещей, что суть как письма, направляющие знающего сию грамоту к тем своим смыслам, кои в них содержатся, каковые смыслы вызывают к нему (даже если молчат) и с ним говорят (даже если рта не раскрывают). «Или» — разделительный союз — «посылает посланника» (сие — часть третья, известная под названием воображения), то есть научает его чрез воображаемое, кое предстает пред ним в образе обычного человека¹³ благодаря той силе, что приходит к нему из царства Святости (каковое воображаемое есть ангел), либо глаголом чрез слух, либо во плоти, представ перед очами.

Таковы сии три вида, кои собирают все виды божественного научения: иногда чрез первый, иногда чрез второй или третий, или чрез несколько сразу, или чрез какую-то сторону одного из них, смотря по силе его (научающегося. — *А. С.*).

Что касается первой части, а именно внушенного откровения, дающего знание основ (*'усуль*) (его мы уподобили искре огня) и известного как великое избранничество, то оно приходит к поддержанному [небесами] и наяву, и во сне. Он либо видит в самости своей некое существо, к нему с речью обращающееся, или же слышит одну речь (вроде нашептывающего голоса какого-то духа). Тогда он постигает все, что в душах людей, и узнает их верования и убеждения. Это дается ему как целокупное; так, к примеру, утверждена в целом обязательность молитвы и очистительной милости речением Всевышнего: «Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню»¹⁴. Это — целостность не разъясненная. Или же, скажем, кто-нибудь видит во сне, что ему досталась пшеница или пара обуви. Это значит, что он скоро разбогатеет или встретит красивую женщину. Однако каким именно образом достанется то богатство и сколь оно велико, и что это за женщина, и насколько она красива, и какова нравом — узнать все это можно благодаря другим вещам, например, если известно, какого цвета обувь, сколь она хороша, ношенная она или новая; так же и о богатстве можно узнать, как именно достанется оно ему: заработано будет или кем-то подарено, и сколь велико будет, известной ли суммой исчисляется или неограничено — и тогда все будет выяснено. В сей части никто не соучаствует воскрешенному поддержанному своего времени.

Что до второй части, а именно речи из-за завесы, то есть раскрывающего откровения, то оно проистекает от отпечатков божественного устройства в сущем. Это — как божественная речь, запечатленная в подобиях и примерах, как то было внушено ему (Мухаммеду. — *А. С.*): «Подобие доброго слова — доброе дерево»¹⁵, и как сказал Всевышний: «Бог есть свет небес и земли»¹⁶, и прочее; это — как божественная речь, льющаяся от самостей сущего и раскрывающая отпечатки [божественного] произведения. Скавав: «Истинно, в сотворении небес и земли, в смене ночи и дня... Сохрани нас от мук в огне»¹⁷, Всевышний указал, что

небеса, земля и то, что между ними, говорят с размышляющим о сущих в них отпечатках мудрости Всевышнего и что размышляющий об этом ведаёт их самостную речь и знает, что ею утверждают они Его, Всевышнего, и что Он не напрасно сотворил их. Ведь сущее, о коем размышляет размышляющий (а сие сущее проникнуто отпечатками [божественного] устройства), как бы говорит с ним, и так он (в зависимости от того, сколь силен в принятии светящего ему в этом света) получает от этого сущего знание обо всем.

Первое из сего знания — утверждение единобожия: самостно глаголя о сущих в нем отпечатках [божественного] произведения и устройства, сущее свидетельствует, что у него единый Создатель. Далее — утверждение ангелов, сему сущему в бытии предшествующих: глаголя о своей самости, коя есть тело, сие сущее свидетельствует, что оно не сотворено (когда бы было первым в бытии) и что сотворенное Всевышним — иное, сему сущему предшествующее, служащее ближайшей причиной его бытия, а именно Приближенный Ангел. Далее утверждает оно, что не является истинной целью [творения], ибо не есть конечное в бытии (когда бы было бы подобным сотворенному Всевышним изначальному). Далее утверждает оно ступень пророков и посланников от Всевышнего Бога, ибо сущие от него люди ради обеспечения интересов своих нуждаются в учителе, который передал бы им знания от Всевышнего (как о том уже говорилось) и научил прочему. Узнав все это, люди соблюдали бы должное, повинуюсь Всевышнему, и понимали бы, что все это сотворено не напрасно и существует не просто так, но согласно истине и мудрости.

О сем свидетельствует истолкование этого аята. «Истинно» — так начинается сей аят, и это слово утверждает необходимость всего, что дальше говорится. «В сотворении небес и земли» — в установлении пророков и заветников, а меж оными — границ, кои в религии суть как бы небеса и земля, «в смене ночи и дня» — и в незыблемости обрядов обоих поклонений, явного и скрытого, кои в религии суть как бы ночь и день и коими стяжает верующий поддержку и вечное пребывание в раю, «есть знамения для обладающих рассудительностью» — есть все то, из чего обладатели Божественной благодати и их последователи познают, в чем благо для души, а в чем — зло, в чем совершенство и в чем — ее ущербность в делах религиозных и мирских, «для

тех, которые понимают Бога», — таковы «обладающие рассудительностью», следующие Божьему приказанию и остерегающиеся греховного и запретного, а именно глаголящий и другие, «стоя, сидя» — в состоянии обоих поклонений — явного деянием и скрытого знанием, «и лежа»¹⁸ — и во всех своих состояниях, кои суть само поклонение, и они не оставляют установлений Всевышнего, но во всем руководствуются Божьим приказанием, поминают Его и Ему следуют, «и размышляют о сотворении небес и земли» — и задумываются о явленных отпечатках [божественного] произведения, об их «как», дабы обрести твердую уверенность, что их «когда» суть ступени научающих и руководящих границ, и оным воспоследовать, «[говоря]: „Господи наш! Ты сотворил это не напрасно“», — размыслив о том, почему и с какой целью созданы небеса и земля, сотворены люди и среди оных поддержаны посланники, научающие, путеводящие и призывающие, они постигают истину сего и восклицают: «Господи наш! Сих границ и посланников воздвиг Ты не напрасно, и послал Ты их не напрасно, но по истине и по праву; нам же уготованы награда и наказание, рай и пламень, «хвала Тебе! Сохрани нас от мук в огне» — сие мольба их: просвети и наставь нас, дабы стяжали мы то, что спасет наши души от гибели, и нет для нас силы и нет мощи иначе как чрез Тебя.

О том же говорит и истолкование речения Всевышнего: «Неужели не ходили они по земле и не было у них сердец, чтобы уразуметь?»¹⁹ «Неужели не ходили они по земле» — неужели не знали они о призыве к поклонению знанием и науках его — приюте разумов, неужели не заручились покровительством обретших поддержку, сей призыв хранящих, «и не было у них сердец, чтобы уразуметь» — и не было у них поддержанных небесами, кои для людей — как сердце для тела, и не могли они научиться у них поклонению и наукам единобожия, «или ушей, чтобы выслушать» — или преемников поддержанных [небесами], таких как хужджи, кои научили бы их и от коих получили бы они знание своих религий, если не дошли они до самих поддержанных [небесами], «ведь не слепы очи их» — это о поддержанных [небесами], кои суть как бы очи людей, знания им приносящие (как о том сказал Всевышний: «Помяни рабов наших Авраама, Исаака и Иакова, обладателей дланей и очей»²⁰ — так выделил Он их из всех людей как облада-

телей дланей и очей, хотя, как известно, у всех людей есть руки и глаза), и о ниже их стоящих преемниках их в религии, то есть границах: не слепы очи их, ведущих к истине в религии, «но слепы сердца, кои в груди их» — но расстроены очи спесивцев, от поддержанных [небесами] отошедших и верховенство в религии себе приписывающих: они гибнут сами и губят других, и не могут самостно узреть, в чем заключено благо их религии. Это подтверждает речение Всевышнего: «...так будет потому, что Бог — покровитель верующим; а неверным нет никакого покровителя»²¹, — у верующего есть покровитель от Бога благодаря вере его и тому, что заручился он покровительством поддержанного [небесами], поставленного, чтобы руководить им, а у неверующего нет учителя и покровителя в истинной религии Божьей, ибо он не верит и отрицает макам поддержанного [небесами], поставленного для научения.

Все эти (а также им подобные) виды [откровения] суть речь, знания дающая и научающая. Как извлекают знания через небесные тела, из отпечатков [божественного] произведения, так же получают их и чрез порождения. Например, в растении (или дереве) на природу его указывает внешний вид и плод, цвет и запах, а также то, тверд стембель или гибок, обладает ли оно качествами жара или влажности, или холода, или сухости (или наоборот), сладко оно или горько; тем, сколь зелено оно, указывает растение на то, мало или много пьет воды, а свежестью и силой своей — на качество почвы, в которой растет, — все это узнается по нему. Или, скажем, человек своими словами или делами может указывать на что-то, сам того не зная. Например, кто-нибудь хочет вспомнить аят Корана и не может, и как ни старается, ничто на ум не приходит. Вдруг слышит он, как кто-то произносит этот аят, и перенимает его, а чтец и не знает, что прочитал этот аят для сего человека (поэтому сказал пророк — да благословит Бог его и род его: «Да будет благословен тот, кто услышал мною сказанное, запомнил и передал тому, кто не слышал: быть может, тот, кому передаст он мои слова, более понятлив, нежели сам он»²²). Или, скажем, кто-нибудь сам с собой о чем-нибудь разговаривает или размышляет, или призывает и вдруг услышит в словах другого человека ответ на то, о чем думал (либо прямой ответ, либо косвенный, если будет сказано то, от чего как от начала можно прийти к требуемому предме-

том размышления ответу). Так же, увидев, что орлы собираются в каком-то месте, можно узнать, что там есть мертвые тела, самих тел не видя. Поддержанный [небесами], которому светит свет царства Святости, обладает всеми подобными знаниями, а кроме него того не ведает никто.

Что касается третьей части (а именно: ниспослания посланника, который предстает, например, в образе обычного человека и познается воображением), то это не содержит ничего неясного или неразъясненного; и никто, кроме поддержанного [небесами], не видит его, благого духа, именуемого Гавриилом²³.

Одним словом, поддержанный [небесами] постигает все вещи соответственно тому, сколь дано ему религиозных знаний и того, что с ними связано, и ничто не ускользает от него, будь то даже писк комара или чего-либо ничтожнее его²⁴. Он видит вещи наяву так же, как видит их в сновидении спящие души, оставшиеся наедине со своей самостью. Направляя мысль свою, куда пожелает, он видит, как оное возвращается в его самость; он освещает тех, кто к нему прибегает, светом царства Святости; и воздвигаются формы, пред ним предстывая и к нему с речью обращаясь. Так приходит к нему внушенное откровение. Тогда он говорит с приближенными ангелами, и они говорят с ним, ибо он подобен им по самости в своих совершенстве, воскрешенности (*инби'ац*) и освещенности [светом Святости]; и если, таковой достигший [совершенства] говорит с Высшей Гранницей. Это — то состояние, которое может идти за возвещенным им до того, как ниспосланные (*танзийль*) будет отменено внушенным откровением.

А прерваться состояние внушенного откровения может только из-за вмешательства природных помех, если, скажем, душа, находящаяся в мире Природы, не освобождена [от влияния тела] и смесь накладывает на нее свой отпечаток. Тогда от такого человека бывает скрыто истинное существо дела. Поэтому и сказал Всевышний: «Не посылали Мы до тебя никакого посланника или пророка без того, чтобы, когда он предавался мечтам, Сатана не бросил в его мечты чего-либо; но Бог стирает то, что бросает Сатана, и утверждает Свои знамения: ведь Бог — Знающий, Мудрый»²⁵. Всевышний говорит: «Не посылали Мы до тебя никакого посланника или пророка» — то есть каждому пророку или посланнику, коего поддерживали Мы светом

Святости, из-за смеси его (благодаря коей существует его душа) воображалось нечто под влиянием его природы, и он предавался мечтам, «и Сатана бросал в его мечты что-либо» — и это отклоняло его от правильного, ибо смесь в согласии с Природой вызывает то, что обусловлено чувственной ступенью души, но Всевышний уничтожает это неправильное светом внушенного откровения, коим Он поддерживает поддержанного, и тот постигает сие, «утверждает Свои знамения» — и исправляет Бог внушением речения Своих угодников (кои суть знамения и знаки Его) и утверждает их (как, скажем, сказал Всевышний: «Они спрашивают тебя о добыче; скажи: добыча в распоряжении Бога и Его посланников»²⁶, что означает, что все принадлежит Богу и посланнику, каковое речение отменено речением Его: «Знайте, что из всего, что ни берете вы в добычу, пятая часть Богу, посланнику и родственникам его, сиротам...»²⁷, ибо в сем речении, словам упрямцев предел ставящем, истинная правда, а не в первом, пред речами отступников двери отверзающем).

И вот, когда субстанция души освещена сими божественными материями, она, величаясь, способна все то, что существует в абстрактной мысли (*вахм*) и чего непреложность вытекает из [божественной] мудрости²⁸, представить чувству как для оного постижимое и свершающее действия, людей изумляющие и смущающие, поскольку это превышает обычные человеческие силы. Однако сия душа такова, ибо пред ней отверзлись все двери знания и она объяла то, что никто кроме нее не объял; и вот ей подчиняются все тела, ибо ей удастся собрать их, опираясь на все то, что в них есть, дабы осуществить искомое. Тогда они становятся для такой души орудием, и сей [поддержанный небесами] свершает все, что считает необходимым для управления, соединяющего счастье в религиозной и мирской жизни. Он для них (тел. — *А. С.*) — как душа для тела, собирающего разнообразные орудия, коими свершаются явные действия и кои не могут ее послушаться, как, например, рука не может воспротивиться ей, если надо что-то взять или дать, или глаз не может не видеть и не постигать сенсительное, если она того захочет, или же ухо (которое менее всех других внешних орудий способно повиноваться приказанию двигаться), или же нога, которая, не сопротивляясь, движется, если душа хочет привести ее в движение, или даже пальцы ноги.

Сия душа воздействует на тела и использует их таким образом, что, если хочет предпринять что-либо, находит, что небеса и земля и то, что между ними, помогают ей свершить это действие (так же, как воздух летом оказывает белильщикам тканей, прачкам и делателям бумаги помощь в главном, чем свершается их действие, ибо быстро высушивает влагу, коя препятствует им в их деле, а также и банщикам, помогая им легко и с наименьшим расходом топлива нагреть свои бани) благодаря дарованной ей благодати Всевышнего и величайшего имени Его, на коем воздвиген столп (*кутб*) пророчества, благодаря свету Его, корону могущества [на поддержанного небесами] наседающего.

Тогда способна сия душа свершать неодолимые чудесные действия; а свершаются они благодаря проникновению в сущее сил тех материй, что со всех сторон соединяются с поддержанной душой, приходя из царства Святости. Тогда сущее повинуется ей так же, как тяжелое неподъемное тело повинуется человеку, знающему, какие надо использовать орудия, дабы легко поднять и перенести его; как тяжелое железо повинуется притягивающей силе магнита, самостно двигаясь без всякого двигателя; как утихают боли, повинуюсь заговору; как клопы, мухи, крысы и им подобные твари послушно сбегают, если сделать из минеральных тел их изображения и придать им известное положение; как цыплята вылупляются из яйца, повинуюсь человеку, знающему, кем заменить наседку; как повинуются душе телесные орудия — внешнее ее продолжение; как строптивцы подчиняются мудрости и повинуются словам и речам.

Тому среди природного сущего много прочих примеров, людям хорошо известных и существованием своим доказывающих непреложность того, что выше и больше их и что разумам постичь куда труднее. Во всех этих примерах природное сущее уподобляется тому, что поддержанная душа способна свершить благодаря божественной силе, когда свет ее разливается в сущем. Она, например, может вызвать тучи, гром, ливень, молнии и огонь, как о том сказал пророк (да благословит Бог его и род его!), разогнавший диспут грозovým облаком: «Если они станут оспаривать мои слова, Бог потопит их в огне»²⁹. Ведь он согласился на диспут не для того, чтобы вызвавший его противник остался при своем и не было бы никакого явного доказательства, кто прав, а кто нет. Он выходил, чтобы явить знамение, ясно

свидетельствующее, что он прав, а другие нет, и это знамение — огонь, изливаемый Богом на противников его, как о том сказал сам пророк (да благословит Бог его и род его!), — а иначе и не было бы ему смысла участвовать в диспуте, если бы не стало известно, что слова его истинны. Или же, к примеру, огонь, нисходивший с небес к людям прежних вероисповеданий, чтобы принять приносимые ими жертвы.

Все это — вещи скрытые, которые зенице (*баъйра*) разума может явить только свет поддержки, из царства Святости исходящий и с воскрешенным соединяющийся, как то предначертано. Поэтому сей ступени никто не достигает собственными усилиями, но только благодаря дару, соответствующему предразмеренной мудрости, и поэтому же кудесничеству и магии и всем им подобным действиям и премудростям, имеющимся в природных вещах (а все они суть точные и скрытые от непосвященных науки) можно научиться благодаря собственным усилиям и старанию ³⁰.

В целом, даже если кудесник (*муша'виз*) относится к высшему классу душ, его знание — природное, которому можно обучиться и которое можно стяжать, и он, а также маг (*сāхир*), могут творить удивительные вещи, но они не воссоединяются с царством Святости, сие царство не освещает их и они не идут по пути обоих вероисповеданий. Так, они могут, используя известные им приемы, превратить лотосовые листья в звонкую монету или убить животное и тут же оживить его на глазах людей, без всякого обмана чувств. Но все это неудивительно для воскрешенного, коему дарован свет, коему светят все знания. Наделенный изумительной мощью, он может произвести куда более великое и высокое — ведь и среди ступеней душ он занимает самую высокую и благородную. О нет, нельзя не видеть — ведь это ясно и непреложно, — что правдивы начала его и концы! И все это знание хранится поддержанными [небесами]; они безраздельно им обладают, не допуская к нему никого, кроме Приближенного Ангела, пророка, посланника или такого верующего, сердце коего испытал Бог.

Разница между деяниями поддержанного [небесами] и пророчествующего кудесника состоит вот в чем. Чудо (то есть деяние воскрешенного) никто не способен повторить

иначе, как благодаря божественному свету, с ним из царства Святости соединяющемуся: оно связано с иным, а не с его (человека. — *А. С.*) самостью, тогда как кудесничество (то есть деяние кудесника) может повторить всякий, ибо оно связано с его самостью, с его усилиями и его устремленностью к обучению и получению нужного знания (возьми, к примеру, умения Ибн аль-Умейды и прочих, ему подобных).

А кроме того, величайшим чудом, явленным посланниками (мир им!), мы считаем тот факт, что принесенные ими от Всевышнего Законы, слитые с религиозными обрядами, соответствуют творению Преславного и уравнивают оное. Сие величайшее свидетельство! Вот оно, чудо несомненное, на которое не способен ³¹ пророчествующий прорицатель, сколько бы ни старался. Если же чудо не закрепляет явленных деяний, когда бы они предстояли взору еще спустя некоторое время после того, как были явлены, то таковое нельзя считать правдивым и верить, что действительно от Всевышнего творец сих деяний принес законы, обряды и уложения и божественные книги, предписывающие и воспрещающие, принуждающие и удерживающие. Но если все это равновесно творению Всевышнего и оному соответствует и с ним согласуется, не пропуская в нем ничего, что призывает к исправлению души и стяжанию добродетелей и совершенства, то сии действия его правдивы и проистекают от божественной силы, а сам он — воистину воскрешенный.

Пророчествующий же, сколько бы ни старался ввести людей в заблуждение и скрыть свой разрыв с вервием [Бога] ³² и непорочностью (для чего и производит, как мы говорили, превышающие человеческие силы природные явления), ему это не удастся. Все равно становится ясно, что не способен он подражать Всевышнему и Преславному Богу, Его речам и делам и призыву Его — ведь сие ведомо только тем, кого Бог чрез поддержку Свою ознакомил с сим; эта ущербность и показывает подлинные способности его. К примеру, Дисан и Ибн аль-Мукни являли таковое в Хорасане, выпуская на небо луну, которая светила в определенные промежутки времени. Творили они и прочее, но никто из них не смог представить ничего, что находилось бы в равновесии и взаимном соответствии с тем, о чем они говорили, и тем доказать, что действительно принадлежат к

поддержанным [небесами]. Так стало ясно, что они — лжецы, других в заблуждение вводящие.

Ведь в целом сии действия в самом деле проистекают от знания души, однако она в данном случае движима (*мунба'уса*) своей смесью: ради нее она действует и старается. Такое действительно бывает, но обладатель подобной души далек от единения с [миром] Святости и вовсе не занимает ступень воскрешенной царством Святости души, каковая душа действует самостно и бережет свое совершенство не ради выгоды удовлетворения проистекающих от ее смеси капризов и прихотей. А таковое является счастьем, распадающимся, как мы говорили, на счастье мирское, обладатель коего получает искомое в дольном мире (как Муавия, Язид и прочие), счастье загробное религиозное, обладатель коего стяжает искомое для души своей в ее загробной жизни (как, к примеру, Омар бен Ясир и Абу Зирр аль-Гафари — мир им обоим!), и счастье совокупное, обладателю коего Бог дарует и в мире дольном, и в мире загробном, каков, к примеру, воскрешенный, поддержанный [небесами], коего Бог наделяет благодатью Своей, ибо он — предел совершенства, верх добродетелей и опора всякого счастья.

При этом добродетели ангелов (кои суть вне[природные] Разумы в царстве Святости — [Первое] Сотворенное, Первая Эманация и прочие ангелы, прославляющие и восхваляющие, изначально сущие) вовсе не таковы, как те, что в царстве Природы и стяжания считаются добродетелью для воскрешенных. Ведь об этих ангелах нельзя сказать, что они мужественны, целомудренны или честны, щедры, правдивы или справедливы, или обладают прочими добродетелями, принадлежащими природной душе. Все подобные вещи дают природной душе ту добродетель, которой эти Разумы обладают в силу своей извечности и пребывания, потому, что они удостоены близости и нет между ними и Всеславным Богом посредника, и этому они радуются и ликуют, будучи поддерживающими причинами всего, от них сущего, такими, которые не знают порчи, превращений и изменений. Эти Разумы не были в царстве Природы и не обладали такими вещами (когда бы благодаря оным обрели то, чем единолично владеют), и существуют они не благодаря им (когда бы их, эти Разумы, следовало огнести к тому, чему что-то предшествует [в бытии]).

Однако такие вещи считаются добродетелями потому, что являются причинами обретения счастья (какое счастье и есть добродетель сих благородных и изначальных существ) и делают душу гордой и неприступной, так что она всячески противится тому, чтобы погибнуть или опуститься и погрязнуть в пороках, и устремляется к вершинам величия, ища и обретая покрывало могущества — божественные знания, стяжая так, как мы то показали в «Короне разумов».

Воскрешенный поддержанный [небесами] собирает все природные добродетели, каковые суть причины обретения вечного счастья. При этом он являет собой предел всех этих добродетелей: он понятлив и восприимчив³³ к малейшим подсказкам и намекам (и уж тем более к тому, что говорится или преподается прямо); хорошо запоминает все, что различает око и сердце или слышит ухо, проявляя в этом величайшую пронизательность и живость ума, ибо для постижения ему достаточно малейшего и наименьшего; он искусен и точен в выборе слов и в немногих выражениях донесет до слуха тончайший смысл; красноречив и выразителен и способен направить других к счастью и деяниям, коими достигается совершенство; отличается прекрасным телосложением и вынослив и искусен в боевых действиях; от природы способен черпать знания везде и во всем: от живого знающего или незнающего, или неживого³⁴, наблюдая их движение и покой и каковы они или внимая их речам и словам; в нем найдешь врожденную здравость и склонность к добру, он свободен от пороков — алчности и ненасытности, невоздержанности в еде, питье и связях с женщинами, склонности к пустым забавам и развлечениям — одним словом, в нем нет ничего, что препятствует душе обрести счастье. Он великодушен, благороден и справедлив, ему ненавистны жестокость и произвол. Он целиком отдается поклонению, во всем для души полезному, и от природы не приемлет ничего низкого и порочного. Он смел и отважен, и его ничто не испугает в борьбе за правое дело. Ведь Святой огонь озарил субстанцию его души: в эмпириях Святости, взирает она на внизу лежащий мир религии, и с ней связано бытие и счастье [обычной] души. Таково же золото, получившее в удел свет солнца в избытке: оно самое благородное из минеральных тел, благодаря ему одному течет мирская жизнь людей и движутся дела их. Такова же

и пшеница: будучи наделена умеренностью (*и'тидаль*), она питательнее прочих злаков, и от нее зависит поддержание жизни тела.

Потому сей поддержанный [небесами] идет впереди всех [людей], и все [люди] следуют за ним. Во всех деяниях своих, во всем, к чему он призывает и что без устали и изъяна осуществляет, он являет совершенство, дарованное ему царством Святости, дабы, все предразмерив и расположив, к искомой цели дело благополучно привести. Поэтому он непорочен: ничего дурного в нем не найдешь. Такой не может не быть достигшим полноты, поддержанным и добродетельным. И прилепляются к нему и следуют за ним одни добродетельные, а отходят от него и ему противодействуют только развращенные и низкие блудодеи. Ведь если кто-то с ним имеет соотнесенность, то в этом он с ним схож и близок, если же расходится, то он в том от него далек и несогласен; а коль скоро тот, кому следуют, благой, то и согласные с ним последователи его благие, а о противниках надлежит сказать обратное.

Точно так же прилепившиеся к счастливому воскрешенному и избранные сподвижниками его суть сосуд его благодати и врата его мудрости. А число тех, в ком такой воскрешенный нуждается, дабы утвердить дело Бога, не превышает двенадцати, ибо они для него то же, что двенадцать для сущего макро- и микрокосма. И вот при каждом посланном пророке находилось такое число: при Моисее (мир ему!) было двенадцать заместителей (*нақйб*), и при Иисусе (мир ему!) — двенадцать заместителей и апостолов, и при Мухаммеде (да благословит Бог его и род его!) — двенадцать сподвижников. И до того у Адама, Ноя и Авраама было по двенадцать человек — носителей их знания, их дело осуществлявших и свет их мудрости приемлевших.

У каждого из них — высокая ступень, видное положение и право. Но ступень выше прочих занимает и ближе всех к нему ³⁵ по рангу тот из них, кто более других имеет с ним сходства и соотнесенности в тех добродетелях, коими отметил его Всевышний, лучше прочих приемлет его приказания и запреты и откликается на беды его и радости, кому даровано больше других из того же, чем наделен и тот, кто более других достоин стать его преемником и кого сам обладатель одного положения таковым назначает. Благодаря наставлениям и поучению его такой [преемник] собирает все,

что необходимо, дабы после него управлять народом своим и закалять его [в горниле религии]. Ему, многомудрому, ведомы все те установления, что тот принес народу своему, и он сохраняет все многообразные законы оного. Во всем он поступает так, как тот повелевал, и ни в чем от этих повелений не отступает; он рассудителен и здравомыслящ; искусен и ловок в сражениях; терпеливо переносит невзгоды; своим праведным руководством призывает к изначальному закону; разъясняет его целокупные речения; показывает мудрость, скрытую в поступках и деяниях его; открывает знания, таящиеся в Законоустановлениях и обрядах общины его, и научает им ищущих знания; утверждает в народе своею истину; не отступает от дела своего и равно сдержан в радостях и горе.

Во всем этом подобен он луне, каковая в мире телесном стоит рангом ниже солнца. Никакое из прочих светил (хотя все они, подобно ей, светила) не приемлет свет солнца так, как она, и не замещает его, когда оно уходит с небосвода, во всем, что связано с переводом природных порождений в бытие; никто не схож так с солнцем, и никому не дарован такой удел освещать мир и воздействовать на него. Или же подобен он серебру, что стоит ниже золота и играет первую после него роль в жизни людей. По благородству и ценности оно к нему ближе прочих минералов и в отсутствие золота замещает его, ибо схоже с ним и приближается к нему по своей природе.

Поэтому Мухаммед (да благословит Бог его и род его!) избрал Али бен Аби Талеба (да благословит Бог его!) и назначил на свое место после себя, препоручив ему народ свой. Ведь тот во всем был выше прочих, и ранг его после него (мир ему!) — ранг преемника. Это значит, что он занял место его во всем, что связано с призывом к поклонению действием, и должен завершить препорученное ему дело призыва к поклонению знанием, о каковом призыве сказал пророк (да благословит Бог его и род его!): «Я емь град знания, а Али — врата его; кто желает знания, да придет к вратам».

Далее идут замещающие сих двух в сохранении обоих призывов их, к поклонению действием и поклонению знанием, а именно имамы (мир им!). Из оных каждый поддерживаем небесами. Каждый седьмой из них, сему благородному числу (семерке. — А. С.) соответствующий, наделен силой,

сомнению не подлежащей, и [небесной] поддержкой немалой и изрядной. Он завершает малый цикл в цикле большим, каковой является циклом воскрешенных глаголящих (да благословит их Бог!), и по рангу своему (а этот ранг состоит в сохранении явного и скрытого поклонений и наследовании макама пророка — да благословит его Бог! — и источника) подобен, хотя и не достигает его высшее откровение, каковое является рангом воскрешенных, источнику, который занимает макама поддержанного [небесами] воскрешенного и с избытком наделен Святой благодатью.

О сем поведал Всевышний в Писании Своем, сказав: «Бог есть свет небес и земли...»³⁶. «Бог есть свет небес и земли» — то есть Всевышний есть творец небес и земли, освещающий их отпечатками Своего произведения и неодолимой мудрости, дабы благодаря их влиянию и воздействию все природные порождения, коим мудростью предначертано быть, получили бытие; поддерживающий посланников и границ Своих, коих установил в религии Своей на место небес и земли и щедро наделил истечением Своей благодати, дабы благодаря их научению и руководству происходили духовные порождения. «Свет Его подобен» — подобно тому, как Бог поддержал пророка (да благословит Бог его и род его!) светом Своего слова и излил на него благодать Своего единства, будучи истоком знаний его и основой откровения — «светильнику в нише» (а ниша — это небольшое отверстие), — говорит Бог, научая, уподобляя и тебе доступным делая: так же его (заветника.— А. С.) сделал глаголящий истоком (*mādda*) и хранилищем божественных знаний — Писания, Закона и нормоуложений, кои суть как бы хранилища смыслов и знаний. Итак, говорит Он: в сих хранилищах «светильник», то есть содержат они божественные смыслы и знания, кои относятся к светам Царствия, пусть самостно они и не познаются.

«Светильник — в стеклянном сосуде» (светильник — образ божественных знаний, а стеклянный сосуд — имамов и исполненных) — сии смыслы и знания (кои суть светы Святости) так же объаты имамами и исполненными (кои неразлучно поддерживают их, собирают и хранят, так что сии светы освещают их самости и самости последователей их, оных взыскующих), как сосуд обнимает лампу, ибо та заключена в нем, а свет ее разлит во всех частях сосуда и

истекает наружу. «Стеклянный сосуд блистает как звезда» (блистающая звезда — символ заветника) — имамы и исполненные (мир им!), размышляющие и рассуждающие о сих святых предметах, извлекающие религиозные знания и пророческую мудрость, обнимающие оные и назад возвращающиеся, встретив что-либо неясное, подобны источнику, коему в обоих призывах, явном и скрытом, послушно открываются все мудрости, образы и установления, предстанные везде от небес до земли (как о том сказал Всевышний: «Потом Он взшел к небу, которое было как дым...»³⁷), так что Писание разговаривает с ними (имамами.— А. С.) и Законоуложения к ним свою речь обращают (пусть они и молчат и звука не проронят), и ничто от них не скрыто, но, напротив, все открывается им: они постигают «знание первых и последних», кое было ниспослано Мухаммеду (мир ему!)³⁸.

«В нем горит благословенное дерево» (благословенное дерево — символ пророка — да благословит Бог его и род его! — эпитет блистающей звезды, коей лик светозарен) — имамы и исполненные, объявшие знания, подобны источнику, который научался и зажег свет своего знания от знаний благословенного дерева, то есть глаголящего, коему даровано благословение и огонь поддержки, в свете которого предстают пред ним все знания: в сем они, хоть и не обладают рангом источника, от него не отстают. «...Маслина» — ведь они подобны плоду того дерева — маслине, «какой нет ни на Востоке, ни на Западе» — они не занимают ранг заветника (коему принадлежит скрытый призыв), когда бы были, подобно ему, западными; они западные и восточные одновременно, ибо занимают макама их обоих³⁹ и замещают их для их последователей, и благодаря этому им отданы оба ранга, означенные как Восток и Запад. «Масло в нем источает свет почти без прикосновения к нему огня» (а масло — сок маслины⁴⁰, из него истекающий — символ речей и поучений, получаемых от имамов — да благословит их Бог!) — их знания и слова, что облекаются в звук и из их уст исходят, когда они поучают и руководят, схожи со знанием и словами обладателей внушенного откровения, хотя и не проистекают от заветника, каковой уподоблен огню.

«Свет к свету» — Он изливает все новые светы и знания. «Бог ведет к Своему свету, кого хочет», — каждый

из них в свое время занимает место Бога (ибо замещает пророка, каковой пророк занимает макам Бога) и ведет к Божьей благодати, знанию Его единства и к спасению тех, чьи помыслы о Боге чисты и чье поклонение искренно: сего он хочет, и это избирает, и именно потому занимает Его место. «Бог представляет людям подобия» — сей замещающий Бога и пророка (мир ему!) устанавливает наместников ⁴¹ своих в областях (*джаза'ир*), призывающих людей к поклонению Всеславному и познанию провозглашенного пророком (да благословит Бог его и род его!). «Бог всеведущ» в делах религии, вероисповедной общины и установлений ее, к спасению ведущих, всезнающ и опытен, ни в чем сомнения не испытывает; и вот, они в своих малых циклах руководят и научают, храня общину, Писание и Закон во все времена (как о том сказал Он: «Ты только наставник им, как и каждому другому народу — свой руководитель» ⁴²) в соответствии со своими силами, благодаря их достигающей [небесной] поддержке и тому, как помогает им их время, — пока не исполнится седмица, завершающая семь циклов, и тем самым (как мы о том говорили) не завершится большой цикл; и так во всех семи [больших] циклах.

Всевышний мудрейше изрек: «Некто спросил о наказании, что постигнет нечестивых, никем не отразимом... А Мы видим его приближенным» ⁴³ — то есть дивятся неверящие в границы Всевышнего и знамения Его, когда Он чрез предержателя седьмого цикла (а он — последний день, когда завершатся циклы) предупреждает их о наказании, что постигнет всех, кто не придерживается здравой веры в единого Бога и не поклоняется Ему должным образом, тем самым отвергая приказания Всевышнего и не веря в Его границы; всех их постигнет то наказание и наложит печать на них, равно как и на «первых и последних». «Нет у него преграды от Бога» — ничто не составляет препятствия для предержателя седьмого цикла в осуществлении постановления Божьего по приказанию Божьему. «Владыки ступеней лестницы» — у Бога есть границы, наставляющие и научающие, кои для последователей своих — как бы ступени, ведущие в Его Царство, пособники в обретении Его милости; это пророки, поддержанные [небесами] и преисполненные добродетелей и светов, те первые и последние, коих сотворил Бог. «По которой ангелы и дух восходят» — поднимаешься ввысь ты, Мухаммед, границы твоего цикла

и предержатель седьмого цикла, все циклы собирающий. «В день», то есть за цикл, в котором число границ, от первых до последних (каковых границ назвал Он «духом», сказав: «В тот день, в который дух и ангелы станут чинами» ⁴⁴, а он (день. — А. С.) — предержатель седьмого цикла), равно пятидесяти: предержатели седмиц в семи циклах — семь по семь — и собирающий всех их, «как вы их считаете» ⁴⁵ — то есть тех, кого считаете вы завершителями своих малых циклов в циклах больших. «Но будь терпелив твердым терпением» — не забудь, чего хочет достичь [божественная] мудрость, будь терпелив в деле своем и неколебим в утверждении столпов поклонения и подготовке условий для счастья. «Они видят его отдаленным» — эти и им подобные, что не знают сами и не прилепляются [к учителям], дабы научиться, считают, что возвещаемое тобой еще далеко или не случится вовсе, «а Мы видим его приближенным» — а Мы, зная, что он есть, видим, что он близок и не мешкает.

Каждый из них в силу соответствия благородным числам обладает макамом, на коем явлены благородные деяния. Например, четвертый, завершитель четвертого цикла, соотнесен среди пророков — предержателей больших циклов с Моисеем (мир ему!), из небесных тел ему соответствует Солнце, а из дней болезни — день четвертый, то есть день малого кризиса; во времена его явлена такая божественная сила, какой не обладал никто другой. Или же седьмой, завершитель малого цикла, после коего начинается шестой большой цикл: он творит в мире то, что было обещано для времени, в которое устои Закона расшатываются, узы религии, запретного и разрешенного, расстроятся и порча охватит многочисленных вероотступников и отщепенцев.

О том сказал Всевышний в дражайшем Писании Своем: «Будет день, когда небо будет как медь расплавленная, когда горы будут как шерсть расщипанная» ⁴⁶. Небо — символ явного призыва и последователей его, а горы — символ призыва скрытого и его последователей; итак, Он говорит: придут в упадок дела призыва явного, связанного с Законом и деянием, из-за множества разногласий и самозванных руководителей, и потускнеют, как тускнеет медь от примеси масла, а дела призыва скрытого, связанного со знанием, тьмой отступников и вертопрахов будут расстроены, как чистая шерсть портится от примеси шерсти краше-

ной. А к концу все изменится: сокрушено будет засилье бесов; их умерщвляя, изгоняя прочь, беря в полон и в железа заковыывая, не дадут им больше главенствовать, и будет все возвращено к изначальным законам, очищенным от нововведений заблудших проходимцев (как о том сказал Али (мир ему!) в одной из своих проповедей: «Если бы в должном мире остался лишь один день», — сии слова его подтверждают нами сказанное: если бы исчезли все имамы и исполненные циклов, кроме одного, — «то Бог послал бы им кого-нибудь, кто наполнил бы их чашу терпения, дабы пожелали они, чтобы был я среди них и заступился за них пред Ним, дабы сказал кто-нибудь из курейшитов: будь он курейшитом, смилостивился бы к нам»; и в другом месте: «Смотрю и вижу в вашей вере властителя, хвостом виляющего, от которого не будет вам ничего, пока Бог не вернет ее вам чрез мужа от меня»).

То будет известное время, когда кончится засилье и главенство бесов, в заблуждение вводящих, и будут сметены они. Ведь Всевышний сказал о Сатане (да будет он проклят!): «Господи! отсрочь мне до дня, в который будут воскрешены они. Он сказал: ты в числе тех, которым отсрочивается до дня известного времени»⁴⁷. Под Господом разумел Он глаголящего, коего поставил Бог господином над всеми в цикле его и над его последователями, а под Сатаной — супостатов и самозванцев, людей в заблуждение вводящих и отклоняющих их от следования святым угодникам Божьим. А первый из них — тот, кто занял место того тельца, коего в цикле Моисея (мир ему!) сыны Израилевы предпочли познать и трепетали от мычания его⁴⁸, а также и последователи его. А речение его (Сатаны. — А. С.) «Господи! отсрочь мне...» показывает, что, когда он понял, что не удастся ему, как он того желал, быть законным владыкой, заняв место визиря и исполняя обязанности заветника (ибо глаголящий объявил, что сей ранг должен быть отдан заветнику), иного решил достичь, поняв, что не скрыть ему ничего от глаголящего, его укорившего. А его сподвижник подтолкнул его к тому, чтобы после него (глаголящего. — А. С.) взять дело в свои руки (что, как мы знаем, и случилось), как о том известил его Бог в речении Своем: «Вот, пророк одной из своих супруг тайно сказал новость... также и ангелы будут ему помощниками»⁴⁹.

И вот, он убоился, как бы пророк не рассказал о нем

все, запретив следовать за ним и верить речам его (ведь пророк — да благословит Бог его и род его! — как тому было известно, предписывая что-либо верующим, всегда одновременно запрещал противоположное), и тем не опозорил его, — а он уже заранее поспешил возвестить своему народу и родне, что его одного изберет пророк. Однако в нем зародилась надежда, что если все останется как есть, то он не будет лишен сего ранга (хотя и не был достоин занять его). Вот он и попросил пророка отложить исполнение того, что уже было провозглашено (а это был один из грехов, отпущенных пророку, дабы быть ему напоминанием до дня Воскресения⁵⁰). Это должно было компенсировать запрещение им поста визиря, дабы не пошло прахом служение его. Об этом сказано Им: «...В который будут воскрешены они».

Пророк (да благословит и приветствует Бог его и род его!) знал, что то, чему суждено быть, сбудется, и не бывать ничему, кроме предначертанного пером мудрости, и что придут на его место другие вершить Божье дело и передавать Божьи вести вплоть до известного срока, каковой срок — срок чистой (*закийя*) души, срок завершения циклов. Вот он и поступил так же, как и прочие пророки, являя милосердие и наказывая творить добро, исполняя легкоисполнимое и оставляя на долю тех, что придут после, все трудносвершаемое. Ведь он знал, что так или иначе, кому суждено, тот объявится, и не избежать разногласий и раздоров, ибо тому будет способствовать время.

И вот Он известил его, что поминание его продлится до дня известного времени, дабы продолжалось оно до тех дней, в кои явится воздвиженный (мир ему!). Слово «день» стоит в неопределенном состоянии:⁵¹ оно означает завершителя шестого большого цикла. Он как бы говорит: дни твои и дни последователей твоих, что будут навязывать свое господство и противиться истине, продлятся до появления первой границы седьмого [большого] цикла, каковой день есть «известное время», в кое преисполнятся границы [небесной] поддержкой и возобладает истинное научение; его можно сравнить с кризисом, каковой есть известное время для проявления душевной силы больного, когда она начинает воздействовать и менять его состояние. И вот, он являет силу, на каждого из осуществляющих [Божье] приказание воздействует, в нем свой светоч зажига, на всех людей влияние оказывает, устои и нормы Закона распрост-

раняет, слово единобожия высоко утверждает, доступ ко всем сердцам закрывает для бесов заблудших, для их учений и записанных наставлений, так же, как они в течение долгих дней и лет доступ к сердцам народа закрывали для угодников Божьих — заместников Его⁵², пользуясь тем, что время не способствовало стойкости угодников Божьих, не говоря уж о переменах и принуждении. Это тот день, что обещан Богом в речении Его: «Будет день, в который Мы сошьем небо так же, как писец свивает написанный им свиток»⁵³. Сим говорит Он: эта граница, один из дней Божьих, не таков, как те, о ком Он сказал: «Напомни ему о днях Бога»;⁵⁴ этот вернет все к изначальному состоянию, каким оно было во времена глаголящего, и закроет заблудшим имамам (кои суть как высшее небо) доступ ко всему, что под ними, как они насильно закрывали истинным имамам доступ к сердцам народа.

Всевышний сказал: «Будет день, когда они увидят ангелов; но в тот день не будет радостной вести... в прах развеваемый»⁵⁵. «Будет день, когда они увидят ангелов», — сим говорит Он, намекая на то, что сбудется в седьмом цикле: ангелы, то есть приверженцы призыва, оба поклонения отправляющие (они в загробной жизни — как ангелы), будут упрекать нерадивых и забывших приказание Божье за то, что, оставив свою религию, обратились они к иному, и возвестят им, что не будут они обитателями рая, бремя повиновения радостно несущими. «Им скажут они: отлученье достойным отлученья!» — они скажут им, что не быть им в числе верующих, ибо уже закрыты врата покаяния; «и тогда Мы доберемся до дел, какие сделали они, и обратим их в прах развеваемый» — и обратят в прах и развеют все их дела и учения, на страстях и своекорыстии построенные, кои не смогут они подкрепить никаким доказательством.

И так будет продолжаться до тех пор, пока не свершится число, коим исполняется цикл. Тогда явит Всевышний чистую душу, завершительницу всех циклов, больших и малых, носительницу светов первых и последних. Это тот последний день, о котором возведено и в который наказано верить и ждать его прихода. Он (последний день. — А. С.) счастливейший из всех счастливых, ибо ему совокупно отдано все явное и скрытое. Чрез него Бог завершает все творение Свое, исполняя не свершенное никем из верующих, ибо именно он собирает истекающие из царства Свя-

тости свету, и ему положило быть предначертание Всезнающего Мудреца. Это ради него тела небесные двигались и воздействовали на нижестоящее, это его прихода ждали, его лелеяли и пестовали души поддержанные. Тогда дух Свято-сти знанием растечется по душам: чистым — в эмпириях, запятнанным — вниз; тогда исполнится новое творение (как мы о том говорили в главе о Воскресении).

Тогда он явит божественную силу распоряжения (*таммакун*) миром и населяющими его существами, и будет творить деяния свои: ему покорно станет все сущее. И буде допустимо, чтобы среди природного было божественное подобие, то он (да приветствует его Всевышний!) был бы Богом, величественно вознесенным над всякой соотнесенностью со Своей тварью, Богом, кроме Которого нет бога, ибо он властен над исповеданиями и ему открыты души и их желания. И вот все творение, от Востока до Запада, покоряется ему, как о том сказано пророком (да благословит Бог его и род его!): «В ночь предопределения⁵⁶ развернутся в одночасье врата неба и исполнится мир светом, и падут ниц пред Всевышним камень и дерево, морские чудища и горы». Все без изъятия повинуются ему: то будет для злодеев час тяжкого испытания, а для благих — добрый сердцу дар.

Сказал Всевышний: «В день, который вострубится в трубу, устроятся все, кто на небесах, и все, кто на земле, кроме тех, которых исключить захочет Бог... как ходят облака...»⁵⁷. Здесь говорится о предержателе дня Воскресения, о том, кто божественной силой запечатывает все циклы и чрез кого Бог собирает вместе все формы⁵⁸. «Устроятся все, кто на небесах, и все, кто на земле», — все люди явного и скрытого будут объаты ужасом, страхом и трепетом, ибо не смогут понять, что происходит, «кроме тех, которых исключить захочет Бог», — кроме тех, кому Бог открыл Свой план и дал знание, тех, кто прилепился к угодникам и последователям Его, кого захотел Он видеть в числе верующих — а желание Его непреложно! «Тогда все предстанут пред Ним смиренными» — друзья и враги, сильные и слабые — все на земле, хотя бы они того иль нет, склонятся пред ним⁵⁹ в повиновении. «Увидишь, что и горы, которые считаешь неподвижными, — и они пойдут, как ходят облака», — и все исполины, что мнят себя неприступными и ни пред кем не склоняются, подчинятся ему так же, как подчиняются

наместники областей и предержатели поддержки и божественного призыва, «зиждательством Бога, который устроил все существующее», — согласно мудрости Всевышнего, коей предначертано собрать такую душу, которой покорятся небеса и все, что над ними, ей помогая явить изумительную мощь. «Он ведающий то, что делаете вы», — ведь он знает, что будет и как будет.

И вот, узрев его, вся тварь трепещет в растерянности и страхе. Всевышний сказал: «Люди! бойтесь Господа вашего: истинно, потрясение часа будет великое событие... Однако казнь Божия будет поразительна»⁶⁰. «Люди!» — сим пророк (да благословит Бог его и род его!) от имени Всевышнего предупреждает людей своего времени и всех, кто вплоть до дня Воскресения увидит свет, говоря им: о вы, которым Всевышний даровал природное бытие, назначив меня вам посланником, дабы следовали мне, возвещающему поклонение Ему и единство Его, «бойтесь Господа вашего» (а богобоязненные суть те, кто собирает оба поклонения), — соединяйте поклонение деянием и поклонение знанием, коих установления принес я вам и кои оба предписал я вам как поклонение Господу вашему, вас сотворившему. «Истинно, потрясение часа будет великое событие» — смиритесь, ибо могущество, власть, мощь и сила, кои явит предержатель дня Воскресения сущим в бытии во время оно и прежде их жившим, на перешеек взошедшим, будут поистине великими, и от мощи его содрогнется земля под ногами живущих и затрепещет пред его силой. «В тот день, когда вы увидите это, каждая кормилица бросит того, кого кормила она», — когда, завершая цикл, явится он в бытии, все проповедники и границы, только собою занятые, перестанут научать и вразумлять, так же, как в ужасе, страхе и растерянности обо всем забывает человек, когда у него из-под ног уплывает земля, как кормилица забывает о своем дитя. «И каждая беременная выкинет бремя свое» — они откажутся и забудут обо всех последователях призыва, перестанут воспитывать и научать, так же, как беременные в испуге выкидывают плод свой независимо от того, доношен он или нет. «Увидишь людей пьяными» — тогда никто не будет знать, что от него требуется, как пьяные не понимают, что с ними творится, «но они не будут пьяны» — но те, кто собирает оба поклонения и так чтит Всевышнего, не относятся к числу незнающих: в прошедшие времена, к святым угодицам Божиим прилепившись, стали они знающими и ведающими. «Однако казнь

Божия будет поразительна» — внушающее трепет величие его, плоть и кровь твари пронизавшее, всех повергнет в величайшую растерянность, предвещая силу Всевышнего и непреложность Его обещания и угрозы.

Тогда содрогнется природная земля, являя, как о том сказано, таящиеся в недрах сокровища и клады и многие богатства⁶¹, а земля религиозная, — являя хранимые в ней знания (как о том сказано в Законах). Тогда без всякого предела разольются знания и счастье; знание благодаря множественности обладателей оного перейдет в акт, а невежество благодаря малочисленности неведающих обратится в потенцию, как мы о том говорили в «Садах и поприще разума». Тогда отставшие примкнут к первым (как у сеятеля поздние посевы присоединяются к ранним), и все станут знающими. Сказал Всевышний: «...В тот день, который юношей сделает седыми»⁶², — тех, кто был в науках юнцом, тот день сделает умудренным опытом и знаниями старцем. Он соберет всю тварь, спросит с них отчета за их убеждения и исповедания и горько упрекнет их за то, что, имея книги пророков и изречения их, презрели их наставления и запреты. Тогда обнаружится все (как сказал Всевышний: «Вы предстанете пред Знающего тайное и явное, и Он откроет вам то, что сделали вы»⁶³, и просветлятся лики людей обоих поклонений (как сказал Всевышний: «В тот день у некоторых лица будут сияющие, взирающие на Господа их... бедствии»⁶⁴), и суждена будет обитателям пламени мука, а обитателям рая — скорая награда.

А затем Знающий уйдет, забрав с собой всех «первых и последних». Ведь Бог сотворил новое творение, прославляющее и превозносящее, самосушее и духовное; первоматериальное по самости, святое по акту. И вот оно — в царстве Святости, от теснины тел свободное, приведшее всех, кто был с ним, к Истинной Цели: «Благочестивые будут в садах и среди рек, в обители правды, пред Царем всемогущим»⁶⁵.

Тогда запрутся врата, как сказал о том Иисус (мир ему!) притчей в Евангелии: тот, у кого было масло и светильник, сидел на дороге, ожидая жениха, дабы вместе с ним войти в дом, богато убранный и полный благ. Те, у кого не оказалось масла, попросили его у того, кто оно имел, и, не заплатив ему ничего, сказали: вернись в свой дом и принеси масла. Тот ушел; и вот приходит жених, заходит в

дом его вместе со спутниками, кои были запасливы, и запирает врата пред лицом тех, у кого не было масла. Тогда скорбь и раскаяние одолевают тех, но не дано осуществиться их желанию⁶⁶, как о том сказал Всевышний: «„Взгляните на нас, чтобы нам принять сколько-нибудь от света вашего“». Сказано будет: возвратитесь назад и просите себе света... вовне — со всех сторон мука»⁶⁷.

Тогда не останется ни земли, ни неба, ни звезд, ни воздуха, ни воды, ни чад религии, но только вечно-пребывающий дражайший лик Его. Сказал Всевышний: «Когда небо расторгнется»⁶⁸ (а это слово толкуют как «расколется») — недействительны станут установления Закона, «когда звезды рассеются»⁶⁹ — исчезнут макамы границ религии Божьей, «когда моря польются»⁷⁰ — явятся на свет установления прежних религий и твердым станет поминание границ религии Божьей и наук их, извлеченных из Законов, «когда могилы перевернутся»⁷¹ — вся мудрость и все знания явятся в мире и умножатся блага. «Тогда душа увидит, что сделала она прежде и что сделала после»⁷², — когда случится это и установления вероисповеданий действительно исполнятся, тогда узнает душа, что сотворила благого и дурного, и почувствует ущерб от того, что лучших считала последними, а худших — первыми.

Также сказал Всевышний: «Когда солнце обовьется [мраком]»⁷³ — исчезнет влияние принесенных пророками Законов, кои суть как солнечный свет, «когда звезды померкнут»⁷⁴ (это место толкуют так: звезды падут на землю, так что все звезды небесные окажутся на земле) — ранги границ исчезнут, и прекратится их воздействие на подопечных, исчезнет и начертание, ибо это — Воскресение. «Когда горы с мест своих сдвинутся»⁷⁵ — подчинены будут великие мира сего и как один покорятся предержателю Воскресения, «когда десять месяцев беременные верблюдицы будут без присмотра»⁷⁶ — и с упразднением рангов границ прекратится научение, «когда звери столпятся»⁷⁷ — все живое на земле будет подчинено той единой воле, «когда моря закипят»⁷⁸ — будут утверждены границы явного Закона и восстановлено все изъятое прислужниками бесовских нововведений (а случится это в «известное время», а также ему подобные [времена] в седьмом цикле), «когда души сопрягутся»⁷⁹ — каждый найдет себе достойную пару среди лицемеров и блудодесв, «когда похоронен-

ная живо будет спрошена: за какой грех она убита?»⁸⁰ — и спросят их: по какому праву не давали границам Божиим занять достойный ранг, предпочитая им других, «когда свитки разовьются»⁸¹ — пороки и изъяны разных верований, «когда небо, как покров, снимется»⁸² — и память о заблудших предводителях сотрется из сердец, ибо завершилась их роль и все пришло ко дню Воскресения, закончились циклы и всё — в руках Единого Всепобеждающего, «когда рай разгорится»⁸³ — предержатель дня Воскресения явит строптивцам знак угрозы Божьей, «и когда рай приблизится»⁸⁴ — в мире дольном и мире загробном осуществятся для богобоязненных обетования Божьи, «тогда душа узнает, что заготовила она себе»⁸⁵ — тогда души познают истинную суть всего, что сообщено было посланниками, тогда приверженцы единобожия пребудут до тех пор, пока есть небеса и земля, и день за днем будут терять они признаки религиозности, пока те не исчезнут вовсе и знание не станет вновь потенциальным (ибо не будет носителей его), а невежество — явным из-за многочисленности невежд. Тогда подпадет мир под дикую власть невежества (как сказал о том Всевышний: «В ней они останутся на известные години... смрадной»⁸⁶), а затем сотворит Бог, что хочет, и рассудит, как пожелает, в соответствии с мудростью Своей. Все это — Его, ибо это — второй предел сущего, коего первый предел — Творение (то есть Сотворенное, то есть Первое Сущее, как мы о том уже говорили): соединятся они, и исполнится творение, и осуществится конечная цель и предел всего, и всеобщая форма.

И вот, придя к тому, что обещали мы в начале сей книги, скажем: заблуждаются те, кто пытается познать запредельное, не опираясь на начертания Всевышнего, отвергая истинное, находясь во власти своей смеси и в плену побуждений самости. Заблуждаются философы⁸⁷, учащие о душе, о том, каковы ранги ее и как поднимается она со ступени души чувственной на ступень глаголящей. Целиком во власти своих теорий, мнят они, будто все это истина. Искусные в обретении посылок, коими выявляют неявное, они ограничиваются знанием, изложенным в их пяти книгах (логике, физике и топике), и забывают об упражнении души в религиозном действии, обо всем, что делает ее нравственной и добропорядочной. Заблуждаются также и мутазили-ты и им подобные. Какого счастья достичь и какое деяние

совершить могут такие люди? А ведь именно в этом вся надежда тех, кто хочет, чтобы поднялась душа со ступени чувственной на ступень ангельскую и обрела счастье, и лишь так можно пороки обратить в добродетели (о чем писали мы в «Короне разумов»).

Но они в это не верят и этого не практикуют. А ведь Всевышний ясно сказал о тех, кто частично верует в Писание, а частично отвергает: «Ужели вы в одну часть Писания веруете, а другую часть отвергаете? Тем из вас, которые поступают так, воздаянием будет одно только бесславие в настоящей жизни»⁸⁸. «Ужели вы в одну часть Писания веруете, а другую часть отвергаете?» (здесь говорится и о том, что связано с явным поклонением, ибо оно — «часть», и о том, что связано со скрытым поклонением, ибо оно — также «часть») — укоризненно вопрошает Он: веруете ли вы в предписанные Писанием Всевышнего оба поклонения, коими достигается совершенство и счастье души, или же практикуете только часть (явное поклонение действием или скрытое знанием), ее соблюдаете и бережете, а другую часть презрели и отвергли, то есть забываете об установлениях другой части поклонения — скрытого ли поклонения знанием, или же явного деянием? «Тем из вас, которые поступают так, воздаянием будет одно только бесславие в настоящей жизни» — поступая так, одно в поклонении принимая, а другое отвергая, ничего не достигнете вы, но только умалите свое благочестие, лишите душу счастья и ввергнете ее в страдания. «А в день Воскресения они будут преданы самой жестокой муке» — по истечении всех циклов наихудшим будет состояние ее (души.— А. С.); в день Воскресения, когда «вострубится в трубу»⁸⁹, достигнет ее жесточайшая скорбь и раскаяние, что не почитала она Всевышнего как должно, и возжаждет она заступничества, но не дано ей будет это, ибо уж перешли в акт установления вероисповедной общины. «Бог не остается невнимательным к делам вашим» — ведь замещающие Всевышнего в новом творении границы никогда не пренебрегали должным, научая и побуждая к поклонению, как то предписано. «Для тех, которые променивают будущую жизнь на настоящую» (здесь говорится о тех, кто ограничивается только одним поклонением, не соединяя оба воедино и не придерживаясь установлений обоих), — те, о ком уже говорилось как о частью верующих и частью неверующих, а именно — плуты

и обманщики в общине нашей, верующие в явное поклонение действием и отвергающие скрытое поклонение знанием, а также философы и крайние [шииты], верующие в скрытое поклонение знанием и отвергающие явное поклонение действием, и все, кто им подобны, презрев речения святых угодников Божьих и границ Его, продали загробную жизнь свою за то, что мнилось им в земной жизни, целиком отдавшись начертаниям своего разума, отвергнув водительство наместников Всевышнего по верному пути к спасению, не отдавшись скрытому поклонению так же, как отдались явному, и не отдавшись явному поклонению так же, как отдались скрытому. «Не будет ослаблена эта мука, и не получат они помощи» — и не покинут их муки и скорби, и не избавятся им от тех злостных верований, что пустили корни в их душах и вошли в их плоть и кровь.

Да и будет ли счастлива душа, если не собирает совокупно знание и деяние, если не украшена тем или другим (или обоими вместе), если отвергла требуемые для одного условия и не покорилась тому, кто ведет к Ясной Истине?⁹⁰ Разве тот, кто ограничивается одним явным поклонением (кое исправляет душу, удерживая ее от страстей и очищая от всего, что в силу смеси ее делает ее схожей со зверями), своим умом, ничего не познавая и не читая, сможет объять знание единобожия и начал сущего, начало тварного мира и тот предел, в коем заключено совершенство и исполненность души? И разве тот, кто знает, что щедрость есть середина между скупостью и расточительством, а смелость — середина между трусостью и безрассудством, уже щедр и смел, еще не совершив ни одного щедрого или смелого поступка?

О нет! Потенциальным разумах не достичь акта без помощи Богопоставленного воскрешающего (*bā'ūc*) водителя, поддержанного и исполненного, совершенного и актуального, такого, как пророк наш Мухаммед (да благословит Бог его и род его!) и заместители его в водительстве и научении. Счастье души обретается только тогда, когда получает она от них руководство в деяниях и знаниях.

И да знает она, исповедуя единобожие, что Тот, с Кем связано все сущее, есть Имя, коему среди сущего не найдешь ни формы, ни атрибута и вообще ничего с ним схожего, с помощью чего разумы могли бы объять его и запечатлеть. Ведь всякая запечатлевающая форма или сообщение о

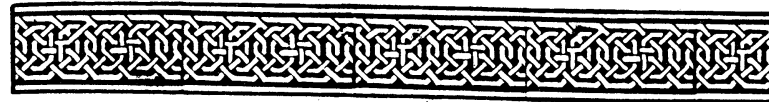
Нем Им же, Всевышним, произведено и является действием Его. И если кто-нибудь захочет говорить о Нем, посчитав, что умозрением, мыслью и представлением своим достиг желаемого, тут же то, что он считает совершенным и достаточным высказыванием о Всевышнем, оборачивается каким-нибудь атрибутом Им произведенного сущего; так же точно то, чем хотят выразить *хамзу* (которая не имеет в языке формы), оборачивается *алифом*, *вавом* либо *йа*, кои принадлежат языку и входят в него⁹¹.

Таково всецелое, частности коего известны тому, кто воистину брат наш.

Всеславен Тот, Кому разумы, придавая атрибут, тут же оный отрицают; нет бога кроме Него, Господа Великого Престола. Сим завершаем эту книгу, вознося хвалу Богу, Господу миров; и да пребудет благословение Его с Его посланником — господином посланников и чистым родом его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

Переписка сей благословенной книги господина нашего Ахмеда Хамид ад-Дина аль-Кирмани, худджи обоих Ираков, великого шейха, мудрейшего философа (да будет свята его могила, да наделит нас Бог его благодатью!) закончена 15-го шабана 1093 года хиджры⁹² нашего пророка и господина Мухаммеда (да благословит и приветствует Бог его и род его!). Переписал ее бедный раб и великий грешник пред Богом Всевышним, покорный служитель Мухаммеда и Али, их рода и всех чистых имамов, Али бен аль-Хусейн бен аш-Шейх Махмуд, уроженец Йемена, выходец из Наджрана, проживающий в Индии в Хайдарабаде.

Лишь Бог Великий и Всевышний, Милосердный
и Всепрощающий Попечитель дарует
крепость и силу, и да наделит
нас Бог благодатью
имама нашего
времени!

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Оность* — я предлагаю такой перевод как кальку арабского термина *хувийя* (*хува* — «он» и суффикс абстрактного существительного *-ийя*); на английский *хувийя* иногда переводят как *He-ness*.

² *Пророческое произведение* — под этим аль-Кирмани понимает «мир религии», в котором могут различаться догматические постановления (Закон, основа «поклонения действием»), теоретические знания (науки, основа «поклонения знанием») и социальная структура (иерархия исмаилитской общины).

³ Аллюзия на аяты: «Высоко цените вы здешнюю жизнь; но будущая лучше, потому что вечна. Так и в прежних свитках, в свитках Авраама и Моисея» (Коран, 87:16—19, С. *).

⁴ Аллюзия на кораническое описание рая: «Эти — приближенные к Богу. Они будут в садах сладости (это сонм людей из первых, и немногие из последних); на украшенных дорогими камнями седалищах, облокотившись на них и сидя одни против других. Вечно юные отроки будут носить вокруг них кубки, братины, чаши с напитком, от которого они ни одуреют, ни опьянеют... Чернозеничные, велеокие, подобные хранимым жемчужинам [девы] будут им воздаянием за то, что они прежде делали» (Коран, 56:11—24, С.).

⁵ «Бог — наше довольство: Он надежный защитник!» (Коран, 3:173, С.). Аль-Кирмани часто добавляет к этой формуле слова «Прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!» (Коран, 22:78, С.).

* Во всех случаях при цитировании Корана, когда отсутствует указание на перевод Г. С. Саблукова (С.) или И. Ю. Крачковского (К.), перевод выполнен мною.